

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Челябинский государственный
педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 19.02.2016 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 200 экз.

Заказ № 105.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**Лажав Ран**

Философская практика – quo vadis? ... 7

Павлов Александр Валентинович

Дискурс и его логика: рождение
науки из духа улицы 15

Склярова Елена Алексеевна

Вера, знание, убеждение в различных
мировоззренческих проекциях 21

Рыльская Елена Александровна

Тест «Жизнеспособность человека»:
разработка и психометрические
характеристики 25

Филиппов Дмитрий Евгеньевич,**Самойловских Екатерина Андреевна**

Роль корпоративной философии
в формировании концептов
корпоративного издания 31

ВЛАСТЬ**Зырянов Сергей Григорьевич**

Парламентские выборы 2016 года
в России: риски для политического
режима 36

Липская Лариса Алексеевна

Современная реальность в зеркале
политической герменевтики 45

Жилина Вера Анатольевна

Идеологическое управление
как сущностная черта развития
социума 51

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И.В. Лаврентьева* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Безвербный

Александр Александрович

Политическая рефлексия:
взаимодействие соматической
и социальной идентификаций 56

Старостин Алексей Александрович

Основные векторы развития
российской национально-
государственной идентичности
как вида социально-политической
рефлексии 62

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Ляско Александр Кимович

Власть институтов: доверие,
контроль и неформальное
регулирование практики
экономических отношений 68

Вылегжанина Анастасия Олеговна

Стратегические приоритеты
инновационного развития
Тюменского региона 74

Ткач Елена Сергеевна

Использование инструментов
гарантирования в реализации
«антикризисных» мер финансовой
поддержки малого
предпринимательства 80

Щекотин Евгений Викторович

Социальное управление
в турбулентном обществе:
вопросы безопасности и риска 87

Куштым Евгения Александровна

Управление как реализация
субъектных отношений 93

Большаков Дмитрий Владимирович,
Внутских Александр Юрьевич

Концепция выбора как элемент
теории принятия решений 97

Артёмова Ольга Васильевна,
Логачёва Наталья Модестовна

Оценка доступности социальной
инфраструктуры в сфере
образования в субъектах
Уральского федерального округа 101

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.11 – Социальная философия.
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.
- 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Шаврина Юлия Олеговна

Оценка справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства 110

КУЛЬТУРА

Мальцев Ярослав Владимирович

Субъект современности в аспекте поп-культуры 118

Логиновский Сергей Сергеевич

Бедняк: позитивное переосмысление негативной идентичности в христианском дискурсе
Иоанна Златоуста 125

ИСТОРИЯ

Кокарев Максим Сергеевич

Финансирование епархиальной миссии Русской Православной Церкви в 1905–1917 гг.
(на материалах Самарской епархии) ... 131

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Корнейчук Борис Васильевич

Рецензия на книгу
Д.Ю. Миропольского,
И.А. Максимцева, Л.С. Тарасевича
«Основы теоретической экономики» 135

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
(Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
(Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylynykh
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
(Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 19.02.2016.

Format 70x108^{1/16}
Reference sheet area 8,75. Issues – 200.
Order № 105.

Designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIUM

Lahav Ran

Philosophic practice – quo vadis? 7

Pavlov Alexander Valentinovich

Discourse and its logic: creation
of science from the street spirit 15

Sklyarova Elena Alekseevna

Faith, knowledge, conviction
in different worldview projections 21

Rylskaya Elena Aleksandrovna

Test «Human system capability»:
working out and
psychometrical characteristics 25

**Philippov Dmitriy Evgenyevich,
Samoylovskikh Ekaterina Andreevna**

The role of corporate philosophy
in forming concepts in a corporate
publication (as exemplified
by the newspaper of Chelyabinsk
State Pedagogical University
«Chelyabinsk Pedagogical...») 31

POWER

Zyryanov Sergey Grigoryevich

Parliamentary elections of 2016
in Russia: risks for political regime 36

Lipskaya Larisa Alekseevna

Modern reality in the reflection
of political hermeneutics 45

Zhilina Vera Anatolyevna

Ideological management
as an essential characteristics
of the development of a society 51

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor
(Uppsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Bezverbnyiy

Aleksander Aleksandrovich

Political reflection: correlation
between somatic and social
identification 56

Starostin Alexey Aleksandrovich

The main vectors of developing
national identity as a kind of social
and political reflection 62

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Lyasko Aleksander Kimovich

Power of institutions: confidence,
control and informal regulation
of the practice of economic
contacts 68

Vylegzhana Anastasiya Olegovna

Strategic priorities of innovative
development of Tyumen region 74

Tkach Elena Sergeevna

Using tools of guaranteeing
when realizing «anti-recessionary»
measures for financial
supporting small business 80

Shchekotin Evgeniy Viktorovich

Social management in a turbulent
society: aspects of security and risk 87

Kushtym Evgeniya Aleksandrovna

Management as realization
of subject-subject relationship 93

**Bolshakov Dmitriy Vladimirovich,
Vnitskikh Aleksander Yuryevich**

Conception of choice as
an element of the theory
of making decisions 97

**Artemova Olga Vasilyevna,
Logacheva Natalya Modestovna**

Estimating availability of social
infrastructure in educational sphere
in constituent territories of Urals
Federal District (on the basis
of the results of the sociological
survey) 101

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

Shavrina Yulia Olegovna

Estimating fair value of biological assets in beef raising as a means of financial recovery on the basis of data of book accounting of agricultural organizations 110

CULTURE

Maltsev Yaroslav Vladimirovich

Subject of modernity in the aspect of pop-culture 118

Loginovskiy Sergey Sergeevich

A poor man: positive rethinking of negative identity in the Christian discourse of John Chrysostom 125

HISTORY

Kokarev Maksim Sergeevich

Financing diocesan mission of the Russian Orthodox Church in 1905–1917 (as exemplified by Samara diocese) 131

CRITICISM AND REVIEWS

Korneychuk Boris Vasilyevich

Review on the book by Miropolskiy D. Yu., Maksimtsev I.A., Tarasevich L.S. «The basis of theoretical economics» ... 135

УДК 101.1-9; 171

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА – QUO VADIS?¹

Лаван Ран (Lahav Ran),

Государственный колледж Джонсона (Johnson State College),
Сиенский университет (Siena Heights University),
доктор философии,
магистр психологии,
философ-практик,
г. Хардвик (Hardwick),
США (Вермонт).
E-mail: ranlahav@gmail.com

Аннотация

В статье дается исторический обзор движения философской практики, критический анализ основных форм и методов, используемых в философской практике, а также выдвигаются прогнозы и варианты новых идей в этой сфере деятельности.

Ключевые понятия:

философская практика,
философское консультирование,
современная западная философия,
Г. Ахенбах, Л. Маринофф,
О. Бренифье,
философское партнерство.

Философская практика – это родившееся в 1980-х годах движение тех философов, которые полагают, что философия может быть применима к жизни простого ординарного человека. Они верят, что философия может помочь сделать жизнь более полной и более значимой, и поэтому это должно интересовать широкую публику, а не только философов-профессионалов. Однако при взгляде на текущее состояние дел следует отметить, что успех этого движения среди широкой публики (все еще?) весьма незначительный.

Чтобы понять ситуацию в этой области, а также ее будущее, важно поразмышлять над ее историей. Я полагаю, что способы, которыми мы осуществляем философскую практику теперь, являются в основном продуктом исторического выбора, который мы сделали в прошлом, и что эти способы не обязательно были единственными или лучшими из всех возможных.

Исторический обзор движения философской практики

Немецкого философа Герда Ахенбаха (Gerd Achenbach) обычно считают основателем движения философской практики. Я предлагаю считать 1982 год датой рождения нашего движения, а не 1981, когда Ахенбах открыл свою философскую практику (Philosophische Praxis), то есть год спустя, когда он основал ассоциацию представителей данной сферы деятельности. В конце концов философская практика сама по себе не была чем-то новым. Многие философы на протяжении всей истории использовали философскую рефлексию, чтобы обращаться к жизненным проблемам, и Ахенбах был, конечно, не первым. Но он был первым, кто сделал эту деятельность отдельной сферой, основав профессиональную ассоциацию.

Год или два спустя, все еще в начале 1980-х, вторая группа философов-практиков, состоящая из студентов философии Амстердамского университета, начала формироваться в Голландии. Ее тремя основателями были Эд Худжендик (Ad Hoogendijk), Ида Джонгсма (Ida Jongma) и Дрис Боел (Dries Boele). Первые два покинули это поприще, и только третий все еще занимается философской практикой.

¹ Статья базируется на лекции, прочитанной на 13-й Международной конференции «Философская практика как профессия и как новая парадигма в философии» в августе 2014 г. в Белграде (Сербия).

Перевод выполнен С.В. Борисовым по изданию: Philosophical Practice – quo vadis? by Ran Lahav // <http://www.philopractice.org/history-ran-lahav> (Дата обращения 10.01.2016).

Голландская группа быстро выросла до нескольких десятков практиков и несколько лет спустя, в 1988 году, образовалась их официальная ассоциация.

Больше десятилетия после своего рождения философская практика оставалась более или менее ограниченной этими двумя небольшими группами в Германии и Голландии. Немного изменилось в этих двух группах и за 12–13 лет, и не очень многие узнали об этой новой сфере деятельности. Эти годы можно считать первым периодом в истории движения.

Затем, в середине 1990-х, философская практика начала появляться в других странах. Начался второй период движения. Основной причиной этого нового импульса стала I Международная конференция по вопросам философского консультирования. Так как я был вовлечен в это лично, позвольте мне сказать об этом несколько слов.

Когда я вошел в эту сферу деятельности в 1992 году и начал экспериментировать с философским консультированием, я посетил голландские и немецкие группы. Я скоро понял, что мы были все еще в процессе зарождения, все еще пытаюсь самоопределиться. Главной темой обсуждения среди практиков было то, чем философская практика или консультирование (различие между этими двумя понятиями еще не было установлено) отличались от психотерапии. Я понял, что для того чтобы вырасти, мы должны были начать международный диалог, и я предложил международную конференцию, которая объединит философов разных стран и различных направлений. Несколько университетов, к которым я обратился, не были готовы устроить конференцию по такой малоизвестной проблематике. В конечном счете один из участников сборника, который я подготовил в то время [2], Лу Маринофф (Lou Marinoff), предложил учебное учреждение, где он преподавал, Университет Британской Колумбии (University of British Columbia) в Ванкувере. Тем летом я предпринял путешествие на север страны – в Аляску, и когда на моем пути появился Ванкувер, я встретился с Лу. Вместе нам удалось убедить его начальника, руководителя Центра прикладной этики, и год спустя, в 1994 году, мы открыли I Международную конференцию. Последующие международные конференции стали проходить обычно каждые два года.

Как следствие I Международной конференции, а возможно также других фак-

торов, идея философской практики начала распространяться в разных странах. В следующее десятилетие были созданы несколько ассоциаций, сначала в США, а затем в некоторых западноевропейских странах и Латинской Америке. То, что ознаменовало этот второй период философской практики, – это децентрализация (de-centralization). Движение больше не сосредоточивалось в Германии и Голландии. Новые группы вполне независимо друг от друга развивали свои собственные идеи о том, как практиковать философию. Английский язык стал нашим международным языком общения.

Тем не менее, философская практика оставалась в основном неизвестной широкой публике и была ограничена небольшими группами. Следующий этап – третий период нашей истории – характеризуется популяризацией философской практики. Это началось с 2000 года, когда несколько популярных книг, особенно бестселлер Лу Мариноффа *“Plato, Not Prozac”* [3] помогли познакомить большое количество людей из многих стран с идеей философской практики. Аналогично такой практик, как Оскар Бренифье (Oscar Brenifier), помог распространить нашу идею посредством популярных презентаций-бесед, которые он проводил во многих странах. Независимо от того, кто и что думает о популярных книгах и популярных презентациях-беседах, нужно признать, что они помогли привлечь внимание к философской практике.

Параллельно с этими событиями несколько практиков работали над распространением нашей идеи в испано-язычном мире, где английский язык менее распространен. Испанский философ-практик Хосе Барриенто (José Barrientos) стал особенно известен благодаря своим усилиям по созданию новых философских групп и распространению программ в Латинской Америке. Интересно то, что в нашем движении не возникла никакая авторитетная фигура, наподобие Фрейда в психологии, которая бы диктовала всем, что такое философская практика. В результате различные группы развивали свои собственные методы работы и стили мышления.

На настоящий момент у нас есть отдельные философы-практики, а также группы и ассоциации во многих странах, прежде всего в Западной Европе, Северной Америке и Латинской Америке. Некоторая активность наблюдается в Восточной Европе, Восточной Азии и в других регионах. И все же, несмотря на все это, больше чем три

десятилетия спустя после того, как возникло наше движение, его численность все еще очень мала, мало наших клиентов, и широкая общественность не осведомлена о нашем существовании. В этом отношении мы, к сожалению, отличаемся от других движений, которые появились в прошлом веке и заняли видное место в мире: гуманистическая психология, экзистенциальная терапия, коучинг, общество анонимных алкоголиков, теософия, общество сознания Кришны, практики медитации и многое другое. Все это такие же новые направления, как и наше, но в отличие от нас они преуспели у широкой публики. У нас нет такой известности. Мы представляем собой только несколько сотен практиков во всем мире, за которыми следует весьма небольшое количество людей.

Можно, конечно, утверждать, что популярность и качество – это не одно и то же. По аналогии голливудские фильмы более популярны, чем талантливые фильмы великих режиссеров, таких как Ингмар Бергман или Андрей Тарковский. Это, конечно, верно, но в то же время мы не можем игнорировать статистику, особенно учитывая наше намерение сделать философию близкой широкой публике. Мы должны спросить себя: мы действительно даем людям что-то значимое, чтобы они следовали за нами? Насколько этот вклад важен для их жизни?

Чтобы ответить на эти вопросы, давайте исследуем, какими путями шла философская практика до сего дня. В большей степени, как я уже отмечал, то, что мы делаем теперь, есть результат того пути, которым мы двигались все 30 лет. Может, нам следует искать новые пути и новые ориентиры?

Ранние стремления

Оглядываясь на 1980-е годы, интересно отметить, что у немецких и голландских пионеров были очень высокие стремления. Они полагали, что философская практика могла бы предложить что-то новое для мира, быть для него уникальным посланием, новым способом коснуться жизни. Как писал Ахенбах в 1984 году, роль философии в том, что она должна подвергнуть сомнению все, что выглядит уважаемым, нормальным и здравым в обыденной жизни [1].

Мы можем описать стремления этих пионеров как «революционные». Они представили философа-практика как провока-

тора, ведущего сократовский диалог, или как античного стоика, который стремится существенно изменить внутреннюю жизнь людей, или как античного эпикурейца, который оставляет нормальные привычки жизни, чтобы жить в соответствии с различием ценностей и потребностей.

Любопытно, что в противоположность этим высоким стремлениям эти первоходцы решили практиковать свою философию не на улицах, не в кругу посвященных, не на собраниях единомышленников, а в офисе, где они принимали клиентов в течение часа, точно так же, как это делает «нормальный» терапевт или врач, или финансовый советник. Они хотели превратить философскую практику в уважаемую, прибыльную, нормальную профессию. Ахенбах, а также голландские пионеры, предоставляли платные услуги и таким образом превратили философскую практику в очень специфичную сферу деятельности: не в сферу уличных или социальных действий или партнерства (companionship) людей, ищущих истину, а скорее в сферу профессиональных услуг, другими словами, сферу, ориентированную на рынок.

Теперь ясно, что эти два главных стремления, которые мотивировали ранних практиков, – революционное стремление дать миру новое видение и профессиональное стремление стать представителями уважаемой профессии – очень отличаются друг от друга. По своей природе они тяготеют к различным концепциям того, что могла бы означать философская практика. В то время как первым является по существу революционное видение, вторым является лишь косметическое улучшение, приведение к норме (normalizer). В то время как первым является видение людей, ищущих истину, которые хотят углубить понимание собственной жизни и жизни своих друзей, вторым является сфера платных услуг, предлагаемых профессионалом клиенту.

В некоторой степени эти две мотивации все еще с нами и сейчас, три десятилетия спустя. Однако кажется, что с течением лет профессиональная мотивация стала доминирующей, и революционное видение стало довольно редким среди нас. У меня такое впечатление, что большинство практиков в наше время предоставляют профессиональные услуги отдельным клиентам или группам людей, надеясь поддержать себя в финансовом отношении. Мы становимся все меньше и меньше подвижниками (visionaries) и все больше и больше профессионалами в сфере услуг.

Возможно ли, что эта профессиональная ориентация – причина нашей ограниченной популярности? Возможно ли, что мы должны возродить тот подвижнический огонь, который вдохновлял когда-то таких великих философов прошлого, как Платон, Руссо, Ницше и многих других? Ясно одно, мы не можем мириться с этой неопределенной ситуацией.

Ранние форматы

Довольно с темой стремлений. Теперь позвольте мне указать на то, что *стремления* ранних первопроходцев были тесно связаны с *форматом*, который они использовали в своей философской деятельности.

Чтобы увидеть это, давайте переместимся в 1980-е годы и почувствуем себя теми пионерами. Если мы – философы, желающие найти способ приблизить философию к повседневной жизни, то мы имеем множество форматов для выбора. Например, как философы-практики мы можем пойти на рынки и улицы и, как Сократ, вовлечь людей в неформальные беседы. Или мы могли бы основать группу саморефлексии для философствующих, помогая друг другу размышлять, возможно, с помощью философских текстов. Или проводить семинары интенсивных философских упражнений наподобие занятий йогой. Или организовать специальные группы поддержки наподобие анонимных алкоголиков, где люди обсуждают все, что произошло с ними в течение недели. Мы могли бы открыть что-то наподобие «ашрама» или греческой академии, где люди взаимодействуют и учатся без фиксированной программы. Мы могли бы установить свободно организованную сеть философов-партнеров, которые контактируют раз в неделю. И, конечно же, мы могли бы открыть офис для консультирования для тех, кто придет на часовой сеанс за умеренную плату.

Короче, есть широкий диапазон возможных форматов для философской практики: некоторые очень структурированные, некоторые менее, некоторые индивидуальные, а некоторые групповые, некоторые со строго определенной группой участников, а другие открыты для всех желающих, некоторые имеют дело с жизненным опытом самих философов-практиков, в то время как другие – с жизненным опытом клиента-нефилософа.

Тем не менее, из всего многообразия потенциальных форматов и Ахенбах, и гол-

ландские пионеры решили сосредоточиться, прежде всего, на одном – на формате индивидуальных консультаций, что впоследствии стало называться «философским консультированием».

Это был любопытный выбор – дать философии формат философской консультации. Этот формат был, очевидно, заимствован из психотерапии, от которой, как утверждали философы-практики, они очень отличались. Это имитировало стандарт «лечения разговором» психолога, что в 1980-х годах было уже довольно популярно в западном мире и осуществлялось многими способами: неофрейдистские подходы, когнитивная психотерапия, экзистенциальное консультирование, гештальт-терапия, гуманистическая психология и многое другое. Во всем этом было иногда больше равноправия, иногда авторитарности, иногда это базировалось на методе, иногда на полной свободе, иногда на логике, иногда на эмоциях. На этом богатом фоне философское консультирование выглядело лишь одним из многих подходов.

Выбор следовать за психотерапией и использовать формат консультирования остался с нами с тех первых лет. Сегодня много практиков во всем мире стремятся стать философами-консультантами. Это удивительно, принимая во внимание, что у очень немногих философов-консультантов в настоящее время есть достаточное количество клиентов. Они могут устраивать публичные выступления или семинары для бизнесменов, или они могут работать под «вывеской» психолога, если у них есть такое право, но в роли собственно философов-консультантов они востребованы в очень малой мере.

Кроме весьма скромного успеха по привлечению клиентов, у этого формата есть еще одно ограничение: оно связывает философскую практику с весьма специфичной целевой аудиторией. Формат консультации подходит для тех людей, которые, столкнувшись с личной проблемой, чувствуют потребность в конфиденциальной помощи. Обычно именно такого рода люди появляются в офисе философа-консультанта.

Важно отметить, что пионеры философской практики могли бы привлекать разнообразную целевую аудиторию. Например, могли бы выбрать форматы, которые подходят людям, ищущим мудрость и саморазвитие, и таких людей очень много. Такие люди не страдают от какой-либо определенной личной проблемы, но все

же они чувствуют, что что-то отсутствует в их жизни. Некоторые из них пытаются заполнить пустоту, посещая учебные курсы, осваивая новое хобби или присоединяясь к новым сектам, или посещая творческие кружки, или занятия йогой. Однако многие из них слишком рациональны для таких идей; они хотят что-то менее абстрактное и более личное, чем университетские лекции; и они не удовлетворяются дыхательными упражнениями, потому что они ищут понимания, саморефлексии, мудрости. Это люди, которые проявили бы себя в контексте философского поиска, но не в плане консультативной помощи профессионала.

Таким образом, принимая решение сконцентрироваться на формате консультирования, ранние философы-практики выбрали определенный вид целевой аудитории, а именно, людей, нуждающихся в помощи. Поэтому они и сравнивали себя с психотерапевтами, и в то же время игнорировали потенциально важную аудиторию, состоящую из тех людей, которые ищут саморазвития и мудрости. Этот выбор ознаменовал всю историю философской практики до сего дня.

Помимо консультирования, к репертуару этого движения был добавлен второй формат, проявивший себя уже в начале 1980-х годов: сократовский диалог, философское кафе или небольшие дискуссионные группы. Этот вид деятельности был главным образом вдохновлен движением сократовского диалога, основанным немецким философом Леонардом Нельсоном (Leonard Nelson) в 1920-х годах, и философским кафе, которое основал в Париже французский философ Марк Соте (Marc Sautet) в 1992 году. Оба эти начинания, между прочим, зародились вне движения философской практики. Однако так или иначе данное движение ассимилировало их.

Философские кафе, семинары сократовского диалога и подобные формы дискуссионной работы имели успех в небольшом масштабе во многих странах, но с нашей точки зрения они имеют существенное ограничение: они уводят на интеллектуальный, абстрактный, безличный уровень. Они содержат очень мало личной саморефлексии и работы над собой. Также они не вполне отвечают стремлению философской практики коснуться повседневной жизни и оказать влияние на фактическую жизнь людей. Интеллектуальная дискуссия о теориях справедливости или любви, например, вряд ли поможет участникам

жить более полно или мудро, в сравнении с университетским курсом или хорошей книгой.

Итак, вот современная ситуация: наше поле деятельности находится во власти двух форматов – индивидуального философского консультирования и философских дискуссионных групп. Эти два формата связаны с профессиональной ориентацией философской практики как сферы услуг, так как они базируются на идее профессионала, который дает рекомендации или консультирует клиентов-нефилософов.

Развилка

С моей точки зрения, философская практика вряд ли вырастет и разовьется, если будет двигаться только в направлении индивидуальных или групповых услуг под руководством философов-профессионалов. Конечно, нет ничего предосудительного в этой деятельности, но она могла бы быть более интересной и плодотворной. Философское консультирование может быть полезно человеку не меньше, чем психотерапия, и философские кафе могут быть плодотворными не меньше, чем многие другие интеллектуальные действия. Однако уникальность их вклада ограничена. Я полагаю, что мы теперь столкнулись с важной развилкой на нашем пути: или мы упорствуем в прежнем направлении и остаемся малым и незначительным сообществом, или мы меняем наши ориентиры.

То, что я говорю, может показаться пессимистичным, но фактически это не так. Я думаю, что мы – философы-практики – можем сделать важные вещи для людей и общества. Я впечатлен многими моими коллегами, глубиной и креативностью их взглядов, и тем фактом, что много молодых философов-практиков пополняют наши ряды каждый год. Это убеждает меня в том, что философия способна делать важные вещи, но она жива не в наших консультационных офисах и не в наших философских кафе, а скорее среди нас, среди философов-практиков. И для того, чтобы поддержать ее и помочь ей вырасти и окрепнуть, мы должны заново подумать о наших дальнейших ориентирах.

Как именно мы должны изменить наши пути – это должно быть определено продолжающимся диалогом во всем нашем сообществе. Тем не менее я хотел бы кратко обозначить некоторые свои идеи о нашем будущем.

Во-первых, я полагаю, что мы должны развивать форматы философской деятельности, которые в большей мере способствуют духу философии. Я представляю себе небольшие группы партнеров, которые размышляли бы над личным способом постижения основных жизненных проблем и культивировали бы более глубокие аспекты своего жизненного опыта. Они бы осуществляли это в духе взаимопонимания, возможно с помощью философских текстов по определенным темам. Эти встречи проходили бы или под руководством философа, или эгалитарным способом между равными философствующими партнерами.

Этот вид деятельности небольшой группы сосредоточился бы не на решении личных и повседневных проблем, а способствовал бы подъему его участников выше жизненных автоматизмов, в которые мы слепо погружены. Это не сделало бы людей более удовлетворенными и функциональными, но развивало бы мудрость, духовность, внутреннюю глубину, независимо от того, что считается ценным и престижным в жизни (все это, естественно, является открытым вопросом, чтобы исследовать его философски, а не тем, что может быть решено заранее силой доктрины).

Это, конечно, лишь один пример из нескольких возможных форматов, которые могут вырасти на почве философии. Мы, я думаю, должны начать исследовать их.

Во-вторых, я полагаю, что по большому счету мы – философы-практики – должны перестать себя позиционировать как профессиональных поставщиков услуг, у которых есть заманчивые товары для продажи. Эта ориентация, очевидно, потерпела неудачу, и для этого есть серьезные причины. Вы – истинный философ, потому что философская рефлексия – это ваш образ жизни, а не потому, что вы снабжаете клиентов удовлетворяющими их товарами и услугами. Философия по своему характеру – «любовь к мудрости» – это поиск, основанный на любви к познанию, глубине, мудрости. Мы, конечно, если хотим, можем и дальше брать деньги за наше время и усилия, но только в дополнение к нашей главной страсти, а не в качестве основной цели нашей деятельности, точно так же, как серьезные музыканты или живописцы в первую очередь – художники и только потом те, кто предлагает свои услуги.

Даже если мы прекратим думать о нашей философии как о сфере услуг, это нис-

колько не уменьшит нашу привлекательность среди широкой публики. Наоборот, мы начали бы привлекать людей нашим желанием и нашей страстью к познанию и глубине. Я полагаю, что, если бы мы начали оценивать себя как людей ищущих посредством философской рефлексии, тогда мы вдохновили бы многих идти нашими путями.

Слово «ищущие» (seekers) здесь очень важно. Ищущие – это те, кто мотивирован платоновским Эросом, или другими словами тоской по пониманию, знанию, правде. Они всегда в пути, в поиске способов развития мудрости и понимания, и как философы, и как люди. В этом отношении они очень отличаются от профессионалов, которые уже закончили свое обучение и достигли финишной черты. В отличие от профессионального банкира, или профессионального психолога, или водителя, которые уже знают себе цену и приобрели необходимые экспертные знания и сертификаты, ищущий человек – всегда находится в пути.

Кроме того, быть профессионалом значит обладать определенными навыками, независимо от своих индивидуальных качеств и страстей, независимо от того, кем вы являетесь после работы. Вы становитесь адвокатом или бухгалтером, потому что вы приобрели определенные навыки и знание, независимо от ваших эстетических вкусов, вашего характера или ваших супружеских отношений и отношений с другими людьми. Быть ищущим, напротив, значит быть вовлеченным всем своим существом, всем способом жизни. Это вопрос о том, кто вы и как вы контактируете с жизнью, а не о том, что вы делаете в своем офисе с девяти до пяти.

Можно было бы возразить, что профессионал и ищущий во многом похожи, потому что они оба помогают людям, испытывающим недостаток в знаниях и опыте: опытный ищущий помогает новичку, как и профессионал помогает клиенту. Но важно отметить, что они делают это разными способами. Опытный ищущий рассматривает новичка не как потребителя, не как получателя товаров и услуг, проданных на основе спроса и предложения, но как такого же путешественника, пусть менее опытного, но идущего той же дорогой. В конце концов, даже очень опытный ищущий – все еще ищущий – находящийся в поиске, рефлексирующий, находящийся в пути. Характерна сама форма разговора: в то время как ищущие находятся плечом к

плечу в совместном пространстве «круглого стола», профессионал общается с клиентом через стол.

Я полагаю, что нам следует понять друг друга. Это бы изменило нашу целевую аудиторию. Мы бы больше не обращались к людям, у которых есть проблема с боссом или недоразумение с детьми, но к людям, которые вдохновлены поиском мудрости, глубины и понимания. Мы бы обращались не к людям, которые хотят провести интересную интеллектуальную дискуссию один раз в неделю, но к тем, кто хочет позаботиться о сущностной стороне своей жизни.

Дело не в том, что мы должны прекратить практику философских кафе и философского консультирования. Скорее это означает, что формат этой деятельности не должен быть больше основным. И когда мы действительно принимаем решение практиковать эту деятельность, а также другую такого же рода, пусть это будет лишь частью большого контекста ищущих, чья задача состоит в том, чтобы окрасить нашу собственную жизнь и жизнь других людей философской рефлексией. Мы начинали бы философскую деятельность не как профессиональные поставщики услуг, но как равные участники поиска мудрости, кто призывает других присоединиться. Мы бы вдохновляли других не какой-то предлагаемой нами интересной философской дискуссией, а тем, что мы сами бы стали примером философского поиска. И этот пример, это обязательство, выражал бы наш собственный образ жизни.

Агора и проект философского партнерства

Независимо от того, принимаете ли вы или нет мое особое видение или некоторые альтернативные варианты, мне ясно, что нужны глубокие изменения в способе нашего позиционирования. Отмечу еще раз, точно так же, как 20 лет назад, я чувствую, что для движения философской практики необходима переоценка ценностей. И точно так же, как в начале 1990-х, я полагаю, что единственный путь для нас – это организация интенсивного международного диалога, который прояснил бы ту дорогу, по которой мы идем. С этой целью я начал в прошлом году амбициозный проект вместе с моей коллегой из Перу Кармен Завалой (Carmen Zavala) и с помощью других коллег из нескольких стран [5].

Цель проекта состоит в том, чтобы создать плюралистическое пространство в Интернете, где множество голосов представителей философской практики взаимодействовали бы между собой, размышляя над основными проблемами и экспериментируя с ними. На первой стадии этого проекта Philo-Practice Agora, как мы его называем, мы предложили десятки снятых интервью с активными философами-практиками со всего мира, а также кратких текстов – «размышлений» – тех, кто хочет выразить свои мысли в письменной форме. Эти интервью и размышления отражают множество основных проблем. Надежда в том, что все те практики, голос которых услышат, почувствовали бы себя частью международного диалога и были бы готовы принять участие в дискуссиях и экспериментировании.

Для меня – захватывающее зрелище – видеть и слышать это множество голосов из мира философской практики, многие из которых очень отличаются от того, что близко мне. Тот факт, что мы – плюралистическая симфония, является свидетельством нашей творческой активности.

Однако одного плюралистического пространства недостаточно. Мы также должны исследовать новые философские форматы и виды деятельности. С этой целью команда Агоры недавно создала такой новый философский формат и теперь экспериментирует с ним: *философское партнерство (philosophical companionship)* [4].

Философское партнерство – небольшая группа участников, которые регулярно встречаются, или онлайн, или лицом к лицу, и вместе рассуждают. Это начинание основано на идее, что у философского понимания есть власть вдохновить нас на то, чтобы изменить наше отношение к жизни и открыть наши собственные глубины.

Философское партнерство базируется на трех главных принципах. Во-первых, оно *философское* в том смысле, что оно имеет дело с основными жизненными проблемами, рассматриваемыми творческим, критическим и диалогическим способами. Во-вторых, это – *партнерство* в том смысле, что участники рассуждают совместно, в унисон друг другу, углубляя понимание, так же, как импровизирующие музыканты. Это противоположно воинственной модели аргументации, согласно которой каждая сторона пытается выиграть спор. В-третьих, это *умозрение (созерцание) (contem-*

plative) в том смысле, что участники преодолевают свой привычный образ мысли и акцентируются на глубинных, скрытых аспектах своего существа. Это отличается от обычных бесед, в которых все используют лишь привычный для себя стиль мышления и, цепляясь за собственное мнение, опираются только на свой интеллект.

Я верю, что эти и подобные им форматы могут нам помочь и наше движение вырастет. Эти форматы могут подойти многим людям, которые чувствуют, что что-то отсутствует в их жизни, тем, кто ищет смысла и глубины, тем, кто хочет идти по пути мудрости, другими словами любит мудрость (*philosophia*).

Будет ли это началом четвертого периода движения философской практики, периода новых форматов и нового видения? Надеюсь, что так. Настало время, чтобы преодолеть свое детство и стать зрелым движением, которое использует свои собственные форматы и свои собственные цели вместо того, чтобы «одалживать» их у других сфер деятельности; движением, которое может сделать свой собственный уникальный и значимый вклад в жизнь многих людей, ожидающих этой возможности.

1. Achenbach, Gerd (1995), "Philosophy, Philosophical Practice and Psychotherapy" in Lahav, Ran and Tillmanns, Maria (eds.) *Essays on Philosophical Counseling*, Lanham: University Press of America, pp. 61–74.

2. Lahav, Ran and Tillmanns, Maria (eds.) (1995), *Essays on Philosophical Counseling*, Lanham: University Press of America, pp. 61–74.

3. Marinoff, Lou, *Plato not Prozac*, Harper Collins, NY, 1999.

4. Philosophical Companionship // www.philopractice.org.

5. The Philo-Practice Agora // www.philopractice.org.

References

1. Achenbach Gerd (1995) "Philosophy, Philosophical Practice and Psychotherapy" in Lahav, Ran and Tillmanns, Maria (eds.) *Essays on Philosophical Counseling*, Lanham: University Press of America, pp. 61–74 [in Eng].

2. Lahav Ran and Tillmanns Maria (eds.) (1995), *Essays on Philosophical Counseling*, Lanham: University Press of America, pp. 61–74 [in Eng].

3. Marinoff Lou (1999) *Plato not Prozac*, Harper Collins, NY [in Eng].

4. Philosophical Companionship // www.philopractice.org [in Eng].

5. The Philo-Practice Agora // www.philopractice.org [in Eng].

UDC 101.1-9; 171

PHILOSOPHIC PRACTICE – QUO VADIS?

Lahav Ran,

Johnson State College,
Siena Heights University,
Doctor of Philosophy,
Master of Psychology,
Practical Philosopher,
Hardwick, Vermont, USA.
E-mail: ranlahav@gmail.com

Annotation

The article gives a historical review of philosophic practice, critical analysis of principal forms and methods used in philosophic practice. The author also makes forecasts and suggests variants of new ideas in this sphere of activity.

Key concepts:

philosophical practice,
philosophical consulting,
modern west philosophy,
philosophical partnership,
Gerd B. Achenbach,
Lou Marinoff,
Oscar Brenifier.

УДК 17.022

ДИСКУРС И ЕГО ЛОГИКА: РОЖДЕНИЕ НАУКИ ИЗ ДУХА УЛИЦЫ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация

Определяется представление о дискурсе. Рассматривается соотношение обыденного и научного дискурса в современности. Раскрывается роль обыденного дискурса для понимания научного. Задача статьи в том, чтобы раскрыть предметное поле, обозначаемое термином «дискурс», на уровне экзистенциальной эмпирии и рассмотреть дискурс как способ научного диалога между учеными как живыми людьми.

Ключевые понятия:
современность,
дискурс,
диалог,
комплементарность,
смысл,
креация научного понятия.

1.

Становление логики науки проходит несколько этапов. Как логика познания она зарождается в античной диалектике, продолжается в аксиоматической логике Средних веков и достигает расцвета в научном познании конкретных явлений природы Модерна. И на всех этапах развития науки, ее логика тесно связана с состоянием общественной жизни и исторически сложившейся формой организации общества. Как показывает, в частности, А.Ф. Лосев [6], логика античной диалектики формируется в условиях социальной поляризации древнегреческого полиса. Логика схоластики Средних веков коррелирует с претензиями средневековой церкви на власть в мировых, согласно тогдашним представлениям о Мире, масштабах. Логика же науки Модерна, по мысли Б.М. Гессена, отвечает потребностям торгово-промышленных кругов и нарождающейся буржуазной демократии [4].

И вместе с этим, у познания и науки имеется и внутренняя основа для саморазвития: аксиоматика, роль которой в науке играет факт, полученный в наблюдении, эксперименте или переживании, правила, обеспечивающие строгость вывода и логико-математическое оформление теорий. Ее обуславливает проблематика, возникающая в противоречивости математически оформленных теорий и любопытство ученого. Ее обеспечивает логика корректного перехода от одной теории к другой. При этом, форма организации и состояние общественной жизни провоцируют развитие естественных наук с помощью хозяйственных потребностей и открытий, а социогуманитарных наук посредством неизбежной противоречивости институтов общества, как известно, состоящего из вечно противоречащих друг другу индивидов.

Развитие логической организации науки обусловлено с двух сторон: как ею самой, так и обществом. В логике познания в концентрированном виде выражается господствующая форма рациональности, зависящая от типа общественной организации, какова рациональность, такова во многом и логика, такова и познание. Так, если средневековая рациональность связана с религией и политикой, то и средневековое познание – религиозное и политическое, а если логика XVII века сопряжена с торговлей и промышленностью, то смысл организованной ею науки – в промышленности и торговле. Так, что даже И. Ньютону

идею интегрального исчисления навевала не «чистая» наука, а Ост-Индская торговая компания и работа над проблемой размещения сыпучих грузов в трюмах ее кораблей. А идею пространства и времени навевала Каббала, которую он применял, определяя дату конца света, зашифрованную в «Откровении Иоанна».

Однако общество, обуславливающее науку, это продукт межчеловеческих связей. С эпохой Модерна, и особенно при подходе истории европейских культур к состоянию постмодерна, уже с XIX века *обнаруживается абсолютно новая область действительности – современность, контемпоральность протекающая в истории, но выражающая в ней момент своего рода «изменчивой неизменности»*. Я.В. Мальцев приписывает ей вполне уместный эпитет: «перманентная современность» [7], а З. Бауман называет ее «текучей» [2]. *Открытие современности и ее перманентного характера привело к раздвоению науки, особенно в гуманитарной сфере, на подходы, обусловленные историзмом, и позиции, порожденные современностью как контемпоральностью*.

С одной стороны, науки, даже гуманитарные, во многом по-прежнему остаются на классической стадии, со всем ее позитивизмом и формальными обобщениями. Но с другой стороны, они уже чувствуют необходимость выходить на постнеклассическую стадию, говорить от имени субъекта, создающего культуру, и переходить к обобщениям не формальным, а содержательно-смысловым, восходящим в конечном счете к субъективности индивидов.

Благодаря открытию современности, даже в самых классических науках начинает преобладать постмодернистский слой. А в таком виде наука становится своеобразной научно-мировоззренческой практикой, нацеленной не только на познание и хозяйственные потребности, но и на созидание картины мира, на практическое преобразование культурной реальности, и на организацию новых институтов вокруг субъекта, на цивилизационную практику.

Собственно говоря, при нынешних уровнях абстракции (черные дыры, частица Бога, модели Вселенной, искривления пространственно-временного континуума и т.д.) даже физика перестает быть естественной наукой и становится гуманитарной практикой, активно творящей мифологию и воплощающей ее в жизнь. Так, открытие виртуальной реальности, а точнее, ее создание, вместе с искусственным интел-

лектом, имеет в основе механизацию математических вычислений, потребность в которой характерна больше для физики, чем для филологии.

Превращение науки в практику организации мира происходит потому, что классическая наука нацелена на предметную очевидность, неклассическая – на умозрительную предметность, проявленную в очевидной, а постнеклассическая – исключительно на умозрительную, выраженную в многоэтажной конструкции других умозрительных теорий, где только в фундаменте скрыт намек, что может быть эти теории как-то относятся к данным экспериментов и наблюдений, а может быть, и не относятся. Такая неопределенная предметная область становится определенной лишь в том случае, когда организуется целенаправленно в соответствии с субъективным взглядом.

Причем сказанное подходит как для гуманитарных наук, так и для естественных, выходящих уже на такой уровень абстрактности, что становится неясным, в какой мере они характеризуют объективную реальность, а в какой их сегодняшний образ природы предписан философской картиной мира, логикой и математикой. Как показывает В.А. Ашимова [1], постмодерн, это творчество мира, его литературование, образное представление, мифологизация, а значит, идеология и политика.

2.

Из-за того, что точкой отсчета в пространстве современности выступает субъективность, и в первую очередь «Я-субъект», исследование современности всегда является гуманитарным и требует особой логики, непосредственно погруженной в общественную жизнь и связанной с доминирующим типом рациональности. Такая, «погруженная» логика оказывается логикой практики, мысль ее средствами и в ее рамках уже есть практическое действие. Этой логикой, на мой взгляд, становится дискурс со своей специфической логикой на основе диалога.

Конечно, современность в свернутом виде как потенциал содержит в себе и историю, и повседневность, и межвременье. Взятая в отрыве от истории, она абстрактна, и ее дискурсивная логика дает чрезмерно отвлеченные результаты, а ее практичность является практической ошибкой. Однако не менее ошибочным будет и обосновывать практику одним только историческим под-

ходом. И то, и другое само по себе способно лишь формировать абстрактные, искусственные социальные системы. И индивиды, воспитывающиеся в условиях «чистой» современности или «чистой» историчности получатся такими же абстрактными обывателями или абстрактными революционерами. Но взятые вместе исторический и контемпоральный подходы оказываются серьезнейшим инструментарием социального и гуманитарного познания.

Дискурс встроен в повседневную жизнь и «на улицах», и в науке, и из-за этого он, в силу бросающихся в глаза отличий научного мышления от повседневного нередко понимается как обыденная речь, пусть и произносимая по поводу научного вопроса и на научной конференции, как текстуально организованное мышление. Но имплицитно он выводится за пределы науки и философии. Считается, что одно дело – статья или доклад на конференции, но совершенно другое дело живое общение в ее кулуарах, оно – предпочтительней, так как в живом общении происходят споры и рождаются идеи, а в докладах они лишь озвучиваются.

И не важно, что в выступлениях порою звучит живая речь, она отфильтровывается самим контекстом заседания. Дискурс для науки подозрителен, как подозрительна свободная беседа на бытовые темы или мифология. И тем не менее, он присутствует на конференциях, он незаметно проникает в статьи и монографии через смысл, транслируемый в коммуникациях научного сообщества.

Люди в живой речи пользуются своей логикой, поскольку они находятся в контексте общественной жизни, которая с точки зрения современности выступает хаотичной коммуникацией. Но эта логика не классически научна, классическая наука мыслит совсем иначе. Однако и доклад, и статья, и монография тоже помещены в контекст своеобразной научной коммуникации, посредством их передается информация, ведется диалог, устанавливаются соглашения. А в публикациях, посвященных описаниям эмпирических параметров новых предметов, и содержащих минимум теории, дискурс как коммуникация с предметом вообще выходит на передний план.

Это конечно дискурс не обыденной, а научной речи, однако формальная структура любого дискурса одинакова. В нем акцент ставится *не на доказательстве тезиса, а на убеждении партнера*, так как убеждение

вообще предельная форма доказательства. Будь это убеждение путем последовательной и логичной редукции к научным традициям, постулатам, картинам мира, будь это убеждение редукцией к очевидности предмета познания, но доказывает именно убеждение, так, что «доказать» в конечном счете означает «убедить».

Ход дискурса не дедуктивен, а дискурсивен, он идет не от принципов, аксиом, или содержательно от «картин мира», от научных соглашений, от предметов познания или общих потребностей бизнеса к частным выводам, а от одного субъекта говорения к другому действительному или мнимому субъекту. Дискурс, – как пишет специализирующийся на нем Т. ван Дейк, – это коммуникативное событие между говорящим, слушающим и др. в процессе коммуникативного акта в определенном временном, пространственном и проч. контексте. [11].

Логика дискурса разворачивается эксплицитно, а не имплицитно, как в теоретическом исследовании, ведя обоих субъектов коммуникации от одного объекта, к другому рядоположенному объекту, от того к третьему и т.д. Т.е. это логика коммуникаций и диалога, в которых обнаруживаются точки совпадения и несовместимости и устанавливается комплементарность хоть обыденных взглядов, хоть научных.

Участие субъектов в акте диалога благодаря дискурсивной логике привносит во все объекты субъективные смыслы и значения и делает формальные коммуникации, ведущиеся даже на языке математики содержательными, передающими не только смысл научной теории, но даже индивидуальный смысл. Объект же в силу этого понимается как «говорящий», независимо от того, говорит он на самом деле или нет, он все равно дает информацию и ведет свой «монолог». Дискурс требует такого субъекта, какой возникает при интеграции множества индивидуальных субъектов в точки их комплементации.

И тогда эксплицитно разворачивающаяся логика становится логикой перехода от индивидуального к социальному, логикой возникновения общих рациональных терминов и понятий из актов интуитивных озарений, логикой конструирования, трансляции, провокации и конфликта смыслов.

Перенос субъективные по своей онтологии значения, она опирается на личные метафоры и концепты, лишь слегка приоткрытые читателю статьи, и провоцирующие его конструировать новые смыслы,

метафоры и концепты, сближающиеся с партнерскими. И по мере достижения комплементарности, логика дискурса образует общность людей, рациональность как коллективную, социальную форму мышления и превращает метафору и концепт в термин и понятие. Отсюда, смысловое содержание любой науки пропитано социальностью и индивидуальностью ученых, ограниченных ракурсом их человеческого взгляда на мир. И такова не только гуманитарная наука, но и социальная, и что самое интересное, естественная. Чем более физическая теория абстрактна от непосредственно наблюдаемого предмета, тем более она гуманитарна, тем более выражает не объективную реальность физической природы, а желание ученых, разделяющих общие научные взгляды, видеть природу таковой.

Производство текста живым и индивидуальным автором – главным субъектом современности – вынуждает его писать только о том, что *понятно ему самому*, в противном случае его интеллект становится искусственным, то есть, обрабатывающим информацию по правилам научной традиции, но без личного участия, личного опыта работы с объектом и без личного понимания. Трансляция же личного понимания автора и организация текста таким образом, чтобы он стал понятен партнеру, означает и заявление авторского «Я». Трансляция понимания превращает любую, самую абстрактную формулу в метафору и концепт. И тогда участие дискурса в научно организованном тексте делает его логику *смысловой*. А метафорическая подкладка самого научного текста оказывается «первобытной», личной метафорой, где до всяких коммуникаций и диалогов, до комплементаций автор в первую очередь «сравнивает» свой объект с самим собой, со своим опытом, индивидуальностью, с тем, насколько он ему самому понятен. Формальная структура зарождающегося дискурса современности первобытных пещер вероятно ничем не отличается от структуры дискурса научных симпозиумов, их различие исключительно в содержании, о каменном топоре ведется диалог или о бозоне Хиггса.

Именно потому, что в своей основе дискурс, это речь, привязанная к говорящему, я и предпочитаю называть его «*экзистенциальным*», избегая нейтрального и претендующего на объективность определения «социогуманитарный». Чтобы говорить о таком дискурсе, надо быть в

нем, а не рассматривать его «со стороны». Отсюда и логика научной работы разворачивается по схеме: личная метафора – дискурс – интегральная субъективность научного сообщества – креация. Причем, несмотря на то, что все четыре элемента могут рассматриваться абстрактно друг от друга, в действительности они содержатся друг в друге как четыре аспекта познания. Теоретическая логика может существовать без дискурсивно-практической и без личного понимания, но она в таком случае теряет современность, а вместе с ней, и актуальность, и практическую востребованность. Она становится не логикой творчества, открытия и преобразования, а логикой бессмысленного воспроизводства абстрактных форм рациональности, своего рода гегелевской дурной бесконечностью. Дискурс же без теоретического мышления и его обобщений становится обыденной беседой.

Без дискурсивной логики, как экспериментальная, так и теоретическая наука если и способны существовать, то не способны понимать то, что они делают. Точнее, их понимание вторично, погружено в искусственный контекст формул, оторвано от реальности и является более объяснением одних слов с помощью других, чем пониманием. А развитие науки в таком случае оказывается простым исчерпанием формально-логического ресурса методов и постулатов. Кончается ресурс, вместе с этим останавливается и развитие теории, а далее она превращается в рожденный наукою миф.

Научная теория, построенная объективно, т.е. не привязанная к говорящему, тоже по-своему дискурсивна, только ее дискурс искусственный, а не естественный. Креативный же характер науки и ее способность понимать и объяснять предметы любой степени общности и абстрактности зависит от того, насколько в ее основе продолжает находиться экзистенциальный дискурс обыденного человеческого мышления. *Научная логика не только содержит в себе дискурс, но и появляется из обыденно дискурсивной.*

3.

Э. Бенвенист распространяет дискурс на акты коммуникации, это текст, речь, разговор, но находящийся в связи с производством коммуникации. Производство же коммуникации – дело говорящего или

пишущего, в моей терминологии, «Я-субъекта».

«Здесь нельзя упускать из виду своеобразный статус высказывания: нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного. Этот акт — дело говорящего, который использует язык по своему усмотрению. ... Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляются отношения между говорящим и языком». [3, с. 312].

Вместе с этим, как я уже показывал в предыдущих статьях, любой диалог представляет собою взаимную провокацию партнеров, он интенционален для каждого, участника*. А следовательно, он означает творчество участниками своих партнеров. Проще сказать, мы вступаем в диалог не с самим партнером, а с нашим представлением о нем, а это представление репрезентирует не только партнера, но и нас. Оно не вполне адекватно партнеру, который лишь присутствует за представлением, но может там и вообще отсутствовать, как, например, в случае диалога с образом литературного героя или с мифологическим персонажем.

И соответственно, дискурс — раздваивается, а мы имеем дело, во-первых, с внешним, *формальным дискурсом*, характеризующим формальную коммуникацию, а во-вторых, с внутренним, *экзистенциальным дискурсом* каждого участника диалога, представляющим собою формальную сторону его личной интенции и творчество партнера. Говоря функционально, «Я-субъектом» создается представление о ситуации, образующейся при диалоге. Оно интегрируется с представлением его партнера и возникает некий нейтральный, объективный для обоих участников комплекс рациональности, играющий роль общей формы, куда каждый партнер вкладывает свое собственное содержание, зарождающийся социокультурный субъект. Именно этот интегральный социокультурный субъект, складываясь под влиянием интенций не одного, а всех партнеров, для каждого из них и является субъектом креации, производителем нового смысла. И теперь *каждый участник оформляет этот приращенный смысл новыми значениями, терминами и теориями, и ведет дальнейший диалог уже средствами не интуиций и метафор, а терминов.*

Различие же между логикой обыденного и теоретического дискурса науки заключается в том, что первая осуществляется на уровне метафор и интуиций, а вторая средствами терминологически оформленных понятий, первая передает личные значения и смыслы, а вторая — интегральные, первая оказывается самоорганизацией борьбы «Я-субъекта» за свое самобытие, и значит, конфликтного аспекта диалога, а вторая — организацией его коммуникации с другими «Я-субъектами», а следовательно, первая — это лично содержательный для человека дискурс и формальный для социума, а вторая — содержательный для социума, а для личности — формальный.

Классическая герменевтика Ф. Шлеермахера говорит о понимании, путем интерпретации текста в контексте внешней и внутренней жизни автора. Эта внутренняя жизнь является целостностью «Я-субъекта», объединенной единством его «Я» и становится творчеством образа партнера под влиянием провоцирующего характера действительного соседа, вовлеченного в жизнь «Я-субъекта». Отсюда можно заключить о необходимости различать *два вида понимания: трактовку внешнего объекта и творчество «Я-субъектом» его внутреннего образа.*

И тогда трактовка партнера по коммуникации слагается из обеих ее участников. Но если речь идет о *научном* понимании, то она состоит из трех ступеней: интерпретация в контексте научных теорий, интерпретация в контексте общественной жизни и интерпретация в контексте «внутренней» жизни человека. Без творчества научного факта, осуществляющегося во «внутренней» жизни, он непонятен самому его открывателю, а без общественной жизни он практически не имеет никакой общезначимой ценности и становится объяснением одних формул с помощью других формул. В единстве же всех трех планов научного понимания, любое открытие оказывается не столько обнаружением, сколько творчеством лично и социально приемлемого образа безграничной и неопределенной действительности.

1. Ашимова, В.А. Постмодернизм как идеологическое и политическое описание мира [Текст] / В.А. Ашимова // Социум и власть. 2015. № 5. С. 54–59.

* См. напр. мою статью «Культура как провокация». // Социум и власть, 2015, № 4.

2. Бауман, З. Текущая современность [Текст] / З. Бауман. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

4. Гессен, Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона [Текст] / Б.М. Гессен // Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники. М., -Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1933. 78 с.

5. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации [Текст] / ванн Т. Дейк. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344с.

6. Лосев, А.Ф. История античной философии в конспективном изложении [Текст] / А.Ф. Лосев. М.: «ЧеРо», 1998. 192 с.

7. Мальцев, Я.В. Перманентная современность и ее субъект как основа социальной матрицы [Текст] / Я.В. Мальцев // Социум и власть. 2015. № 5. С. 7–13.

8. Степин, В.С. История и философия науки [Текст] / В.С. Степин. М.: «Академический проект», 2011. 433 с.

9. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. Институт языкознания РАН. М.: 1995. С. 2-31.

10. Язык и наука конца 20 века [Текст] // Институт языкознания РАН. М.: 1995. 320 с.

11. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 365 p.

References

1. Ashimova V.A. (2015) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 54–59 [in Rus].

2. Bauman Z. (2008) *Tekuchaja sovremennost'*. SPb., Piter, 240 p. [in Rus].

3. Benvenist Je. (1974) *Obshhaja lingvistika*. Moscow, Progress, 447 p. [in Rus].

4. Gessen B.M. (1933) *Social'no-jekonomicheskie korni mehaniki N'jutona*. // *Doklady sovetских delegatov na II mezhdunarodnom kongresse po istorii nauki i tehniki*. M., -L., Gosudarstvennoe tehniko-teoreticheskoe izdatel'stvo, 78 p. [in Rus].

5. Dejk T. van (2013) *Diskurs i vlast'*: *Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii*. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 344 p. [in Rus].

6. Losev A.F. (1998) *Istorija antichnoj filosofii v konspektivnom izlozhenii*. Moscow, «CheRo», 192 p. [in Rus].

7. Mal'cev Ja.V. (2015) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 7–13 [in Rus].

8. Stepin V.S. (2011) *Istorija i filosofija nauki*. Moscow, «Akademicheskij proekt», 433 p. [in Rus].

9. Stepanov Ju.S. (1995) *Izmenchivyj «obraz jazyka» v nauke XX veka*. // *Jazyk i nauka konca XX veka*. Institut jazykoznanija RAN. Moscow, pp. 2–31 [in Rus].

10. *Jazyk i nauka konca 20 veka* (1995). Institut jazykoznanija RAN. Moscow, 320 p. [in Rus].

11. Teun Van Dijk (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London, Sage, 365 p. [in Eng].

UDC 17.022

DISCOURSE AND ITS LOGIC: CREATION OF SCIENCE FROM THE STREET SPIRIT

Pavlov Alexander Valentinovich,

Tyumen State University,
Professor of the Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.

E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation

The article represents the discourse. The correlation between common and scientific discourse in modern times is considered. The author defines the role of common discourse for comprehending the scientific one. The aim of the article is to reveal the object field which is defined as the term “discourse”, on the level of existential empirism and study discourse as a means of scientific dialogue among scientists as human beings.

Key concepts:

modernity,
discourse,
dialogue,
complementarity,
sense,
creation of a scientific notion.

УДК 140.8

ВЕРА, ЗНАНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРОЕКЦИЯХ

Склярова Елена Алексеевна,

Донской государственный
технический университет,
профессор кафедры философии
и мировых религий,
доктор философских наук, доцент,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: Cklyarova2007@yandex.ru

Аннотация

Основной идеей статьи является раскрытие представлений о вере, убеждении и знании, сложившихся в различных мировоззренческих системах. В работе подчеркивается, что вера, убеждение и знание как иррациональное и рациональное в жизнедеятельности человека представляют собой неразрывное единство, необходимое для целостного миропонимания и являются предметом рассмотрения в науке, философии и религии.

Ключевые понятия:

вера,
философская вера,
знание,
убеждение.

Вера, знание и убеждение занимают ключевые позиции в различных мировоззренческих системах. Можно выделить степени принятия человеком различных идей (по обоснованности и психологической расположенности к ним): знание, убеждение, вера, неверие, сомнение, заблуждение, где противоположностью знания является заблуждение, убеждения – сомнение, веры – неверие.

Знание – определенным методом полученная и упорядоченная информация, результат познания, признаваемый индивидом и обществом в целом. Убеждение – эмоционально окрашенное знание, идеи или система идей, принятых в силу различных оснований и подкрепленных чувствами субъекта.

Вера как принятие какого-либо суждения бездоказательно истинным, достоверным без критики и обсуждения, характеризуется очевидностью. Она близка интуиции, затрагивает не только разум, но и эмоции, не только интеллектуальную убежденность, но и психологическую расположенность. Это глубокое, искреннее, пронизанное эмоциями принятие какого-то положения или представления, иногда предполагающее определенные рациональные основания, но обычно обходящееся без них. Термин «вера» происходит от латинского *veritas* (истина), что свидетельствует о том, что объект веры претендует на истинность.

Понятие веры по своему содержанию является значительно большим, нежели понятие религиозной веры. В широком смысле вера – это знание, принимаемое без обоснования. Можно выделить рациональную и иррациональную веру (в зависимости от способа, каким оправдывается вера). Рациональная вера предполагает некоторые основания для своего принятия. Иррациональная вера в таких основаниях не нуждается. Это вера, при которой сам факт ее существования считается достаточным для оправдания. Выдающийся немецкий гуманист XX века Эрих Фромм утверждал, что парадокс веры – это уверенность в том, что точно не известно: «Вера – это не слабая форма убежденности или знания; вера в то или это; вера – это отсутствие сомнения в реальной возможности недокazanного, творческое воображение. Вера рациональна, когда она относится к знанию о реальном, но еще не рожденном; она основана на способности знания и понимания, проникая внутрь и видя суть» [4, с. 229].

Вера присутствует и в структуре научного знания. Как правило, исследователи стремятся предельно ограничить в науке область веры, что является одним из важных требований научности (критериями научного знания являются объективность, непротиворечивость, доказательность, проверяемость). Но одновременно многие мыслители, особенно в сфере философии и культуры, признают конструктивную роль веры в познании. Ученый также может верить в традиционные идеи, свои творческие проекты. В этом смысле каждый может верить в себя, в жизненную ориентацию. Данная вера обусловлена личным опытом, чувством идентичности с самим собой.

Аргумент к вере в науке не так редок, как это иногда представляется. Он встречается особенно в периоды ее кризисов. Он неизбежен при обсуждении многих вопросов, например, вопроса о будущем человечества или вопроса о предпосылках научного мышления. В логике аргумент к вере относится к аргументации контекстуальной, убедительность которой зависит от аудитории. Такой аргумент представляется естественным и веским, как правило, лишь тем, кто разделяет соответствующую мировоззренческую систему, или склоняется к ее принятию.

Вера и знание в социально-гуманитарных науках имеют основания, но их основания различны и по природе, и по познавательному статусу. Различие в основаниях обладает фундаментальным значением, а изменения в степени и характере обоснованности противоположно направлены. Знание получает свой статус в результате логического оформления, обоснования, проверки, доказательства достоверности и истинности, и лишь в таком качестве оно обретает не только познавательную, но и социальную значимость, начинает функционировать в культуре. Вера же базируется на социокультурной санкции и общезначимости (ценности) того, во что верят.

В социально-гуманитарном познании различают веру религиозную, философскую и обыденно-практическую. Признаками религиозной веры являются: убежденность в объективном реальном существовании сверхъестественного; положительное отношение к предмету веры; представление о наличии связи между человеком и предметом его веры, между природным (естественным) и сверхъестественным, которое оказывает решаю-

щее влияние на мир; личностный характер веры, проявляющийся в способности удовлетворять конкретные потребности верующего человека; эмоционально-чувственный характер. Религиозная вера в чудо не требует его обоснования.

В монотеистических религиях (иудаизм, христианство, ислам) вера является утверждением божественной истины. Ранние христиане использовали термин «гнозис» для обозначения персонально приобретенного знания о сверхъестественном. Апостол Павел зачастую использовал термин «гнозис» по отношению к познанию Бога, которого может достигнуть человек. Во втором послании к Коринфянам (4.6) сказано: «Потому что Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы, – есть Тот, Кто воссиял в сердцах наших к нашему просвещению познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» [1]. Достигнуть соприкосновения с Божественным по христианской традиции можно с помощью «умного делания» или «духовного трезвения». Таким «умным деланием», внутренней работой, требующей максимальной концентрации внимания, является Иисусова молитва. Это духовное богатство, по свидетельствам профессора Архима (Киприана), унаследовано от подвижников Египта, Синая и Афона, его корни уходят в «глубокое христианство». «Это – то внутреннее богатство, которое близко всем мистикам всех религий, то внутреннее самоуглубление, которое открывает «потаённое сердца человека», которое показывает подвижнику «ведение логосов твари», т.е. примерный смысл и художественный замысел божественного плана создания вселенной» [2, с. 10].

Откровения, прозрения, видения, несмотря на то, что передать их содержание достаточно сложно, тем не менее, трансформируются в концептуальную систему. Гнозис – знание, основанное на мистическом опыте человечества, является фундаментом построения многих религиозных систем. Гностицизм стремится не к вере, но к внутренней сущности знания, которое освобождает человека его от бессознательного состояния, имеющего преимущество по сравнению с простой верой или убеждением. В гностицизме присутствует вера в свой внутренний опыт, дающий знание. Гностическая традиция, разработанная на базе таких индивидуальных переживаний, характеризуется определенным отношением к жизни и действительности, которое определяется существованием основания

реальности, т.е. Абсолюта, неизменного и неизмеримого, выходящего за рамки какой-либо опосредованности или наложенных ограничений. По Вл. Соловьеву: «Гностическое мировоззрение выгодно отличается от всей дохристианской мудрости присутствием в нем идеи определенного и единого целесообразного мирового процесса...» [3]. Гностики считают, что истинное спасительное знание о природе Вселенной и Человеке не может рождаться из рациональных размышлений на основе заученных фраз или обучения с помощью книг, из механического воспроизведения «чужих» истин. Проживание и переживание гностического знания претендует на более глубокое проникновение в «суть» божественного и человеческого, чем то, которое достигается посредством веры и разума.

Признаком философской веры является прежде всего то, что она существует лишь в союзе со знанием. К. Ясперс отмечает, что философская вера желает знать то, что доступно знанию, и понять самое себя. Основным элементом философствования является безграничное познание, наука. По Ясперсу: «Не должно быть ничего, не допускающего вопроса, не должно быть тайны, закрытой исследованию, ничто не должно маскироваться, отстраняясь. Критика ведет к чистоте, пониманию смысла и границ познания. Философствующий способен защититься от иллюзорного знания, от ошибок наук» [5, с. 423].

Для философской веры всякое философствование, выраженное языком, лишь подготовка или воспоминание, повод или подтверждение. Поэтому философия как творение мысли не может рационально замкнуться в себе. Созданное мыслью не полно. Оно требует дополнения тем, что не только мыслит его в качестве мысли, но делает его историческим в собственном существовании.

Философская вера не имеет прочной опоры в виде объективного конечного в мире, т.к. она пользуется своими понятиями и методами, но не подчиняется им. Ее субстанция исторична и не может быть фиксирована во всеобщем – она может только высказать себя в нем. «Поэтому философская вера не обретает покой в пребывании. Всеобщность истинной веры нельзя представить как общезначимое содержание, принять как непосредственное, объективно фиксировать как историческую данность; удостовериться в ней

можно только исторически, посредством движения во времени. А это происходит в *сфере объемлющего*, которое не является ни только объектом, ни только субъектом. Исторически являющееся присутствие скрывается в истоках веры» [5, с. 425].

Следует упомянуть и о другой нерелигиозной вере – обыденно-практической, которая состоит в психологической уверенности человека в правильности содержания идей на основании здравого смысла, жизненного опыта (личного и общественного). Обыденно-практическая вера обусловлена принципиальной открытостью знания: от уверенности в чем-либо (например, в том, что и завтра солнце взойдет на востоке) до жизненных убеждений в неизбежность торжества добра над злом и т.д. Подобный тип веры – неотъемлемый компонент практической деятельности (опыта).

Искренние убеждения всегда близки вере. Предположения не становятся частью научного знания до тех пор, пока их кто-нибудь не выскажет с полной уверенностью (убеждением) и не заставит в них поверить. Вера стоит не только за отдельными положениями, но и за целостными концепциями или теориями. Разные системы веры используют понятия, между которыми невозможно установить обычные логические отношения; такие системы заставляют своих сторонников видеть вещи по-разному и предполагают разные методы обоснования и оценки выдвигаемых положений. Этими чертами характеризуются и отношения между старой и приходящей ей на смену новой теорией, в силу чего переход от признания одной теории к признанию другой подобен «акту обращения» в новую веру. Как показывает история науки, этот переход происходит сразу, хотя не обязательно в один прием, или не происходит вообще при жизни современников. Определенная система верований лежит в основе не только определенных теорий, но и самой науки в целом. Эта система задает предпосылки научного теоретизирования и определяет то, что отличает научное мышление от идеологического, утопического или художественного.

Таким образом, при принятии решения в ситуации неопределенности задействована не только воля человека, но и его эмоциональная оценка окружающего мира, его чувства, настроение, оценка как приятного или неприятного, должного

или не должного, правильного или неправильного. В этих оценках мысль человека (рациональное) неотделима от эмоций, чувств человека (иррационального). Вера, убеждение и знание, иррациональное и рациональное в жизнедеятельности человека, в его познании окружающего мира и практической деятельности представляют собой неразрывное единство, необходимое для целостного миропонимания, и являются предметом рассмотрения в науке, философии и религии.

1. Второе послание к Коринфянам // Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библейская энциклопедия арх. Никифора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gmpage.com/library/bible/54.htm>, свободный (дата обращения: 24.10.2015).

2. Киприан. Предисловие к изданию 1948 года [Текст] / Киприан // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М., 2004. 224 с.

3. Соловьев, В. // Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovopedia.com/10/195/977996.html>, свободный (дата обращения: 24.10.2015).

4. Фромм, Э. Революция надежды [Текст] / Э. Фромм // Психоанализ и этика. М. 1993. 415 с.

5. Ясперс, К. Философская вера [Текст] / К. Ясперс // В кн. Смысл и назначение истории. М., 1994. 527 с.

References

1. Vtoroe poslanie k Korinfjanam // Biblija. Vethij i Novyj zavety. Sinodal'nyj perevod. Biblejskaja jenciklopedija arh. Nikifora, available at: <http://www.gmpage.com/library/bible/54.htm> (accessed: 24.10.2015) [in Rus].

2. Kiprian (2004) Predislovie k izdaniju 1948 goda // Otkrovennye rassказы strannika duhovnomu svoemu otcu. Moscow, 224 p. [in Rus].

3. Solov'ev, V. // F.A. Brokgauz, I.A. Efron. Jenciklopedicheskij slovar', available at: <http://www.slovopedia.com/10/195/977996.html> (accessed: 24.10.2015) [in Rus].

4. Fromm Je. (1993) Revoljucija nadezhdy // Psihoanaliz i jetika. Moscow, 415 p. [in Rus].

5. Jaspers K. (1994) Filozofskaja vera // V kn.: Smysl i naznachenie istorii. Moscow, 527 p. [in Rus].

UDC 140.8

FAITH, KNOWLEDGE, CONVICTION IN DIFFERENT WORLDVIEW PROJECTIONS

Sklyarova Elena Alekseevna,

Don State Technical University,
Professor of the Department
Chair of Philosophy and World Religions,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: Cklyarova2007@yandex.ru

Annotation

The main idea of the article is to reveal the conceptions of faith, knowledge and conviction in different worldview systems. The author underlines that faith, knowledge and conviction as something irrational and rational in human life and activities present an inseparable unity necessary for an integral worldview and are the subject matter in science, philosophy and religion.

Key concepts:

faith,
philosophic faith,
knowledge,
conviction.

УДК 151.8

ТЕСТ «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»: РАЗРАБОТКА И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Рыльская Елена Александровна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, профессор кафедры экономики и менеджмента, доктор психологических наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: elena_rylskaya@mail.ru

Аннотация

В статье отражена процедура разработки и проверки психометрических характеристик теста «Жизнеспособность человека». Приводятся данные о надежности, валидности, стандартизации методики. Представлены содержание теста, ключ для обработки результатов и спецификация. Материалы, опубликованные в статье, могут быть полезны специалистам по управлению персоналом, психологам и исследователям.

Ключевые понятия:
жизнеспособность,
тест,
надежность,
валидность,
стандартизация.

Исторические тенденции экономического развития с permanently возрастающей убедительностью свидетельствуют о повышении значимости человеческого капитала в решении насущных задач производственной сферы, составляющей материальную основу социального бытия. В сложные, переломные, кризисные периоды от человека требуются особые качества, в число которых в настоящее время включают жизнеспособность – категорию, сравнительно недавно появившуюся в научном междисциплинарном тезаурусе.

Сегодня жизнеспособность имеет устойчивую и определенную позицию в концепции человеческого капитала – важнейшего интегративного показателя современной экономической и политической государственности, глобального стратегического ресурса благосостояния любой социальной системы [2]. Наряду с такими концептами, как работоспособность, способность к инновационной деятельности и обучению, жизнеспособность человека рассматривается как базовая составляющая человеческого капитала, требующая не только специального внимания в теории познания, но и всестороннего учета в практике управления. Соответственно, возникает необходимость адекватного измерения количественных показателей жизнеспособности, которые могут оказывать заметное влияние на решение поливариативных производственных задач человеком, выступающим в качестве объекта и субъекта управленческой деятельности. В рамках данной статьи излагаются результаты проверки психометрических характеристик теста жизнеспособности взрослого человека – основного творческого ресурса, производительной составляющей человеческого капитала.

Первый вариант теста жизнеспособности человека (ТЖЧ) был опубликован в 2009 году. Эта версия теста включала 78 вопросов и три шкалы: адаптивность, саморегуляция, смысложизненные ориентации [4]. В дальнейшем были приняты попытки усовершенствования авторской концептуальной модели жизнеспособности в контексте коммуникативной методологии научного исследования, позволившего разработать предтеорию жизнеспособности, включающую комплекс теоретически обоснованных представлений об изучаемом феномене, его структуре и критериях, что являлось необходимым основанием для продолжения работы над тестом.

С позиции обозначенной предтеории жизнеспособность рассматривалась как

интегральная способность сохранения человеком своей целостности, актуализируемая в связи с необходимостью решения жизненных задач и обеспечивающая динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения, что субъективно воспринимается как удовлетворенность собственной жизнью. В качестве основного объективного критерия жизнеспособности был выделен нормативно-ролевой функциональный критерий жизнеспособности как унитарного ресурса, который реализуется в решении нормативных жизненных задач.

Была расширена структура жизнеспособности, внесены изменения в состав и наименование шкал теста, добавлены пункты опросника. В этой версии он включал 106 вопросов, сгруппированных в четыре шкалы: способности адаптации, способности саморегуляции, способности саморазвития и осмысленность жизни. Предполагалось, что указанные качества (потенциалы) выступают в синергетическом единстве, обеспечивая качественно новый эмерджентный эффект.

Надежность опросника проверялась на выборке взрослых людей (N=50) в возрасте от 35 до 52 лет (23 женщины, 27 мужчин). Выборка стратифицирована по признаку занятости: работающие – 27; безработные, представители «социального дна» – 23.

Однородность-согласованность теста проверялась известным и простым методом «расщепления». Корреляционные коэффициенты для различных шкал и жизнеспособности в целом показаны в таблице 1.

Таблица 1

Показатели внутренней согласованности теста «Жизнеспособность человека»

Жизнеспособность	0, 890**
Способности адаптации	0, 858**
Способности саморегуляции	0, 870**
Способности саморазвития	0, 872 **
Осмысленность жизни	0, 899 **

Условные обозначения: ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Стабильность опросника была подтверждена посредством ретеста с интервалом в три недели (таб. 2).

Высокозначимыми оказались показатели ретеста и через 24 месяца после первоначального тестирования.

Таблица 2

Ретестовая надежность теста «Жизнеспособность человека»

Жизнеспособность	0, 897**
Способности адаптации	0,899**
Способности саморегуляции	0, 887**
Способности саморазвития	0, 898**
Осмысленность жизни	0, 901**

Условные обозначения: ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Наибольшую сложность представляла проверка *конструктивной (концептуальной) валидности* методики, что связано со слабой разработанностью в отечественной науке, как самого концепта «жизнеспособность», так и отсутствия (на момент разработки методики) отечественного диагностического инструментария, измеряющего переменные, с которыми можно было бы соотнести показатели жизнеспособности. В качестве наиболее пригодной оказалась категория «жизнестойкость», рассматриваемая нами как опорная переменная жизнеспособности и измеряемая адаптированным Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой тестом жизнестойкости С. Мадди [3].

Оказалось, что жизнестойкость и жизнеспособность коррелируют между собой как на общесистемном уровне, так и на уровне отдельных компонентов (табл. 3).

Таблица 3

Конвергентная валидность опросника «Жизнеспособность человека»

Жизнеспособность – жизнестойкость	0, 681**
Способности адаптации – контроль	0,287*
Способности саморегуляции – контроль	0, 662**
Способности саморазвития – принятие риска	0, 310**
Осмысленность жизни – жизнестойкость	0, 583**
Принятие риска – осмысленность жизни	0,398**

Условные обозначения: ** – корреляция значима на уровне 0,01.

* – корреляция значима на уровне 0,05.

Конвергентная валидность ТЖЧ проверялась также посредством вычисления корреляции со шкалой чувства связности (вариант теста SOC A. Antonovsky в адаптации Е.Н. Осина). Было выявлено нали-

чие значимых связей этой шкалы со всеми компонентами жизнеспособности и шкалой чувства связности: 0,590** – для общей жизнеспособности; 0,444** – для шкалы «Способности адаптации»; 0,436** – для шкалы «Способности саморегуляции»; 0,351** – для шкалы «Способности саморазвития»; 0,333** – для шкалы «Осмысленность жизни».

Проверка критериальной валидности теста (обоснованной сопоставлением его показателей с данными, полученными на основе объективных (внешних) критериев жизнеспособности) человека потребовала стратификации выборки по критерию решения жизненных задач. Соответственно, были сформированы две новые выборки по принципу крайних групп: $N^1=24$ и $N^2=27$. В первую вошли испытуемые, характеризующиеся как представители «социального дна». Они не имели определенного места жительства, семьи и работы (так называемые «бомжи») и были определены как условно «нежизнеспособные», т.е. не решившие жизненные задачи зрелости. Вторая выборка включала «добропорядочных» граждан, имеющих стабильную семью, работу, детей. Эти испытуемые относились к условно «жизнеспособным», соответственно решившим основные жизненные задачи периода зрелости: социальное и профессиональное самоопределение, создание семьи и осуществление общественно полезной деятельности [1]. Для обработки полученных результатов применялся непараметрический критерий Манна-Уитни (эмпирическое значение критерия $U=78,500$).

Проверка социальной желательности теста позволила выявить согласованность изменений социально желательных ответов

по сравнению с искренними. Следовательно, предельно высокие баллы по тесту (близкие к 288 или 10 стенам) баллам могут свидетельствовать о желании испытуемых произвести более благоприятное впечатление.

Стандартизация опросника. Выборка стандартизации составила 522 человека: $N=522$, где 260 мужчин ($N^1=260$) и 262 женщины ($N^2=262$); рабочие ($N^1=75$), служащие ($N^2=79$), безработные ($N^3=71$), работники бизнес-структур ($N^0=76$), управленческие работники ($N^1=76$), люди без определенного места жительства ($N''=68$), военнослужащие ($N'''=77$), в возрасте от 30 до 40 ($N^1=173$), от 41 до 51 ($N^2=169$) от 52 до 60 ($N^3=180$). Распределение показателей жизнеспособности по критерию Колмогорова-Смирнова не отличается от нормального. Выраженность жизнеспособности в среднем не различается у мужчин и женщин.

Рассчитанные в процессе стандартизации средние значения и стандартные отклонения для жизнеспособности и каждого из ее компонентов были переведены в стандартную 10-балльную шкалу стенов, которая представлена в таблице 4.

Обработка результатов. Для подсчета баллов ответам на положительные пункты присваиваются баллы от 3 до 0 («да» – 3 балла, «скорее да, чем нет» – 2 балла, «скорее нет, чем да» – 1 балл, «нет» – 0 баллов). Ответам на отрицательные пункты присваиваются баллы от 0 до 3 («да» – 0 баллов, «скорее да, чем нет» – 1 балл, «скорее нет, чем да» – 2 балла, «нет» – 3 балла). Затем суммируются показатели для каждой шкалы и общий балл жизнеспособности. Ключ для обработки результатов теста представлен в таблице 5.

Таблица 4

Перевод «сырых» значений опросника «Жизнеспособность человека» в стены

Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
«Сырые» значения	119 135	136 152	153 169	170 186	187 203	204 220	221 237	238 254	255 271	272 288

Таблица 5

Ключ для обработки результатов теста «Жизнеспособность человека»

Шкалы	Положительные пункты	Отрицательные пункты
Способности адаптации	5, 11, 21, 40, 48, 65, 81, 105	1, 2, 9, 10, 18, 19, 28, 34, 35, 39, 52, 53, 54, 60, 66, 71, 73, 77, 78, 84, 87, 88, 91, 95, 97, 99, 100, 102, 103, 104
Способности саморегуляции	4, 8, 16, 37, 38, 46, 61, 64, 68, 76, 82, 90, 98, 101	24, 32, 43, 79, 86, 93
Способности саморазвития	14, 26, 31, 44, 47, 50, 56, 58, 59, 63, 69, 74, 75, 85	13, 15, 20, 22, 30, 41, 45, 51, 55, 62, 67, 70, 92, 106
Осмысленность жизни	3, 6, 7, 12, 25, 27, 29, 33, 36, 42, 49, 72, 80, 96	17, 23, 57, 83, 89, 94

Тест «Жизнеспособность человека» предназначен для оценки показателя жизнеспособности человека зрелого возраста (ориентировочно от 30 до 60 лет) как интегральной способности к сохранению собственной системной целостности, которая позволяет успешно решить основные жизненные задачи этого возрастного периода. Высокие показатели по тесту означают легкость приспособления к новым жизненным условиям, свидетельствуют о самостоятельности, флексибильности, легкости овладения разными видами деятельности, уверенности и успешности. Высокая жизнеспособность соотносится со стремлением к самопознанию, саморазвитию, с рефлексивностью и убежденностью человека в том, что все, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта. Жизнеспособный человек готов действовать как в привычных, так и в экстремальных условиях. Он воспринимает свою жизнь как интересную, эмоционально насыщенную, имеет четкие цели, придающие его жизни осмысленность и временную перспективу. Высокие показатели по тесту в целом присущи людям, состоящим в благополучном браке, имеющим хорошие взаимоотношения с собственными детьми, профессионально состоявшимся, не имеющим аддикций и проблем с законом.

В дальнейшем предполагается проверка экологической валидности опросника, исследование связей жизнеспособности с успешностью различных видов деятельности и региональными особенностями жизни испытуемых.

Тест «Жизнеспособность человека»

1. Временами мне очень хотелось бы покинуть свой дом.

2. Мне кажется, что меня никто не понимает.

3. У меня отсутствуют неприятности из-за моего поведения.

4. Я человек общительный.

5. Иногда я так настаиваю на своем, что люди теряют терпение.

6. Запоры у меня бывают очень редко.

7. Я охотно берусь воплощать новые идеи.

8. Я могу назвать себя целеустремленным человеком.

9. У меня мало уверенности в себе.

10. Иногда я испытываю сильное желание нарушить правила приличия или кому-нибудь навредить.

11. Обычно я полон энергии.

12. В жизни я имею ясные цели и намерения.

13. Самая трудная борьба для меня – это борьба с самим собой.

14. Мышечные судороги или подергивания у меня бывают крайне редко (или почти не бывают).

15. Свои планы на будущее я люблю разрабатывать в малейших деталях.

16. Придерживаюсь девиза «Выслушай совет, но сделай по-своему».

17. Меня ужасно задевает, когда меня критикую или ругают.

18. Окружающие отмечают, что я недостаточно критичен к себе и своим действиям, но сам я это не всегда замечаю.

19. Моя жизнь представляется мне вполне осмысленной и определенной.

20. Мне трудно себя заставить что-либо переделывать, даже если качество сделанного меня не устраивает.

21. Если бы мне пришлось решить, как прожить жизнь заново, я прожил бы ее совсем иначе.

22. Мои повседневные дела приносят мне удовлетворение.

23. Все окружающее вызывает у меня растерянность и беспокойство.

24. Я был бы довольно спокоен, если бы у кого-нибудь из моей семьи были неприятности из-за нарушения закона.

25. Я избегаю риска, плохо справляюсь с неожиданными ситуациями.

26. Не всегда замечаю свои ошибки, чаще это делают окружающие меня люди.

27. Жизнь кажется мне волнующей и захватывающей.

28. Всегда стараюсь продумать способы достижения цели, прежде чем начну действовать.

29. Чтобы скрыть свою застенчивость, мне приходится затрачивать большие усилия.

30. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

31. Я могу сказать, ради чего я живу.

32. В жизни я нашел свое призвание.

33. Мне трудно поддерживать разговор с людьми, с которыми я только что познакомился.

34. Предпочитаю сохранять независимость даже от близких мне людей.

35. При большом объеме работы неминуемо страдает качество результатов.

36. Думаю, что я человек обреченный.

37. Я часто о чем-нибудь тревожусь.

38. Всю свою жизнь я строго следую принципам, основанным на чувстве долга.

39. Люблю перемены в жизни, смену обстановки и образа жизни.

40. Бывает, что я настаиваю на своем, даже когда не уверен в своей правоте.

41. Моя жизнь в моих руках, я сам управляю ею.

42. Мои родители и (или) другие члены моей семьи придираются ко мне больше, чем надо.

43. Не люблю посвящать кого-либо в свои планы, редко следую чужим советам.

44. В жизни я осуществил многое из того, что мною было задумано.

45. Считаю, что человек всегда может осуществить свой жизненный выбор.

46. В школе я усваивал материал медленнее, чем другие.

47. Неожиданности дарят мне интерес к жизни.

48. В ожидании важных событий я стремлюсь заранее представить последовательность своих действий, при том или ином развитии ситуации.

49. Редко отступаю от начатого дела.

50. Мне легко заставить других людей бояться себя, и иногда я делаю это ради забавы.

51. Если я считаю, что прав, то меня мало волнует мнение окружающих о моих действиях.

52. Счастливее всего я бываю, когда один.

53. В моей жизни был один или несколько случаев, когда я чувствовал, что кто-то посредством гипноза заставляет меня совершать те или иные поступки.

54. Если в работе не удалось добиться устраивающего меня качества, стремлюсь переделать ее, даже если окружающим это не важно.

55. Обычно я резко реагирую на возмущения, стараюсь думать и делать все по-своему.

56. У меня есть желание узнать себя.

57. Глупо осуждать человека, обманувшего того, кто сам позволяет себя обманывать.

58. Могу сказать, что я обязательный человек.

59. Жизнь для меня почти всегда связана с напряжением.

60. Мне неприятно, когда вокруг меня люди.

61. Часто полагаюсь на свои способности ориентироваться по ходу дела и не стремлюсь заранее представить последовательность своих действий.

62. Мне, как правило, везет.

63. Я легко теряю терпение с людьми.

64. Чтобы чувствовать себя уверенно, необходимо знать, что ждет тебя завтра.

65. Переход на новую систему работы не причиняет мне особых неудобств.

66. Мне трудно отказаться от принятого решения даже под влиянием близких мне людей.

67. Часто я перехожу на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с тем, кого я увидел.

68. Я считаю, что мне нет необходимости в чем-либо меняться.

69. Я верю, что все задуманное мною осуществится.

70. Мои жизненные планы и цели вполне определились.

71. Почти каждый день случается что-нибудь, что пугает меня.

72. Если бы мне пришлось сейчас подвести итог своей жизни, я бы сказал, что она была осмысленной.

73. Даже среди людей я чувствую себя одиноким.

74. Я часто обращаюсь к людям за советом.

75. Мои убеждения и взгляды непоколебимы.

76. Не выношу, когда меня опекают и за меня что-то решают.

77. Моя жизнь пуста и неинтересна.

78. У меня нет желания знать свои положительные и отрицательные стороны.

79. Не люблю много раздумывать о своем будущем.

80. В своих планах я чаще надеюсь на удачу, чем на себя.

81. Каждый день кажется мне похожим на все остальные.

82. Я думаю, что можно, не нарушая закона, попытаться найти в нем лазейку.

83. Я хочу лучше и эффективнее работать.

84. Когда я уйду на пенсию, я постараюсь не обременять себя никакими заботами.

85. Есть люди, которые мне настолько неприятны, что я в глубине души радуюсь, когда они получают нагоняй за что-нибудь.

86. Мои планы на будущее обычно реалистичны, и я не люблю их менять.

87. Я посещаю всевозможные общественные мероприятия, потому что это позволяет мне побыть среди людей.

88. В первые дни отпуска (каникул) при смене образа жизни всегда появляется чувство дискомфорта.

89. Не всегда вовремя замечаю изменения обстоятельств и из-за этого терплю неудачи.

90. Люблю придерживаться заранее намеченного на день плана.

91. Когда нужно, я умею заставить изменить себя.

92. Моя жизнь сложилась совсем не так, как я мечтал.

93. Можно простить людям нарушение правил, которые они считают неразумными.

94. Считаю разумным принцип: сначала надо ввязаться в бой, а затем искать средства для победы.

95. Мне трудно самостоятельно добиться задуманного и воспитать себя.

96. Люблю мечтать о будущем, но это скорее фантазии, чем реальность.

97. В любом деле я не боюсь неудач и ошибок.

98. Мои способности и умения полностью соответствуют требованиям моей профессии.

99. Прежде чем взяться за дело, мне необходимо собрать подробную информацию об условиях его выполнения и сопутствующих обстоятельствах.

100. Сколько не анализирую свои жизненные трудности, не могу достичь полной ясности.

101. Как правило, мне бывает трудно выделить главное в сложившейся ситуации.

102. Я охотно знакомлюсь с новыми людьми.

103. Если я плохого мнения о человеке или даже презираю его, то почти не стараюсь скрыть это от него.

104. Когда нужно разобраться в сложной обстановке, чувствую прилив сил.

105. Часто допускаю небрежное отношение к своим обязательствам в случае усталости и плохого самочувствия.

106. Не умею и не люблю заранее планировать свой бюджет.

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б.Г. Ананьев. М., 1977. 388 с.

2. Бурикова И.С. Опыт психологического измерения человеческого капитала (на примере Владимирской области) [Текст] / Коновалова М.А., Пушкина М.А., Юрьев А.И. [Электронный ресурс] URL: <http://www.yuriev.spb.ru/chel-kapital/human-capital-vladimir> (дата обращения: 12.01.2015).

3. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости [Текст] / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. М., 2006. 63 с.

4. Рылская, Е.А. Методика исследования жизнеспособности человека [Текст] / Е.А. Рылская // Вестник ЧГПУ. 2009. №1. С. 130–138.

5. Рылская, Е.А. Психология жизнеспособности человека: дисс. ... ученой степени д-ра психол. наук [Текст] / Е.А. Рылская. Ярославль, 2014. 446 с.

References

1. Anan'ev B. G. (1977) O problemah sovremennogo chelovekoznanija. Moscow, 388 p. [in Rus].

2. Burikova I.S. Opyt psihologicheskogo izmerenija chelovecheskogo kapitala (na primere Vladimirskoj oblasti) / Konovalova M.A., Pushkina M.A., Jur'ev A.I. URL: <http://www.yuriev.spb.ru/chel-kapital/human-capital-vladimir> (accessed 12.01.2015) [in Rus].

3. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. (2006) Test zhiznjestojkosti. Moscow, 63 p. [in Rus].

4. Ryl'skaja, E.A. (2009) *Vestnik ChGPU*, no. 1. pp. 130–138 [in Rus].

5. Ryl'skaja, E.A. (2014) *Psihologija zhiznesposobnosti cheloveka*. Jaroslavl', 446 p. [in Rus].

UDC 151.8

TEST «HUMAN SYSTEM CAPABILITY»: WORKING OUT AND PSYCHOMETRICAL CHARACTERISTICS

Rylskaya Elena Aleksandrovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,

Professor of the Department Chair of Economics and Management,

Doctor of Psychology, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: elena_rylskaya@mail.ru

Annotation

The article deals with the procedure of working out and checking psychometrical characteristics of the test "Human system capability". The author gives the data about reliability, validity and standardization of the methodology. The article presents the content of the test, the key for processing of results and specification. The information given in the article can be useful Human Resources specialists, psychologists and researchers.

Key concepts:

human system capability, test, reliability, validity, standardization.

УДК 659.442

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТОВ КОРПОРАТИВНОГО ИЗДАНИЯ

Филиппов Дмитрий Евгеньевич,

Челябинский государственный педагогический университет, советник ректора по связям с общественностью, кандидат педагогических наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: dmifilippov@yandex.ru

Самойловских Екатерина Андреевна,

Челябинский государственный педагогический университет, магистрант филологического факультета, г. Челябинск, Россия.
E-mail: burdukovskaya@csru.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние корпоративной философии на контент корпоративного издания. В качестве инструмента использован метод анализа концептов.

Ключевые понятия:

корпоративная культура, корпоративная философия, корпоративные СМИ, корпоративная пресса, концепт.

Любая современная корпорация обладает имиджем – образом, «содержащим некоторые ценностные характеристики и призванным оказать эмоционально-психологическое воздействие на целую аудиторию в целях популяризации, рекламы и т.д.» [13, с. 8], причем он может быть сформирован стихийно или целенаправленно. Для того чтобы процесс создания имиджа был контролируемым, специалистам по связям с общественностью необходимо понимать, *что* из себя представляет компания и *какова* ее аудитория.

А.Н. Чумиков и М.П. Бочаров предложили представление имиджа в форме корпоративного дома. Его основой, фундаментом стали миссия, видение и корпоративная философия.

Философия как форма духовной деятельности направлена «на постановку, анализ и решение конкретных мировоззренческих вопросов, связанных с выработкой целостного взгляда на мир и место в нем человека» [7, с. 9]. Корпоративная философия – более узкое понятие, означающее «полное, развернутое, подробное изложение морально-этических принципов, кредо, которыми руководствуются сотрудники корпорации» [27, с. 408].

Важной особенностью корпоративной философии является то, что она *управляет* системой ценностей всех элементов корпоративной культуры, в том числе определяет контент корпоративной прессы.

Выявить основные ценностные ориентиры корпоративного издания можно с помощью анализа концептов. Концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [17, с. 34]. Важно добавить, что концепт «отправляет к высшим духовным ценностям» [9, с. 127–128]. Таким образом, с помощью концепта можно выявить смысл, которым определенная общность людей наделяет явления и предметы окружающего мира.

В.А. Маслова представляет структуру концепта в виде круга [12, с. 42–46]. В его центре находится ядро, основное понятие, которое зафиксировано в лексикографичес-

ких источниках – толковых словарях. А на периферии находится то, что более всего будет интересовать нас – субъективный опыт.

Стоит отметить, такой подход к интерпретации в последнее время часто применяется в литературоведении [11; 5] и при анализе текстов СМИ [2; 3]. Мы применим его к изучению ценностей, отраженных в газете «Челябинский педагогический...», которые были «продиктованы» корпоративной философией университета.

Рассматриваемая нами газета издается для внутренней (студенты, преподаватели, сотрудники) и внешней (абитуриенты) целевой аудитории Челябинского государственного педагогического университета. В силу того что данное издание корпоративное, то в нем печатается только тот материал, который имеет непосредственное отношение к университету.

Проанализировав выпуск газеты за 2014–2015 годы, мы выделили 5 основных концептов, наиболее точно отражающих специфику корпоративной философии ЧГПУ: университет, учитель, наука, обучение и студенческая жизнь. Различная плотность данных концептов характеризует их значимость для корпоративной философии.

Университет

Ядро концепта представляет понятие об университете как о «высшем учебно-научном заведении с различными гуманитарными и естественно-математическими отделениями (факультетами) [6, с. 1389], «здании высшего учебного заведения» [24, с. 1435].

Авторы «Челябинского педагогического...» характеризуют университет как место для самореализации и всестороннего развития студентов: «ЧГПУ – вуз, который позволяет своим студентам накопить собственный научный капитал, а также построить и укрепить качественный фундамент для дальнейшего карьерного роста. [19, с. 1], «На данный момент наш вуз предоставляет широкий выбор направлений подготовки бакалавров и магистрантов, что позволяет вам выбрать и сосредоточиться на изучении именно того направления, которым вы хотели бы заниматься всю жизнь» [21, с. 1].

Слово «университет» характеризуют такие определения, как эффективный, высокие стандарты, качественная подготовка: «Аккредитация – свидетельство того, что весь коллектив – профессорско-преподавательский

состав, студенты, сотрудники вуза – работает продуктивно и сплоченно».

Неоднократно используется метафора «кузница»: «80 лет Челябинский государственный педагогический университет на протяжении всего своего существования был кузницей педагогических кадров для всей области» [21, с. 1].

Важное место занимает описание вуза как единственного высшего учебного заведения для подготовки учителей в регионе: «80 лет наш вуз формирует и развивает кадровый педагогический потенциал образовательных организаций Челябинской области» [14, с. 2], Челябинский педагогический университет единственный на Южном Урале выстроил систему образовательной агломерации: вуз дает возможность получить среднее образование, пройти все ступени высшего <...>, и осуществляет переподготовку педагогических кадров» [1, с. 2].

Все вышеописанные определения характеризуют ЧГПУ как официальную организацию, выполняющую определенный социальный заказ. Параллельно с таким описанием возникает представление об университете, как об «общем доме», и даже живом организме, в котором «бурлит жизнь»: «ЧГПУ славится среди других вузов города особенной атмосферой...» [15, с. 4]. Его жизнь описывается с помощью глаголов, которыми обычно характеризуют жизнь человека: «Восемь десятилетий коллектив преподавателей, сотрудников и студентов рос и развивался вместе с областью, преодолевал все беды и трудности, реформы и модернизации, мониторинги и оптимизации; последовательно и настойчиво покорял одну за другой вершины педагогического труда и учительского мастерства» [18, с. 1].

Таким образом, мы отметили две основных тенденции в описании концепта «университет». С одной стороны, он характеризуется как современный вуз с высокими стандартами качества образования, единственный в регионе, осуществляющий подготовку востребованных специалистов – учителей. С другой стороны, университет «очеловечивается» и описывается, как живой организм.

Учитель

В «Большом современном толковом словаре» приводится следующее определение понятия «учитель» – «1. Тот, кто преподает какой-либо учебный предмет в школе, преподаватель. 2. Человек, облада-

ющий высоким авторитетом для кого-либо в какой-либо области, имеющий последователей» [6, с. 1411].

У авторов газеты возникают дополнительные ассоциации к слову «учитель». Во-первых, дается положительная оценка этой профессии: «... День учителя – это, на самом деле, прекрасный повод еще раз удивиться и восхититься людьми этой замечательной и трудной профессии, которые каждый день отдают ученикам не только свои знания, но и сердца» [10, с. 5], «...для учителей нового поколения создаются все условия комфортного труда, повышаются зарплаты...» [22, с. 1], «... «слагается учительское счастье из ученических побед!» [23, с. 7].

Во-вторых, на страницах газеты описываются и проблемы, с которыми сталкиваются современные учителя: трудные подростки, заполнение школьной документации, общение с родителями.

В-третьих, описываются конкретные характеристики и навыки, которыми должен обладать учитель: «...учитель иностранного языка должен свободно владеть активными формами обучения» [4, с. 6], «Современный учитель <...> понимает необходимость использования современных образовательных технологий; видит реальные преимущества электронных образовательных форм» [16, с. 3], «... нам, педагогам, надо находить способы и методы общения с ними [студентами], которые позволяют развивать и формировать духовную составляющую» [28, с. 3].

Подводя итог, можно отметить, что корпоративная философия педагогического университета обуславливает периферию концепта «учитель»: дается положительная характеристика профессии, описываются навыки и умения, которыми должен обладать педагог и дается решение проблем, с которыми могут столкнуться молодые специалисты.

Наука

Лексикографические источники описывают науку как «1. Систему знаний о закономерностях развития природы и общества и способах воздействия на окружающий мир. Отдельная отрасль знаний. 2. Навыки, знания, получаемые человечеством в результате обучения или жизненного опыта» [6, с. 606].

В газете встречается множество словосочетаний, конкретизирующих понятие

«наука»: научно-исследовательская деятельность, основательная научная база, научная информация, глубокое научное знание, фундаментальная научная подготовка, научная ответственность, научные достижения, популяризация науки. Большинство из них подчеркивают масштабность научной деятельности университета, показывают одно из основных направлений его работы.

Во многих изречениях «наука» характеризуется как что-то непонятное и недоступное широкому слою населения, даже магическое: «... тайны необъятного научного мира» [25, с. 3], «Наука, какой бы она ни была сложной, – это не только формулы, уравнения в несколько строк, но и связь между студентами и ведущими учеными» [20, с. 1]. Но при этом подчеркивается значимость этой сферы жизни для человечества: «В современном обществе нет ни одной сферы, где бы ни были задействованы и востребованы результаты научных исследований» [25, с. 3], и, как следствие – необходимость ее популяризации: «прикоснуться к науке очень легко, и эта возможность доступна каждому» [Там же].

Таким образом, наука занимает одно из главных мест в системе концептов корпоративной философии Челябинского государственного педагогического университета.

Образование

Ядро концепта «образование» составляют следующие определения: «1. Процесс усвоения знаний, обучение, просвещение. 2. Совокупность знаний, полученных в результате обучения» [6, с. 682]. К периферии концепта относятся такие характеристики, как: новые образовательные технологии, качественное образование, инструментальные знания и навыки, качественные теоретические и практические навыки, профессиональное образование, инклюзивное обучение, высшее образование, дошкольное образование, химическое образование, министр образования.

Вышеописанное позволяет нам сделать вывод о том, какое место занимает Челябинский государственный педагогический университет среди других вузов Челябинской области, каковы его функции. Он не только решает проблему подготовки специалистов, но и принимает участие в решении сложных вопросов педагогической системы региона.

Студенческая жизнь

Жизнь – «ограниченный временными и пространственными рамками образ существования кого-либо» [24, с. 333]. Студенческая жизнь – неотъемлемая часть существования каждого высшего учебного заведения.

Время, проведенное студентами в ЧГПУ, характеризуется как счастливое, оно незабываемо и полезно, в этот период формируется фундамент для профессиональной карьеры: «Возможность отыскать в себе таланты, раскрыться в спорте и творчестве, объехать весь мир, будучи волонтером, приобрести друзей, с которыми пойдешь бок о бок всю жизнь» [22, с. 1], «Мы прошли вместе лучшие годы жизни – студенческие!» [15, с. 4].

Таким образом, студенческая жизнь представляется как самое лучшее время в жизни каждого выпускника педагогического университета, время, когда формируются профессиональные навыки и находятся друзья на всю жизнь.

Подводя общий итог, отметим, что имена приведенных в статье концептов могут быть универсальными для любого высшего учебного заведения. Однако корпоративная философия Челябинского государственного педагогического университета придает им особое, характерное только для этой организации наполнение.

1. 95 заявлений подано в колледж ЧГПУ [Текст] // Челябинский педагогический... 2015. Июль (№ 7).

2. Антропова, В.В. Анализ медиатекста как универсальный метод массовой коммуникации, или все дороги ведут к тексту [Текст] / В.В. Антропова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2013. Т. 2. № 12. С. 23–28.

3. Антропова, В.В. К влогу о лингвистических методах в журналистике [Текст] / В.В. Антропова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. № 1. С. 54–55.

4. Афанасьева, О.Ю. Учитель не инопланетянин, а такой же человек, как и все [Текст] / О.Ю. Афанасьева; беседа вела Е. Самойловских // Челябинский педагогический... 2015. Октябрь (№ 10).

5. Белоусова, Е.Г. Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920–1930-х годов [Текст] / Е.Г. Белоусова: дис. ... док-ра филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2007. 318 с.

6. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. С. 306, 606, 682, 1389, 1411.

7. Борисов, С.В. Основы философии : учеб. пособие / С.В. Борисов. М., 2010. 424 с.

8. Борисов, С.В. «Человек философствующий»: исследование современных моделей философской пропедевтики [Текст] / С.В. Борисов. М.: ПЕР СЭ, 2005. 239 с.

9. Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологичес-

кого анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. Краснодар: Техн. ун-т КубГТУ, 2002. 140 с.

10. Загорнов, М. Учитель задает жизненный вектор каждому из нас / М. Загорнов // Челябинский педагогический... 2015. Октябрь (№ 10).

11. Маркова, Т.Н. Концепты, организующие художественное пространство малой прозы В. Пелевина [Текст] / Т.Н. Маркова // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: сб. научн. статей. 2010. Вып. 2. С. 300–306.

12. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / В.А. Маслова. Минск : ТетраСистемс, 2004. 256 с.

13. Наумова, С.А. Имиджология [Текст]: учеб. пособие / Том. политехн. ун-т. Томск, 2004. 116 с.

14. Нуртдинова, А.А. К совету директоров [Текст] / А.А. Нуртдинова // Челябинский педагогический... 2015. Февраль (№ 2).

15. Обращение ученого совета к выпускникам ЧГПУ [Текст] // Челябинский педагогический... 2015. Февраль (№ 2).

16. Пименов, Д.Б. Эра электронных учебников [Текст] / Д.Б. Пименов // Челябинский педагогический... 2015. Апрель (№ 4).

17. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.

18. Садырин, В.В. 80 лет успеха [Текст] / В.В. Садырин // Челябинский педагогический... 2014. Декабрь (№ 1).

19. Садырин, В.В. С днем знаний [Текст] / В.В. Садырин // Челябинский педагогический... 2015. Сентябрь (№ 9).

20. Садырин, В.В. С днем учителя! [Текст] / В.В. Садырин // Челябинский педагогический... 2015. Октябрь (№ 10).

21. Садырин, В.В. ЧГПУ – старт на орбиту профессионализма [Текст] / В.В. Садырин // Челябинский педагогический... 2015. Апрель (№ 4).

22. Садырин, В.В. ЧГПУ – университет возможностей [Текст] / В.В. Садырин // Челябинский педагогический... 2015. Июнь (№ 6).

23. Терентьева, Н.П. Учитель литературы должен быть миссионером [Текст] / Н.П. Терентьева; беседа вела Е. Самойловских // Челябинский педагогический... 2015. Май (№ 5).

24. Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 333, 1435.

25. Цилицкий, В. В ЧГПУ пройдет V Всероссийский фестиваль науки / В. Цилицкий // Челябинский педагогический... 2015. Октябрь (№ 10).

26. Челябинский педагогический... 2012-2013 учебный год [Текст] / Сост. В.В. Садырин, Л.А. Глазырина, Д.Е. Филиппов, Е.В. Озорнина. Челябинский гос. пед. ун-т. Челябинск: изд-во «Энциклопедия», 2013. 92 с.

27. Чумиков, А.Н. Актуальные связи с ответственностью: сфера, генезис, технологии, области применения, структуры [Текст]: учеб.-практич. пособие / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. М.: Юрайт: Высшее образование, 2009. 721 с.

28. Шибкова, Д.З. Есть тысячи точек соприкосновения между наукой и жизненными ситуациями / Д.З. Шибкова; беседа вела Е. Самойловских // Челябинский педагогический... 2015. Май (№ 5).

References

1. 95 zayavleniy podano v kolledzh ChGPU // Chelyabinskiy pedagogicheskiy... 2015. Iyul'. (№ 7) [in Rus].

2. Antropova V.V. (2013) *Znak: problemnoe*

pole mediaobrazovaniya, T. 2, no. 12, pp. 23–28 [in Rus].

3. Antropova V.V. (2010) *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 1, pp. 54–55 [in Rus].

4. Afanas'eva O.Yu. (2015) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, Okt. (no. 10) [in Rus].

5. Belousova E.G. (2007) *Stilevaya intensivatsiya v russkoy proze rubezha 1920–1930-kh godov*. Ekaterinburg, 318 p. [in Rus].

6. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (2000), sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb., «Norint», pp. 306, 606, 682, 1389, 1411 [in Rus].

7. Borisov S.V. (2010) *Osnovy filosofii*. Moscow, 424 p. [in Rus].

8. Borisov S.V. (2005) «Chelovek filosofstvuyushchiy»: issled. sovrem. modeley filos. propedevtiki. Moscow, PER SE, 239 p. [in Rus].

9. Vorkachev S.G. (2002) *Kontsept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza*. Krasnodar, Tekhn. un-t KubGTU, 140 p. [in Rus].

10. Zagornov M. (2015) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, Okt. (no. 10) [in Rus].

11. Markova T.N. (2010) *Kontsepty, organizuyushchie khudozhestvennoe prostranstvo maloy prozy V. Pelevina / Khudozhestvennaya kontseptosfera v proizvedeniyakh russkikh pisateley: sb. nauchn. statey. Vyp. 2*, pp. 300–306 [in Rus].

12. Maslova V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika*. Minsk, TetraSistems, 256 p. [in Rus].

13. Naumova S.A. (2004) *Imidzhologiya*. Tomsk, 116 p. [in Rus].

14. Nurtidinova A.A. (2015) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, Fevr. (no. 2) [in Rus].

15. *Obrashchenie uchenogo soveta k vypusknikam ChGPU* (2015). *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, Fevr. (no. 2) [in Rus].

16. Pimenov D.B. (2015) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, Apr. (no. 4) [in Rus].

17. Popova Z.D., Sternin I.A. (2010) *Kognitivnaya lingvistika*. Moscow, AST: Vostok-Zapad, 314 p. [in Rus].

18. Sadyrin V.V. (2014) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, Dek. (no. 1) [in Rus].

19. Sadyrin V.V. *S dnem znaniy [Tekst] / V. V. Sadyrin // Chelyabinskiiy pedagogicheskiy... – 2015. – Sent. (№ 9) [in Rus].*

20. Sadyrin V.V. *S dnem uchitelya! [Tekst] / V. V. Sadyrin // Chelyabinskiiy pedagogicheskiy... – 2015. – Okt. (№ 10) [in Rus].*

21. Sadyrin V.V. *ChGPU – start na orbitu professionalizma [Tekst] / V. V. Sadyrin // Chelyabinskiiy pedagogicheskiy... – 2015. – Apr. (№ 4) [in Rus].*

22. Sadyrin V.V. *ChGPU – universitet vozmozhnostey [Tekst] / V. V. Sadyrin // Chelyabinskiiy pedagogicheskiy... – 2015. – Iyun'. (№ 6) [in Rus].*

23. Terent'eva N.P. (2015) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, May (no. 5) [in Rus].

24. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (2003) / pod red. D. V. Dmitrieva. Moscow, OOO «Izdatel'stvo Astrel'», OOO «Izdatel'stvo AST», pp. 333, 1435 [in Rus].

25. Tsilitskiy V. (2015) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, Okt. (no. 10) [in Rus].

26. *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy... 2012–2013 uchebnyy god / Sost. V.V. Sadyrin, L.A. Glazyrina, D.E. Filippov, E.V. Ozornina. Chelyabinskiiy gos. ped. un-t. Chelyabinsk, izd-vo «Entsiklopediya», 2013, 92 p. [in Rus].*

27. Chumikov, A.N.? Bocharov M.P. (2009) *Aktual'nye svyazi s obshchestvennost'yu: sfera, genesis, tekhnologii, oblasti primeneniya, struktury*. Moscow, Yurayt: Vysshee obrazovanie, 721 p. [in Rus].

28. Shibkova, D.Z. (2015) *Chelyabinskiiy pedagogicheskiy...*, May (no. 5) [in Rus].

UDC 659.442

THE ROLE OF CORPORATE PHILOSOPHY IN FORMING CONCEPTS IN A CORPORATE PUBLICATION (AS EXEMPLIFIED BY THE NEWSPAPER OF CHELYABINSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY «CHELYABINSK PEDAGOGICAL...»)

Philippov Dmitriy Evgenyevich,

Chelyabinsk State Pedagogical University,
PR Rector consultant,
Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: dmifilippov@yandex.ru

Samoylovskikh Ekaterina Andreevna,

Chelyabinsk State Pedagogical University,
Master's Degree Student of the Philological
Faculty,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: burdukovskayaea@cspu.ru

Annotation

The article deals with the influence of corporate philosophy on the content of a corporate publication. Method of analyzing concepts is used as a tool.

Key concepts:

corporate culture,
corporate philosophy,
corporate mass media,
corporate print media,
concept.

УДК 32.019.5

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2016 ГОДА В РОССИИ: РИСКИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,

директор,
доктор политических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.

E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье анализируются политические и социальные процессы, связанные с прошедшими выборами 13 сентября 2015 года в России и Челябинской области, а также их современный формат как фон начавшейся избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы РФ. Отдельно рассматриваются группы основных рисков и их влияние на политический режим современной России.

Ключевые понятия:
политический режим,
политические риски,
выборы,
избирательная кампания,
политические партии.

Институт выборов в России постепенно становится функциональным элементом её политической системы. Однако его роль как политического института определяется не столько фактом встроенности в качестве элемента в политическую систему, а спецификой, определяемой типом политического режима, сложившегося к середине второго десятилетия XXI века. В условиях разных политических режимов выборы по-разному реализуют свою главную функцию – обеспечение легитимации действующей власти, то есть электоральной легитимации.

Анализ института выборов, выполненный Е.Н. Давыборец, привёл её к выводу: «выборы в России по организационно-правовым характеристикам в целом соответствуют критериям демократичности. Этому предшествовал этап становления и развития, который отмечался многочисленными проблемами институционального оформления. Относительно группы характеристик «честность и справедливость, конкуренции» Россия с самого начала формирования электоральной традиции не отвечала критериям демократичности по ряду показателей. <...> по мере накопления политического опыта, формирования зрелой электоральной культуры граждан, а также развития демократических традиций общества, минимальная конкуренция будет превращаться в полноценную, а выборы всё больше отвечать критериям демократичности» [1, с. 55].

Известный политик и экономист Г.Явлинский определяет политический режим в современной России как «периферийный авторитаризм» и полагает, что «парламентские выборы как институт при этом окончательно лишаются практического смысла. Если в предшествующий период они рассматривались правящей командой как чрезвычайно широкий по охвату опрос общественного мнения, легитимизирующий роль и положение абсолютного лидера, то при отсутствии каких-либо понятных различий между партиями (кроме имени лидера) проведение выборов лишается и этого смысла. Они либо превращаются в фарс, в заранее расписанный на роли и тщательно отрежессированный спектакль, либо ликвидируются как институт. Какой из этих двух возможных путей будет избран властью, покажет время – скорее всего, вопрос будет решаться ситуативно. Однако в любом случае этот чужеродный для тоталитарной или полутоталитарной системы институт в нынешних российских условиях выглядит обречённым» [10, с.12, 81-82].

Ещё один автор, анализирующий политический режим современной России, Е.М. Шульман, оценивает его так: «<...>боль-

ше всего Россия соответствует признакам гибридного режима. Вероятно, потому что мы имеем для такого вывода ряд признаков. С одной стороны, в России есть демократические институты, пусть даже имитационные. У нас неадекватная концентрация власти в одних руках, неравномерное распределение полномочий между ветвями власти, неконкурентные и непрозрачные выборы. Это все признаки, не дающие стране возможность называться полноценной демократией». Однако, «чем больше режим развешивает вывесок, притворяясь демократией, тем больше у него шансов постепенно в нее превратиться. Поэтому, если у вас в стране есть регулярные выборы, честные или нечестные, несколько партий сильных или слабых, – все это работает на дрейф в сторону демократии» [6].

Характерно, что во всех трёх приведённых суждениях, оценивающих современный российский политический режим, он рассматривается исключительно в динамике. В существовании политического режима есть, как правило, несколько альтернативных путей, имеющих разную вероятность реализации. Выбор какой-либо альтернативы развития режима осуществляется политическим классом каждый раз при прохождении очередной системной развилки.

Выборы, особенно федерального уровня, объективно являются такой развилкой и она вполне может оказаться точкой бифуркации существования режима. Выборы в сентябре 2016 года в Государственную Думу, предопределённые кризисными реалиями экономической и социальной жизни России, будут проходить в некоем континууме политических рисков. В данном случае риск рассматривается нами как «неустрашимый элемент политического решения любого уровня (начиная с революционных преобразований всего общества и заканчивая голосованием отдельного избирателя), заключающийся в выборе с неопределённым исходом (не всегда «просчитываемом»), той или иной линии поведения. Рисковое решение принимается в ситуации неопределённости и характеризуется типом взаимосвязи объективных обстоятельств и субъективной деятельности по их образованию. Успех при осуществлении такого решения зависит не только от «угадывания», но и от умения и волевой решимости направить ход событий в результате активных действий в пользу избранной альтернативы» [9, с. 341–342].

Политические риски возникают как при пересечении долгосрочных факторов, определяющих эволюцию политических режимов, так и массы ситуативных, сиюминутных об-

стоятельств, связанных с этими факторами и друг с другом. Рассмотрим наиболее очевидные риски, так или иначе присущие главному политическому событию года – парламентским выборам.

Внесение изменений в законы о выборах накануне федеральной избирательной кампании для России можно считать уже не просто правилом, а устойчивой традицией. Подобная тактика связана с желанием доминирующих политических акторов обеспечить большую степень контроля за действиями оппозиционных политических структур. Однако существенные изменения в законодательстве о выборах сами по себе создают новую группу просчитанных и непросчитанных рисков хотя бы тем, что только правоприменительная практика позволит оценить состоятельность и последствия рационально продуманных и принятых законодателем инноваций. Назовём подобный риск «риском новизны».

Как известно, после 13 лет перерыва выборы в Госдуму снова пройдут по смешанной системе. В Челябинской области в 2016 году депутаты Госдумы вновь будут избираться в пяти одномандатных избирательных округах и по итогам голосования за партийные списки. Нарезка избирательных округов также видоизменилась и представляет собой сегодня гибридную – «лепестковую» структуру, объединяющую городские и сельские территории, что значительно осложняет организацию избирательной кампании для всех политических партий и кандидатов. Этот же факт появления «риска новизны» относится и к отказу от пропорциональной избирательной системы, усложнённого созданием новой конфигурации избирательных округов для одномандатников.

Обратимся к истории вопроса. Рассмотрим, как на протяжении этого временного отрезка выглядело распределение голосов избирателей в целом по России и по Челябинской области.

Последний раз выборы депутатов Государственной Думы третьего созыва проходили по такой же, смешанной схеме в 1999 году.

Обработка приведённых в таблице 1 данных позволила укрупнить картину распределения голосов избирателей. На отрезке в 13 лет чётко выделяются два этапа. Первый этап – выборы 1999 и 2003 годов, характеризуется преобладанием электоральной поддержки оппозиционных партий над партией власти, имевших в сумме соответственно +15,35% и +12,05% голосов. Второй этап – выборы 2007 и 2011 годов, когда партия власти получила большую,

**Итоги голосования за политические партии на выборах в Государственную Думу
(данные представлены в процентах)**

Избирательное объединение (блок)	1999		2003		2007		2011	
	Россия	Чел.обл.	Россия	Чел.обл.	Россия	Чел.обл.	Россия	Чел.обл.
«Единая Россия»*	36,65	28,44	37,57	33,79	64,3	61,11	49,3	49,4
КПРФ	24,29	22,58	12,61	12,05	11,57	11,02	19,2%	14,9
ЛДПР**	5,98	6,21	11,45	11,94	8,14	9,45	11,7	12,1
Блок «Родина» + Блок «Российская партия пенсионеров и Партия социальной справедливости» РГЖ Далее – «Справедливая Россия»	1,95	3,39	13,99	17,74	7,74	9,93	13,2	16,9
Союз правых сил	8,52	11,61	3,97	4,11	0,69	0,84	–	–
явка	61,85	60,82	55,75	52,68	63,71	66,75	60,2	59,5

чем системная и несистемная оппозиция, электоральную поддержку. В 2007 году этот показатель оказался выше на 29,87%, а в 2011 году его превышение составило уже только 5,5%. В рамках последних парламентских выборов проявилась устойчивая тенденция к сближению количества полученных голосов избирателей у «Единой России» и оппозиционных партий.

Аналогичная картина распределения голосов избирателей за этот период времени прослеживается и по итогам выборов в Законодательное Собрание (ЗСО) Челябинской области. В 2005 году оппозиционные партии на выборах в ЗСО получили 32,3% голосов, в 2010 году чуть меньше – 31,6%, а 2015 кризисном году – уже 39,56% голосов. Динамика представленных электоральных показателей свидетельствует ещё об одном формирующемся политическом риске – вероятности перетока на предстоящих выборах ещё более значительной части электората к оппозиционным «Единой России» партиями.

Анализ географии результатов голосования как в России, так и в Челябинской области позволяет выделить успешные и проблемные территории для каждой партии, участвовавшей в выборах. Отсюда ещё один риск для политического режима от предстоящих выборов в Госдуму – увели-

чение количества проблемных территорий и электоральное усиление позиций оппонентов «Единой России» на уже имеющихся проблемных территориях.

С учётом динамики явки и результатов голосования на выборах в субъектах федерации в 2015 году, можно говорить также о наличии и усилении весьма серьёзного риска, связанного с фактором роста латентной протестности российского электората, который способен дать о себе знать при нарастании давления негативных последствий кризиса на повестку дня предстоящих выборов и при проведении партией власти относительно неудачной избирательной кампании. Сложный по глубине, масштабам и продолжительности происходящих процессов кризис мировой и российской экономики делает весьма вероятным появление в 2016 году целой стаи «чёрных лебедей». Выборы будут стимулировать политические партии и общественных лидеров к борьбе за симпатии и голоса граждан, недовольных ухудшающимся положением. Почти все эксперты прогнозируют возникновение в 2016 году локальных протестных акций, вызванных какой-либо несправедливостью со стороны власти. Нельзя исключить и выдвижения в ходе протестных акций политических лозунгов, а также появления стихийных или скоординиро-

*1999 году суммированы результаты «Отечество – вся Россия» и «Межрегиональное движение «Единство».

**1991 году – «Блок Жириновского».

ванных массовых акций протеста. Риски, порождаемые кризисом, потенциально выглядят как основные угрозы стабильности российского политического режима.

Данные социологического опроса, проведённого после выборов в Законодательное Собрание Челябинской области в 2015 году [4], позволили зафиксировать ряд важных характеристик в отношении населения к прошедшей избирательной кампании, воспринимавшейся её участниками как генеральная репетиция парламентских выборов. Прежде всего, представим характеристику мотивов участия населения в выборах. Респондентам был задан вопрос: «Каковы причины (мотивы) вашего участия в голосовании на выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области?», на который получили следующее распределение ответов, в % от опрошенных.

Наиболее серьёзный мотив участия в выборах – это восприятие их как своего гражданского долга. И здесь мы видим, что по

критерию гражданственности наибольшую часть электората имеет «Справедливая Россия» – 60,7%, а наименьшую КПРФ – 35,7%. По мотиву выражения избирателем своих социально-политических взглядов и интересов самый «заряженный» электорат имеет КПРФ – 57,1%, а слабее других тут выглядит ЛДПР. Мотив привычки также более выражен у КПРФ – 28,6%, а вот голосование «за компанию» более свойственно избирателям «Единой России» – 14,5%. Административный ресурс как мотив голосования заметнее всего проявился у избирателей ЛДПР – 20,0%. Таким образом, мотивация избирателей, пришедших на выборы и проголосовавших за «Единую Россию» выглядит по значимости мотивов далеко не лидерской. И в этом есть определённые риски для массовой поддержки партии власти на выборах в сентябре 2016 года.

Стоит отметить также и тот факт, что сложившаяся социально-экономической ситуация становится весьма благодатной почвой для внедрения социально-полити-

Таблица 2

Мотивы участия избирателей в голосовании в зависимости от выбора партии

КАКОВЫ ПРИЧИНЫ (МОТИВЫ) ВАШЕГО УЧАСТИЯ В ГОЛОСОВАНИИ НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ?	По всему массиву опрошенных	ЗА КАКУЮ ИЗ ПАРТИЙ ВЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ?					
		«Единая Россия»	Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	«Справедливая Россия»	Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	«Яблоко»	отказ от ответа
считаю это своим гражданским долгом	44,6	43,4	40,0	60,7	35,7	50,0	22,2
для меня это возможность выразить свои социально-политические взгляды и интересы	41,9	38,2	33,3	42,9	57,1	33,3	66,7
скорее, это дело привычки (воспитания)	14,9	15,8	0,0	14,3	28,6	16,7	11,1
пошел(а) за компанию с родственниками, друзьями, знакомыми	10,8	14,5	13,3	3,6	7,1	0,0	11,1
для меня это вынужденная необходимость, так как заставляют ходить на голосование на работе (учёбе)	4,7	2,6	20,0	3,6	0,0	16,7	0,0
чтобы не воспользовались моим голосом	2,0	1,3	0,0	0,0	14,3	0,0	0,0
голосовал впервые, пришел ради подарка	1,4	1,3	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0
просто совпало время и место, оказался (оказалась) рядом с избирательным участком	0,7	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
затрудняюсь ответить	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

ческих мифов, которые успешно заполняют идеологическую нишу и будут дезориентировать избирателей в восприятии социальной реальности, а значит, и в мотивации своего политического выбора. Подробный анализ этого явления даёт Ю.Г. Ершов, анализируя тенденции мифологизации идеологии и политики в современной России [3, с. 48–54].

Анализ двумерных наложений данных, полученных в ходе поствыборного социологического опроса, позволил более точно определить базовые электоральные группы политических партий, принявших участие в выборах 13 сентября 2015 года.

Для «Единой России» это: женщины (+5,1%)*, респонденты, имеющие высшее образование (+10,8%), в возрасте от 31–50 лет (+3,4%) и старше 50 лет (+2,8%), по социальному положению – специалисты с высшим образованием (+5,8%), пенсионеры (+4,2%), рабочие.

У партии «Справедливая Россия» – это респонденты в возрасте от 31 до 50 лет (+4,5%) и старше 50 лет (+13,7%), по со-

Анализ базовых электоральных групп политических партий указывает на ещё один очевидный политический риск. Опрос позволил установить, что на электоральных полях «Единой России» располагаются и две другие политические партии – «Справедливая Россия» и КПРФ, и все они конкурируют за самых активных избирателей – тех, кто старше 50 лет и пенсионеров. Увеличение количества партий, готовых участвовать в думских выборах, может привести к потере «Единой Россией» части наиболее активно голосующих за неё избирателей и к снижению электоральной поддержке её списка.

Одна из важнейших задач, решаемая участниками избирательной кампании, – это формирование широкой, устойчивой и эффективной эмоционально-мотивационной палитры своего восприятия как самого привлекательного на момент выборов субъекта политики, выразителя интересов большинства избирателей.

Рассмотрим чуть более подробно тему восприятия агитационных кампаний партий. В сводной таблице 3 приведены проценты

Таблица 3

Оценка избирателями агитационной кампании партий

	Агитационная кампания понравилась	Агитационная кампания не понравилась	Агитационная кампания не вызвала особых эмоций	Не встречал агитационных продуктов данной партии
«Справедливая Россия»	25,7	11,5	45,3	8,1
«Единая Россия»	23,6	10,1	59,3	1,1
КПРФ	12,8	10,8	50,7	18,9
ЛДПР	12,2	12,8	54,7	18,6

циальному положению – служащие со средним и специальным образованием (+6,3%) и пенсионеры (+19%), со средним уровнем материальной обеспеченности (+9,3%).

Базовые электоральные группы КПРФ: мужчины (+21%), респонденты в возрасте старше 50 лет (+43,4%), по социальному положению – пенсионеры (+25,3%), с низким уровнем материальной обеспеченности (+10,6%).

Базовые электоральные группы ЛДПР: мужчины (+21,4%), респонденты в возрасте от 31 до 50 лет (+11,9%), с общим средним, специальным или неполным высшим образованием (+14%), студенты (+13%), с низким уровнем материальной обеспеченности (+18%).

от числа участвовавших в выборах респондентов, оценивших избирательные кампании партий.

Агитационная кампания «Единой России» понравилась 23,6% участвовавшим в выборах, не понравилась 10,1%. Баланс положительных и отрицательных оценок составил +13,5%. Если рассмотреть впечатления от агитационной кампании в зависимости от источников получения информации, больше всего понравилась респондентам агитационная кампания этой партии в Интернете (+ 9,4%), а также общение с агитаторами (+10,8%). Респонденты, которым агитационная кампания не понравилась, чаще упоминают рекламные баннеры на улицах (+6,6%) и общение

* В скобках со знаком «+» здесь и далее приводится процент превышения доли респондентов над средним по выборке.

с агитаторами (+4,4%). «Единая Россия» имеет самый высокий процент тех, у кого её агитационная кампания не вызвала особых эмоций – таких избирателей 59,3%. Если оценивать успех партии по восприятию проведённой ею летом–осенью 2015 года агитационной кампании, то мы увидим ещё один политический риск предстоящих выборов в парламент – это вероятность равнодушного восприятия агитационной кампании «Единой России».

Пропагандистско-агитационная кампания «Справедливой России» понравилась 25,7% участвовавших в выборах, не понравилась 11,5% – баланс +14,2%, и «Справедливая Россия» получила наименьший показатель равнодушных к кампании – 45,3%. Впечатления от агитационной кампании этой партии в зависимости от источников получения информации сгруппировались так: больше всего респондентам понравилось общение с агитаторами (+10,8%), агитация по радио (+7,4%) и в печатных СМИ (+4,8%). Респонденты, которым агитационная кампания не понравилась, чаще упоминают общение с агитаторами (+4,7%) и рекламные баннеры на улицах (+4,2%).

Агитационная кампания «КПРФ» понравилась 12,8% участвовавших в выборах, а не понравилась уже 10,8%. Баланс только +2,0%. Тех, кто остался равнодушным к агитационной кампании, – 50,7%. Если рассмотреть впечатления от агитационной кампании в зависимости от источников получения информации, больше всего респондентам понравилась реклама на радио (+12,7%), информационные листовки и брошюры (+9,2%) и публикации в печатных СМИ (+4,2%). Респонденты, которым агитационная кампания не понравилась, чаще упоминают общение с агитаторами (+21,6%) и рекламные баннеры на улицах (+4,5%).

Опрос показал, что агитационная кампания ЛДПР понравилась 12,2% участвовавших в выборах, а не понравилась ещё большему количеству респондентов – 12,8%. Баланс оценок «понравилась – не понравилась» составил +0,6% в пользу второй – отрицательной оценки. К тому же, 54,7% остались равнодушными к агитационной кампании этой партии. Если рассмотреть впечатления от агитационной кампании в зависимости от источников получения информации, больше всего респондентам понравилась реклама в печатных СМИ (+7%) и рекламные баннеры на улицах (+4,8%). Респонденты, которым агитационная кампания не понравилась, чаще упоминают общение с агитаторами – представителями этой партии (+8,5%).

При сравнении оценок избирательных кампаний по балансу трёх показателей – понравилась, а с другой стороны, сумма показателей – не понравилась или остались равнодушны к агитации, наилучший результат получился у «Справедливой России» – 25,7% против 56,8%. На втором месте КПРФ – 12,8% против 61,5%, на третьем месте «Единая Россия» – 23,6% против 69,4%. Замыкает рейтинг эффективности агитационная кампания ЛДПР – 12,2% против 67,5%.

Ещё один сюжет, который чреват появлением рисков, – это продолжение использования во главе партийных списков так называемых «политических паровозов».

Исследование, проведённое лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, по изучению социально-политической ситуации перед выборами в Законодательное Собрание Челябинской области [5], позволило выявить уровень доверия избирателей федеральным и региональным политикам накануне выборов 13 сентября.

Таблица 4

**Доверие федеральным и региональным политикам в составе электората партий
в % от числа опрошенных**

		«Единая Россия»	ЛДПР	КПРФ	«Справедливая Россия»
В. Путин	доверяющие	50,5	5,3	4,8	3,7
	не доверяющие	3,3	6,7	6,7	3,3
Д. Медведев	доверяющие	52,6	6,2	2,1	2,1
	не доверяющие	25,8	6,2	10,3	6,2
Б. Дубровский	доверяющие	51,6	0,0	7,8	4,7
	не доверяющие	25,6	9,0	7,7	6,4
В. Мякуш	доверяющие	54,3	0,0	16,7	33,3
	не доверяющие	19,7	7,2	10,1	7,2

Что характерно, один из трёх лидеров регионального списка «Единой России» В.Мякуш при хорошем показателе доверяющих ему единороссов (54,3%) привлёк к участию в выборах 50% доверяющих ему сторонников КПРФ и «Справедливой России».

В этой связи следует отметить, что ставка в предвыборной кампании на губернаторов и председателей региональных парламентов приводит к тому, что они как политические лидеры привлекают к участию в выборах не только сторонников «Единой России», но и других партий. Например, губернатор Б.Дубровский и председатель ЗСО В.Мякуш позиционировались как представители региональной власти, официальные лидеры «Единой России», но их участие в выборах имело побочный эффект – они обеспечили приток значительной части голосующего электората и к оппозиционным партиям. Отсюда – ещё один риск для партии власти – анализ мотивационной активности избирателей показывает, что наиболее распространённым на прошедших в 2015 году выборах являлся сценарий низкой явки с относительно лояльным к партии власти электоратом. Однако на выборах 2016 года участие в них влиятельных официальных лиц может более заметно протестировать электоральную активность протестного электората.

На предстоящих парламентских выборах «Единая Россия» не будет иметь идеального сценария воздействия на избирательскую активность граждан. Сценарий низкой явки породит объективные проблемы, связанные с фактической низкой поддержкой власти в регионах, а значит, её низкой легитимностью. Базовое ограничение, возникающее для партии власти в этой ситуации, очевидно – критично опасной становится тактика примитивной административной мобилизации электората. Как показали протесты декабря 2011 года, такая тактика может дать обратный результат и стать катализатором усиления других политических рисков.

Серьёзная проблема и ещё один риск для политического режима – невозможность добиться, хотя бы на период выборов, достаточной степени консолидации властвующей элиты как федерального, так регионального и муниципального уровня. Подчинить элиту, добиться декларирования и демонстрации ею внешнего единства, можно, но консолидировать её интересы в единое целое – практически невыполнимая задача.

Политолог Д.Орлов, рассуждая о выборах, стоящих в этой связи перед партией власти отмечает: «Почему на губернаторских

выборах в Иркутской области победил кандидат-коммунист? Почему в Новосибирской области мэром стал представитель КПРФ, а законодательное собрание возглавил деятель, не выдвинутый «Единой Россией» (хотя она и имеет большинство)? Почему в Самарской и Нижегородской областях региональная власть и правящая партия фактически реализовывали различные политические стратегии? Эти и другие ситуации – прямые следствия внутриэлитных конфликтов, а не противостояния с политическими противниками правящей партии» [2]. Значит, надо встраивать в избирательную кампанию предохранители, которыми станут либо первичные выборы, либо силовое замораживание потенциальных внутриэлитных расколов.

К сожалению, формат статьи не позволяет описать даже все наиболее вероятные и существенные риски, поэтому перейдём к резюмирующей части.

Очевидно, что каждый из существующего множества рисков имеет разный вес или силу влияния и разную вероятность реализовать свой разрушительный потенциал. По-разному будет проявляться актуализация рисков, порождаемых кризисом и интенсификацией политических процессов в ходе подготовки и проведения парламентских выборов, но ясно, что от их действия будут зависеть и перспективы существования политического режима современной России.

Если согласиться с классификацией политического режима и системы выборов, данной Е.Н. Давыборец, то есть воспринимать его как демократический, то «медленные челюсти демократии» (М.Кантор) пережуют возникающие риски и благодаря высокой степени автономности политических акторов выработают систему компромиссных решений, позволяющих самортизировать давление кризисных процессов и определить новый внутренний и внешний политический курс, который откроет перспективы экономического процветания и новой социальной стабильности на основе обеспеченной парламентскими выборами электоральной легитимности. Но, думается, что это слишком оптимистичный и маловероятный сценарий.

Если рассматривать развитие политической жизни России в парадигме авторитарного политического режима, то, видимо, следует согласиться с мнением экспертов, считающих, что «несмотря на экономические трудности, которые испытывает Россия, разговоры о скором конце действующей власти и переходе к некой иной политико-государственной системе остаются вполне умозри-

тельными. Правящая элита демонстрирует и способность выживать в неблагоприятных условиях, и умение задействовать доступные ей инструменты, включая средства массовой информации, для внедрения в сознание граждан удобной картины реальности и повестки дня. О потенциале недовольства в обществе сложно судить еще и потому, что протестная и оппозиционная деятельность ограничиваются на законодательном уровне и на практике» [7].

Это базовый и наиболее вероятный сценарий развития событий в 2016 году, и даже если обозначенные в статье риски проявятся, они лишь в какой-то степени делегитимизируют авторитарный режим. Логика развития политической ситуации в стране в настоящее время может привести к усилению авторитарных практик управления и переходу господства в среде властвующей элиты от группы влияния «серых» к господству «чёрных», а значит, и усилению использования ею механизмов чрезвычайной или силовой легитимации власти [8], в рамках которой парламентские выборы играют второстепенную и явно вспомогательную роль. Оговоримся, что происходить это будет в том случае, если не появится какой-нибудь «чёрный лебедь». А «чёрным лебедем» может стать любой из перечисленных в статье или иной из оставшихся вне поля анализа рисков, и тогда неизбежно авторитарный режим в своём развитии пройдёт через точку бифуркации.

И, наконец, если мы имеем дело с гибридным политическим режимом, то на временном отрезке 2016–2018 годов, под давлением нарастающих политических рисков, властвующая элита выберет сценарий всё большего размещения на фасаде политической системы демократических вывесок. И пусть они, на первый взгляд, будут казаться незначительными, несущественными, даже откровенно маскирующими демократические выборы, внутри режима будет идти небыстрый процесс накопления количественных изменений. Полагаю, что к таким примерам можно отнести изменения, вносимые сейчас Государственной Думой РФ в законодательство о выборах, а именно: введение обязательного участия всех кандидатов в публичных дебатах; запрет на использование в ходе избирательной кампании изображений тех, кто кандидатом не является, а также образов лиц, которым не исполнилось 18 лет, и т.п. Понятно, что этот сценарий будет реализовываться и приобретёт большую вероятность при одновременном смягчении отношений с ведущими странами мирового сообщества и

«приглушения» во внутренней и внешней политике демонстрации имперских амбиций, что тоже быстро не происходит. Ещё одним желательным условием для реализации данного сценария развития событий является существенная перегруппировка сил внутри властвующей элиты, которая будет вынуждать официального лидера государства служить не столько сохранению своей власти, а всё в большей степени интересам множества влиятельных групп российского общества.

Итак, современное состояние политического режима в России близко к неустойчивой точке равновесия, когда одинаково рискованно как не проводить экономических и политических реформ, так и начать их осуществление. Та степень влияния и контроля за обществом, которую имеет властвующая элита, представляется ей достаточной для прогнозирования своей судьбы на ближайшее время. Однако эта уверенность может оказаться иллюзорной, поскольку основана она на контактах и общении с людьми своего ближнего круга, очень сильно зависимыми от власти. И чем дольше будет сохраняться подобное неустойчивое равновесие – быть или не быть реформам развития, тем больше крепнущая уверенность власти в способности управлять обществом будет строиться, метафорически выражаясь, «на песке».

1. Давыборец, Е.Н. Выборы в России: институт демократии или атрибут автократии? [Текст] / Е.Н. Давыборец // Социологические исследования. 2015. № 10. 209 с.

2. «Единая Россия» на выборах-2016: семь главных задач. Известия. 12.11.2015. <http://izvestia.ru/news/595500#ixzz3wvsm6Bpd> [Электронный ресурс]. URL: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (дата обращения: 18.01.2016).

3. Ершов, Ю.Г. Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 48–54.

4. Инициативный социологический опрос населения города Челябинска, проведен специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС. Период проведения опроса: 18–21 сентября 2015 года. География опроса: г. Челябинск. Объем выборочной совокупности: 600 респондентов. Статистическая погрешность данных: ±4%. [Электронный ресурс]. URL: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (дата обращения: 19.01.2016).

5. Инициативный социологический опрос населения города Челябинска, проведен специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС. Период проведения опроса: 14–18 августа 2015 года. География опроса: г. Челябинск. Объем выборочной совокупности: 600 респондентов. Статистическая погрешность данных: ±4%. [Электронный ресурс]. URL: <http://chel.ranepa.ru/>

science/Sots.%20issledovaniya.php (дата обращения: 19.01.2016).

6. Между демократией и автократией. Независимая газета. 24.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2015-11-24/10_autokratia.html (дата обращения: 13.01.2016).

7. О легитимной переходной власти. Независимая газета. 22.01.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/editorial/2016-01-22/2_red.html (дата обращения: 18.01.2016).

8. Петров, Н.В. 2016-й: возвращение страны. НГ-политика. 19.01.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2016-01-19/9_return.html (дата обращения: 18.01.2016).

9. Политология. Энциклопедический словарь. Издательство PUBLISHERS. 1993. 431 с.

10. Явлинский, Г.А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. [Текст]. / Г. Явлинский // Медиум. Москва. 2015. 264 с.

References

1. Davyborec E.N. (2015) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 10, 209 p. [in Rus].

2. «Edinaja Rossija» na vyborah-2016: sem' glavnyh zadach. *Izvestija*. 12.11.2015, available at: <http://izvestia.ru/news/595500#ixzz3wvsm6Bpd> (accessed 18.01.2016) [in Rus].

3. Ershov Ju.G. (2015) *Socium i vlast'*, no. 5 (55), pp. 48–54 [in Rus].

4. Dannye iniciativnogo sociologicheskogo oprosa naselenija goroda Cheljabinska po ocenke kampanii po vyboru deputatov Zakonodatel'nogo Sobranija Cheljabinskoy oblasti shestogo sozyva. Proveden specialistami laboratorii prikladnoj politologii i sociologii Rossijskoj akademii narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. Period provedenija oprosa: 18 po 21 sentjabrja 2015 goda. Geografija oprosa: g. Cheljabinsk, available at: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (accessed 19.01.2016) [in Rus].

5. Dannye iniciativnogo sociologicheskogo oprosa naselenija goroda Cheljabinska po ocenke kampanii po vyboru deputatov Zakonodatel'nogo Sobranija Cheljabinskoy oblasti shestogo sozyva. Proveden specialistami laboratorii prikladnoj politologii i sociologii Rossijskoj akademii narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. Period provedenija oprosa: 14-18 avgusta 2015 goda. Geografija oprosa: g. Cheljabinsk, available at: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (accessed 19.01.2016) [in Rus].

6. Mezhdum demokratiej i avtokratiej. *Nezavisimaja gazeta*. 24.11.2015, available at: http://www.ng.ru/stsenarii/2015-11-24/10_autokratia.html (accessed 13.01.2016) [in Rus].

7. O legitimnoj perehodnoj vlasti. *Nezavisimaja gazeta*. 22.01.2016, available at: http://www.ng.ru/editorial/2016-01-22/2_red.html (accessed 18.01.2016) [in Rus].

8. Petrov N.V. 2016-j: vozvrashhenie strany. *NG-politika*. 19.01.2016, available at: http://www.ng.ru/ng_politics/2016-01-19/9_return.html (accessed 18.01.2016) [in Rus].

9. *Politologija* (1993). *Jenciklopedicheskij slovar'*, Izdatel'stvo PUBLISHERS, 431 p. [in Rus].

10. Javlinskij G.A. (2015) *Periferijnyj avtoritarizm. Kak i kuda prishla Rossija / Medium*. Moskva, 264 p. [in Rus].

UDC 32.019.5

PARLIAMENTARY ELECTIONS OF 2016 IN RUSSIA: RISKS FOR POLITICAL REGIME

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch,

Director,

Doctor of Political Science, Professor, Chelyabinsk, Russia.

E-mail: director@chel.ranepa.ru

Annotation

The article analyzes political and social processes connected with the elections held 13 September, 2015 in Russia and Chelyabinsk region, and also their modern format as a background of an initiate deputy election campaign to the State Duma. The author considers groups of the main risks and their influence on the political regime of modern Russia.

Key concepts:

political regime,
political risks,
elections,
election campaign,
political parties.

УДК 323

СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Липская Лариса Алексеевна,

Уральский государственный
университет физической культуры,
заведующая кафедрой
социально-гуманитарных наук,
доктор педагогических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: lipskayala@mail.ru

Аннотация

В статье с позиции политической герменевтики представлен анализ современной реальности, политических отношений и процессов. Происходящие в стране политические события интерпретируются в социокультурном контексте, предполагающем поиск заложенного в них конкретно-исторического смысла, выявление заключенного в них человеческого отношения к миру политики.

Раскрывается специфика политической герменевтики как методологии и метода дискурсивного анализа «политического текста», как процесса непрерывной рефлексии взаимосвязи и взаимообусловленности прошедших, современных и будущих политических событий с учетом особенностей политической культуры общества, историчности и субъекта, и объекта познания.

Ключевые понятия:
политическая герменевтика,
понимание,
интерпретация,
мир политики,
социокультурный контекст.

Современные социально-политические проблемы, с которыми сталкивается в последнее время российское общество, требуют глубокого, адекватного их понимания и осмысления, чему во многом способствует политическая герменевтика.

Герменевтика рассматривается как общая теория интерпретации (Ф. Шлейермахер), как методологическая основа гуманитарного знания (В. Дильтей), как универсальный способ освоения мира, поиска смысла, как своеобразная философия понимания, которое неотделимо от самопонимания интерпретатора (Х. Гадамер), как процесс выявления мышлением смысла, скрытого в символе (Поль Рикер) [7, с. 410–415]. В герменевтике понимание выступает, с одной стороны, как интерпретация смысла, заложенного в том или ином тексте, с другой стороны, как раскрытие «заключенного в нем человеческого отношения к миру», «живого человеческого опыта».

Использование герменевтического подхода как междисциплинарного метода научного исследования «человекоразмерных систем» требует всестороннего, конкретно-исторического осмысленного понимания любой символической системы или структуры повседневности, общественного процесса или социокультурного явления (языка, искусства, права, политики, образования и др.). В центре политической герменевтики находятся проблемы объяснения и понимания политической реальности. Герменевтический подход, дополненный другими исследовательскими подходами, дает наиболее полное и глубокое представление о мире политики. Специфика современной политической герменевтики заключается в том, что процесс исследования происходит с учетом историчности и субъекта, и объекта познания, непрерывной рефлексии взаимосвязи и взаимообусловленности будущих, современных и прошедших событий. Герменевтический метод предполагает учет субъективных намерений автора политического документа, статьи или просто высказывания по тому или иному поводу, а также того или иного действия, обусловленного внутренними побуждениями, интересами и просто психологическими характеристиками исторических личностей или политиков. Герменевтический подход к исследованию политической реальности прошлого и настоящего на основе «вживания» исследователя в душевный мир автора дает возможность познать и понять устремления организаторов или участников тех или иных событий, их взгляды, привычки,

особенности культуры, создающие определенный тип личности той или иной эпохи. Также большое значение имеет классово-сословная принадлежность, особенности менталитета, социально-экономические условия, составляющие тот социокультурный контекст, который оказывает существенное влияние на смысл какого-либо определенного политического явления.

Понимание современных политических процессов, обладающих пространственно-временной обусловленностью, требует уяснения не только исторических, социокультурных условий, в которых они зарождались и разворачивались, но и учета субъективно-психологических факторов, анализа политической позиции автора текста. Герменевтика как рефлексивный метод познания, основанный на размышлении, объяснении, вчувствовании, ставит в центр исследования человека как субъекта познания в качестве интерпретатора. Поэтому любая интерпретация должна учитывать и «жизненный опыт» самого познающего. Склонности, потребности, интересы, культурные, исторические и духовные особенности интерпретатора накладывают свой отпечаток на понимание изучаемых объектов. Это характерно для познания любых социальных процессов, включая политические реалии. Субъекты познания, обладая разными уровнями политического сознания и культуры, опираясь на свой индивидуальный социальный опыт, по-разному интерпретируют одни и те же политические события. Каждый толкователь, «проживая» политические события прошлого и настоящего, комментируя и оценивая их, как бы «пишет» политическую историю заново, помещая их в исторический контекст. Согласно герменевтике интерпретаторы политических текстов и действий (западные или российские политологи, журналисты), выступая со своих позиций, могут усмотреть в них «равноправные истины» – «добра» или «зла», агрессивности или наоборот обороноспособности. При этом каждый из них правомочен давать собственную версию трактовки тех или иных событий, а следовательно, и иметь свою собственную истину. Нередко они исходят не только из своих убеждений, но и интересов государства, или интересов определенных политических элит, поэтому, воздействуя на эмоции читателя, играя на моральных установках, им не всегда удается избежать нравственного релятивизма, двусмысленного толкования тех или иных событий. В данном случае субъекту познания необходимо придерживаться центрального закона герменевтики,

так называемого герменевтического круга, согласно которому «процедура толкования должна обогатить то предмнение, которое толкователь закладывает в основу своего понимания текста, действительными смыслами этого последнего» [1, с. 93]. На выходе из герменевтического политического круга обнаруживается симбиоз воззрений: политика, политолога-аналитика, рядового гражданина, мнения которых не всегда совпадают в оценках тех или иных событий. Для выхода из этого круга необходима определенная степень пронизательности, интуитивной проникновенности, самостоятельности мышления, философской эвристичности, которые дают возможность интерпретаторам вести истинный диалог с авторами политического текста.

В ходе обсуждения, сравнения и сопряжения разных точек зрения и мнений происходит преодоление «точек разрыва», «конфликта интерпретаций», достигается целостность восприятия в виде взаимного согласия, понимания или непонимания смысловых полей политических текстов. Логика политической герменевтики основана на принципе дополнительности, на том, что истину не может познавать и быть ее носителем кто-то один. В процессе диалогового обсуждения исследуемых проблем происходит не навязывание мнения оппоненту, а уважительное к нему отношение, дополнение своего мнения, мнением партнера по политической дискуссии. Историко-герменевтическое толкование подразумевает под собой не просто раскрытие существовавшего смысла, а творческое создание нового смысла политического явления, нового уровня его понимания. Вместе с тем результат расшифровки заложенного в нем смысла нередко отличается от того смыслового содержания, которое определяется намерениями авторов статей, публичными заявлениями, политическими позициями лидеров государств и участниками этих событий. В частности, разобраться в фактах ложного или ангажированного освещения событий в СМИ, преодолеть заблуждение, получить адекватные представления и дать однозначную оценку украинским событиям зачастую бывает очень сложно. Здесь важно понимание того, что на Украине идет гибридная, не только гражданская, но и информационная война, в которой каждая участвующая в ней сторона пытается представить себя в выгодном свете. Политическая герменевтика как основа политической коммуникации помогает понять заложенный в политической информации смысл и значение, которые вкладывают в нее

участники информационного обмена, разобратся в истинных, а не мнимых намерениях и интересах всех конфликтующих сторон, каждая из которых прежде всего заботится об укреплении своего авторитета и своей власти, своих позиций на международной арене. Герменевтический метод анализа разворачивающейся конфронтации между Украиной, Западом и Россией, которая в перспективе может привести к реальной, а не закамуфлированной войне, где не может быть победителей, заставляет задуматься о человеке, стоящем в центре этих катастрофических событий, поскольку ценой любого военного конфликта являются жизни тысяч и миллионов рядовых граждан. Политическая герменевтика направляет процесс познания политической реальности в гуманистическое русло, ориентируя на то, что любая политическая информация должна служить не разжиганию массовой истерии и политического протеста, а поддержанию сбалансированности и равновесия между обществом и властью, между народами разных стран, между политиками враждующих государств. Герменевтический подход к оценке сегодняшних событий, дополненный историческим подходом, высвечивает неоднократно повторяющиеся в истории беспорядки и потрясения, вызванные вакуумом власти, приводившие к серьезной «политической встряске», которая, как правило, заканчивалась затяжным экономическим и политическим кризисом, а в итоге – революцией.

Политическая герменевтика исходит из того, что понимание настоящего невозможно без глубокого прочтения и интерпретации прошлого, которое оказывает существенное влияние и на наше будущее. По Гадамеру, подлинное понимание настоящего требует постоянного учета всех исторических обстоятельств прошлого, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы [3]. Как известно, любой политический процесс связан с прошлым и направлен в будущее, хотя и совершается в настоящем времени. Политическая герменевтика нацеливает на изучение его траектории движения, которую можно установить, зная цепь прошлых и настоящих событий. «Вживание» в «политический текст» происходит с учетом той оценки, которую дают этим событиям современники или авторы текста, и только на этой основе осуществляется интерпретация и оценка структуры, особенностей и режима протекания современного политического процесса. Для понимания интерпретатором смысла политического документа

или события важно обращение к контексту. Исследователь мира политики должен вести постоянный «диалог» с «политическим текстом» в контексте его исторического развития, открывая новые факты и документы. В рамках историко-культурологического анализа политической жизни таким контекстом выступают особенности политической культуры общества, те культурные нормы, традиции, идеалы, которые и детерминируют мир политики. Особенно это касается анализа политики других государств, которые относятся к иной цивилизационной традиции, нежели Россия. Для понимания политических партнеров, равно как и политических противников, их интересов и целей, необходимо, считает И.А. Василенко, задумываться о роли социокультурной специфики в политическом диалоге или конфликте [2].

Изучение истории и политики современного российского государства невозможно без проникновения и понимания менталитета, культуры, традиций, обычаев и привычек русского народа, озабоченного поиском национальной идеи. Исторически обусловленные базовые ценности, включающие идеи национального мессианства, соборности, православия, сильной государственной власти, находят отражение и в современных политических процессах. Возрождение национального самосознания связано, по мнению А. Голубева, с новым пониманием и прочтением истории России, которая учит патриотизму, воспитывает в человеке чувство сопричастности к прошлому и настоящему страны [4, с. 74]. Однако возникает вопрос о том, какому патриотизму («инстинктивному» или «сознательному») необходимо учить подрастающее поколение? Бессознательная любовь к Отечеству, своему народу, как показали события на Украине, граничит с радикальным политическим этнонационализмом и этноцентризмом, имеющими большой конфликтный потенциал, который проявляется в неуважении и нетерпимости, актах геноцида в отношении представителей других национальностей, прежде всего русскоязычного населения. Современное толкование сознательного патриотизма российскими учеными (С.Г. Зырянов, В.И. Лесняк) связывается с возрождением духовности, милосердия и сострадания, выполнением своего гражданского долга, деятельностью на благо Родины [6, с. 13]. А также преодолением экстремистских проявлений особенно в молодежной среде, меркантилизма и индивидуализма, поиском единой цели, идеи, которая бы скрепляла общество.

Патриотический тренд, патернализм и этатизм – вот те базисные основы, которые, как показывают исследования, определяют состояние умов и настроений значительной части российского общества. Ученые-политологи Л. В. Поляков, В. Г. Федотова и другие считают, что «для российского политического менталитета, как и прежде, характерным является культ государственной власти, преклонение перед ней как воплощением силы и господства» [8]. Герменевтическое понимание усиления роли российского государства прежде всего исходит из исторически обусловленного стремления власти и общества к укреплению национальной безопасности, обеспечению социально-экономической и политической стабильности. В то же время, интерпретация сознательного патриотизма не может быть объективной без критического отношения к роли государства в тех или иных исторических событиях как на международной арене, так и внутри страны. Необходима критическая рефлексия путей развития нашей страны в разные исторические периоды, которые всегда определялись и обосновывались той или иной политической идеологией, которая менялась на протяжении всей истории России, переходя от прозападной либеральной модели к консервативно-охранительной.

В настоящее время объединяющей национальной идеей вновь становятся славянофильская идея (или ее коммунистическая модификация) самобытности, сплоченности, возрождения великой России, которая ищет сил для самосохранения не вне себя, а внутри страны. Вновь раздаются голоса о том, что Россия – это не Запад, что русская культура должна идти своей собственной дорогой, избегая ориентаций на чуждые ей начала, выработанные западной культурой в совершенно иных исторических условиях. Неоднократные преобразования и трансформации, начиная с петровских реформ, ориентированных на Запад, и заканчивая стремлением постперестроечных либеральных реформаторов навязать сознанию российских граждан европейские ценности, так и не увенчались успехом. Чаадаевское нигилистическое отношение к России, ее прошлому и настоящему, которое характерно для умонастроений современной либеральной оппозиции, счастливых от того, что общество «нарядилось в западные лоскутья», не нашло широкого распространения среди российских граждан, об этом свидетельствуют и неудавшиеся попытки регистрации ряда оппозиционных политических партий

и прошедшие выборы в региональные парламенты. Российское государство в очередной раз пытается сбросить с себя «западные помочи», отказаться от подражательства, импортозависимости и быть независимым во внутренней и внешней политике. Однако для возрождения самобытности, народного духа обществу не хватает «витамина» успеха, политической воли, решительности, уверенности в своих силах. Современные Молчалины по-прежнему живут в страхе иметь свое суждение, принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Вместе с тем политическая герменевтика нацеливает на самостоятельный поиск ответов на непростые вопросы современности, ориентирует на высказывание самостоятельного мнения, которое, правда, должно не навязываться, а согласовываться с мнением других.

Понимание современной политической реальности, рассмотренной в широком историко-культурном контексте, дает основание сравнить ее с советской эпохой, с характерной ориентацией социалистической экономики на самодостаточность и самообеспечение, а также укреплением державных позиций. Современная политическая и экономическая система в отдельных ее проявлениях сохраняет историческую преемственность торжества государственно-централизованного управления, хозяйственно-экономического суверенитета. Вместе с тем наблюдающееся в последнее время ограничение международной торговли, недопущение чужого внешнего (западного) влияния, экономический протекционизм обусловлен не только антизападными санкциями, но и стремлением продолжить свой особый, самобытный путь развития. Как показала история, ориентация исключительно на собственные силы, экономический изоляционизм, оправдываемый защитой отечественного производителя, может как способствовать оживлению и модернизации экономики, повышению ее конкурентоспособности, так и привести к частичной автаркии и изоляции от глобальной системы. Россия рискует утратить завоеванные геополитические и геоэкономические позиции и уважение в глобализирующемся мире. В связи с этим герменевтическое понимание современных геополитических процессов предполагает обращение к идее открытости экономик, диалога цивилизаций и культур, как наиболее эффективному, а в нынешних условиях единственному возможному способу разрешения многих, в том числе экономических, проблем.

Герменевтический подход к оценке международных отношений помогает создать целостную картину современной геополитической ситуации, складывающуюся из мозаики взаимоотношений, заявлений и действий как российских политиков, так и политиков стран НАТО. Политическая герменевтика позволяет обратить внимание на некритическую оценку, которую дают западные СМИ политическим «текстам» лидеров своих государств, занимаясь по большей части открытой апологетикой конфронтационных действий США, в очередной раз наращивающего гонку вооружений, что угрожает системе глобальной политической стабильности и вынуждает Россию искать адекватные меры укрепления ее безопасности. Лидеры США, пытаясь привлечь европейские страны на свою сторону, далеко не всегда прибегают к логически связным аргументам и объективным доказательствам. Выдвигая доводы в пользу того или иного положения, в зависимости от конкретной ситуации и внешнеполитического контекста, американские политики выставляют Россию то «старым врагом», то потенциальным партнером, называя взаимоотношения с российским лидером «прямыми и крепкими». Политические ястребы, пытаясь навесить дружеский «защитный зонтик» из крылатых ракет, вводят в заблуждение европейского обывателя, обещая, например, то, что бывшие советские республики и страны Восточной Европы никогда не потеряют вновь свою независимость, утаивая при этом знание о том, что прибалтийские государства на протяжении предыдущих веков были зависимы от европейских монархий. Комментируя речь своих политиков, западные СМИ стремятся подать ее в выгодном свете, апеллируя к массовому сознанию, стремятся приукрасить или сделать ее созвучной умонастроениям слушателей или читателей, чтобы затронуть нужную струну в этом сознании. Герменевтический метод исследования направлен на то, чтобы отделить или сравнить интерпретации авторов публикаций в СМИ от самих высказываний политика, которые «должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса» [5].

Политическая герменевтика способствует созданию отношения к современным мировым процессам не как к завершеному прошлому и настоящему, а как (незавершенное) движение по кругу, в процессе которого уточняются составные части по-

литического процесса и, в результате, он глубже осознается как целое. В конечном итоге это движение ради борьбы не с мнимым врагом, каким в настоящее время для Запада представляется Россия, а реальной угрозой для всего мирового сообщества – радикальным исламским фундаментализмом. Герменевтический анализ международных отношений, представленный в широком историко-культурном контексте, дает основание надеяться на то, что, несмотря на усилившееся похолодание в международных отношениях, которое наблюдалось и раньше в различные исторические периоды, когда укреплялись позиции России в мире, в будущем наступит очередная разрядка международной напряженности. На смену политике конфронтации придет политика, направленная на снижение враждебности и противостояния США и России, которая должна привести к укреплению международного «партнерства ради мира».

Несомненным достоинством политической герменевтики является то, что она может помочь исследователю учесть уроки прошлого, более глубоко понять современную и будущую политику нашего государства, дать ответы на вызовы современности, понять подлинный смысл происходящих событий в контексте глобальных модернизационных процессов. Делая упор на совершенствование отношений коммуникации, взаимодействие и взаимопонимание, сторонники политической герменевтики отвергают необходимость разрушительно-нигилистических действий, революционных преобразований, насильственных изменений властных отношений и конституционного строя, на что сегодня ориентируются западные идеологи «оранжевых революций». В то же время приверженцы данного направления исходят из необходимости не пассивно-созерцательного, а активно-преобразующего отношения к политической действительности на основе осознанного, созидательного и ответственного отношения к обществу, государству, к выполнению своих гражданских обязанностей.

1. Бонецкая, Н.К. Предтечи русской герменевтики [Текст] / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.

2. Василенко, И. А. Политическая философия: учеб. пособие [Электронный ресурс] / И.А. Василенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2010. 320 с. URL:<http://uchebnikfree.com/politicheska>

ya-filosofiya-nauka /131-politicheskaya-germenevtika-gorizontyi-19421.html (дата обращения: 08.10.2014).

3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова : пособие [Электронный ресурс]/Х.-Г. Гадамер. М.: Прогресс, 1988 704 с. URL: <http://referati.me/istoriya-filosofii/germenevtika-istoriya-sovremennost.html> (дата обращения: 08.10.2014).

4. Голубев, А. В поисках образовательного канона [Текст]/А. Голубев // Родина. 2014. № 3. С. 73–74.

5. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков/ Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С. 116–133. URL: <http://www.infolex.ru/SMI11.htm> (дата обращения: 08.10.2014).

6. Зырянов, С.Г. Современный российский патриотизм: основные подходы к интерпретации [Текст]/ С. Г. Зырянов, В. И. Лесняк // Социум и власть. 2013. № 2. С. 11–16.

7. История философии: учебник для высших учебных заведений [Текст] /В.П. Кохановский, В.П. Яковлев. Ростов-на-Дону, «Феникс», 2002. 576 с.

8. Поляков, Л.В. Россия в зеркале политологии [Электронный ресурс]/ Л.В. Поляков, В.Г. Федотова и др. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_ruzerp/ec84.aspx (дата обращения: 08.10.2014).

References

1. Bonetzkaia, N.K. (2014) *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 90–98 [in Rus].

2. Vasilenko, I.A. (2010) *Politicheskaya filosofii*. Moscow, INFRA-M, 320 p. available at: <http://uchebnikfree.com/politicheskaya-filosofiya-nauka/131-politicheskaya-germenevtika-gorizontui-19421.html> (accessed: 08.10.2014) [in Rus].

3. Gadamer, Kh.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovui filosofskoi germenevtiki* Pervod s nemetskogo. Moscow, Progress, 704 p. available at: <http://referati.me/istoriya-filosofii/germenevtika-istoriya-sovremennost.htm/> (accessed 08.10.2014) [in Rus].

4. Golubev, A. (2014) *Rodina*, no. 3, pp. 73–74 [in Rus].

5. Demiankov, V.Z. (2003) *Interpretatsia politicheskogo diskursa v SMI // Yazyk SMI kak obyekt mezhnatsionalnogo issledovaniia: uchebnoye posobiye / Otvetstvenny redactor M. N. Volodina. posobiye*. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova, pp. 116–133, available at: <http://www.infolex.ru/SMI11.htm> (accessed 08.10.2014) [in Rus].

6. Zyrianov, S.G., Lesniak V.I. (2013) *Sozium i vlast*, no. 2, pp. 11–16 [in Rus].

7. Kokhanovski V.P., Iakovlev V.P. (2002) *Istoriia filosofii*. Rostov-na-Donu, "Feniks", 576 p. [in Rus].

8. Poliakov L.V., Fedotova V.G. i drougiye. *Rossiia v zerkale politologii*, available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_ruzerp/ec84.aspx (accessed: 08.10.2014) [in Rus].

UDC 323

MODERN REALITY IN THE REFLECTION OF POLITICAL HERMENEUTICS

Lipskaya Larisa Alekseevna,

Ural State University of Physical Education, Head of the Department Chair of Social Science and Humanities, Doctor of Pedagogics, Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail lipskayala@mail.ru

Annotation

The article presents the analysis of modern reality, political relations and processes from the viewpoint of political hermeneutics. Political events, taking place in the country, are interpreted in social context, which implies looking for definite historical essence, pointing out human attitude towards the world of politics. The author reveals peculiarities of political hermeneutics as methodology and method of discursive analysis of a «political text», as a process of continual reflection of interrelation and interdependence of previous, current and future political events with account of peculiarities of political culture of a society, historicity and a subject and an object of cognition.

Key concepts:

political hermeneutics, comprehension, interpretation, world of politics, social and cultural context.

УДК 316.65:323.23

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СУЩНОСТНАЯ ЧЕРТА РАЗВИТИЯ СОЦИУМА

Жилина Вера Анатольевна,
Магнитогорский государственный
технический университет
имени Г.И. Носова,
заведующая кафедрой философии,
доктор философских наук, доцент,
г. Магнитогорск, Россия.
E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается реальный механизм идеологического управления. Идеология максимально проявляет свои управленческие функции в процессах социализации социальных субъектов.

Ключевые понятия:

идеология,
социум,
личность,
управление,
развитие.

Сознательный фактор социальной необходимости детерминирует интерес к возможностям регулирования социального развития, тем самым актуализируя вопросы управления как в рамках теоретического анализа, так и в практике социальных отношений. В многогранности самих процессов управления всегда наиболее противоречиво выглядят аспекты, подразумевающие возможность корреляции духовных процессов. В этом плане идеологическое воздействие на человека наиболее интересно в русле возможности управлять социумом.

Традиционно функции идеологии рассматривают в канве формирования ею субъекта, которое с необходимостью предполагает некое «подчинение» и «определение». Тогда по своему назначению идеологическая доктрина выборочно ограничивает развитие одних качеств субъекта (процесс подчинения) и через навязывание особого социального статуса и положения формирует ожидаемые грани субъекта (процесс определения). Своеобразное идеологическое формирование субъектов социума закрепляется в управленческих характеристиках динамики развертывания социальных тенденций. Так, если идеологические системы позиционируют собой закрепление консервативного отношения к обществу и его ценностям, то неизбежно их содержание строится на доминировании «подчинения» над «определением». Если же в идеологии на первый план выступает «определение», то скорей всего она отражает собой потребности общества в оценке перспектив его развития, так как социум находится на грани вступления в качественно иные стадии. Об этом свидетельствует сам исторический опыт. Например, крах колониальной системы во многом был предопределен появлением «новой» интеллигенции. Обучение и социализация последней в развитых странах, безусловно, идеологическое «определение», приведшее к появлению субъекта, своей сутью отрицающего наличное колониальное устройство общества. Неслучайно смежные с философией гуманитарные науки проявляют огромный интерес к таким «оформленным идеологией» субъектам. В частности, социология фиксирует процесс социализации в моделях типов личностей.

В рамках философского анализа идеологическое управление в социализации предстает иначе. Следует признать, что

процессы «подчинения» и «определения» ориентируют субъекта следующим образом. Они предоставляют информацию констатирующего порядка (кто мы, что есть природа, общество, мир) с целью аксиологического проектирования (что есть добро, красота, справедливость; как они возможны). Именно эти грани содержания идеологии представляют собой определенные идеологические «запросы» (interpellations) и претендуют на универсальные средства идеологического воздействия. Отсюда возникает иллюзия трансформации процессов идеологического управления в процессы манипулирования, особенно если «запросы» обретут сугубо субъективную оболочку и при этом приблизятся к статусу причинного основания развития социума.

В общественном мнении начинает муссироваться концепция внешнего манипулирования членами общества через социальные и политические институты, что влечет устойчивые стереотипы вокруг самой идеологической доктрины. За идеологией окончательно закрепляется статус искусственной теоретической модели, создание которой фактически абсолютно волонтивно. Так, согласно такому взгляду на идеологическое управление, консервативная идеология исключительно направлена на сохранение существующих общественных отношений. Следовательно, ее главной функцией будет не просто оправдание действительности, но и доказательство того, что все процессы в обществе следует признать наиболее благоприятными для человека [1]. Даже в случае явно разрушительного характера социальных тенденций идеология обязана создать вокруг негатива ореол подлинной справедливости. В принципе, в теориях PR-технологий, политологии такой подход к идеологии, особенно в ее политическом аспекте, вполне допустим в качестве рабочей модели [2]. Однако перенос такой модели на реальное идеологическое управление ведет к прямому заблуждению в теории философии, а в применении на практике такая экстраполяция в лучшем случае сведет к минимуму эффективность идеологической доктрины, в худшем – способна разрушить идеологическую систему в целом.

Идеология в своей сущности не сводима к той или иной теоретической доктрине. При анализе идеологического управления необходимо учитывать универсальность идеологического механизма в социаль-

ном развитии, ее атрибутивность социальному бытию [4]. Тогда идеология как фактор управления процессами социализации и социального общения явлена в ее реальных уровнях функционирования. Субъективация носителя социума обязательно предполагает его включение в мир (диалектика единично-общего и уникально-повторяемого) и его позиционирование (становление отношений человека и мира) при одновременном экзистировании и исторической определенности действующего субъекта. Тогда грани идеологического управления в социуме проявляют себя через:

включающую-экзистенциальную идеологию – содержание идеологической доктрины, которое онтологически оформляет индивида, прежде всего, в определении исторически уникального понимания значения собственной конечности в бесконечном развитии мира;

включающую-историческую идеологию – ту часть идеологического содержания, где формируется грань между принадлежностью и непринадлежностью;

позиционно-экзистенциальную идеологию – содержание которой наполнят элементами «подчинение» и «определение» и в сравнительном соотношении проведут грань возможного – невозможного;

позиционно-историческую идеологию – все отмеченные выше характеристики становятся социально бытийными: модель образа жизни, смысла жизни, образовательного статуса субъекта и других его статусных характеристик. Будучи гранями одной доктрины, эти уровни идеологии, сохраняя ее целостность, тем не менее, детерминируют эффективность идеологического управления в конкретных самостоятельных областях социальных процессов.

Включающая – экзистенциальная идеология открывает человеку мир, в котором он может реализовывать себя. При эффективном развертывании содержания идеологической доктрины формируется личностное действие, которое беспричинно, то есть не требует обоснований, объяснений. Результатом идеологического управления будет формирование символического характера человеческой деятельности. С точки зрения оценки социального блага воздействие идеологии на субъекта может быть как позитивным, так

и негативным. Так, советская идеология, с одной стороны, способствовала формированию энтузиазма и героизма, а, с другой, – вопреки социалистической модели нравственного совершенствования «узаконила» доносительство как форму социальной активной позиции.

Интересно, что идеология в социальных отношениях не просто выступает фактором управления, она способна развенчивать стереотипы и мифы социализации. Претензия на формирование духовности человека извне, объективированными формами культуры, основанная на модели трансформации человека из несоциального в социальное существо, развенчивается включающей-исторической идеологией. Именно данный уровень идеологии разрушает миф о неизменной человеческой природе по подобию субстанции в традиционной метафизике и, следовательно, отрицает возможность определения неких сил, способных формировать эту природу. Вопрос «Что есть я?» не должен применяться к человеку. В социализации человека и в вопросах управления им может быть только вопрос «Как есть я?». Реальная конституирующая роль идеологического управления состоит в оформлении стремления человека в экзистенции. В самом человеке эти стремления направлены к тому, что еще не дано Я. В идеологических процессах время экзистенции разворачивает себя как реальность. Это означает, общее содержание культуры становится уникальным в каждом социальном субъекте. Идеология становится основанием, когда в опережающем выборе человек выбирает себя и собственное бытие. Советская идеология, формируя гарантию настоящего при значимости ценности прошлого, уверенно управляет будущим в гарантиях сегодняшнего. Человек получает чувство собственной абсолютной устойчивости в мире. Включающая-историческая идеология в формировании представлений принадлежности и непринадлежности способствует переходам субъекта на качественно новый уровень развития. Именно в процессах идеологического управления у человека формируется великая способность сомневаться. Как только цементирующий целостность идеологии идеал начинает претендовать на единственно правильное поведение, уничтожая, тем самым, саму возможность сомнения, доктрина идеологии начинает

работать вхолостую, выпадая из поля социального управления. Другими словами, включающая-историческая идеология раскрывает в человеке проблемность его собственного бытия.

Включающая-экзистенциальная и включающая-историческая идеологии призваны формировать «самость», «я». Но идеология не констатирует содержание, она доносит содержание культуры до человека, реализующего собственное бытие в действии. Деятельное начало в идеологическом управлении реализуется через позиционные идеологии: позиционно-экзистенциальную и позиционно-историческую. Сложность этих уровней идеологии в том, что с точки зрения онтологии в них пересекаются социальное и идеальное бытие. Позиционно-экзистенциальная идеология прививает субъекту способность ориентации в оформлении возможности и действительности для определения реальности и идеальности в процессах социальной действительности. В такую обработку идеологическим управлением попадают и чувственно-предметные элементы культуры, и образования типа морали, права, религии. Другими словами, в результате воздействия механизмов идеологии социальный субъект приобретает неизмеримость по отношению к другим частям мира. Он и часть, и целое одновременно. Видимые им самим условия жизни и есть именно то, что он есть. Эти видимые условия жизни с необходимостью идеологически окрашены, поэтому управляя одним, идеология управляет всеми.

Чтобы идеологическое управление было эффективным, необходимо стабильно зафиксировать все процессы изменений в субъекте, которые программировались предшествующими уровнями. В этом плане содержание позиционно-исторической идеологии направлено на установление гармонии внутреннего мира человека. Идеология на этом уровне не будет обращать к субъекту содержание смысла (включающая-историческая идеология) или образ жизни (позиционно-экзистенциальная идеология), она стремится сформировать способность выхода за пределы самого себя, что обусловит становление в рамках идеологического управления автономного всеобщего смысла или статус образца жизни вместо предлагаемого в других уровнях образа жизни. Культура начинает «подкар-

мливать» «общественный идеал», «уклад жизни» в качестве автономного элемента социального развития. Тем самым этим уровнем формируются константы процессов социального управления, которые собственным инвариантом способны одновременно определять направление управленческих процессов в обществе и служить основой таких процессов. В область управления попадает человеческая свобода. Через познание собственных возможностей человек трансформирует безличный мир в устойчивую реальность, где его сознательный выбор абсолютно равноправен объективным социальным законам. Именно из этих отдельных социальных реальностей и складывается специфика социального бытия в целом. Позиционно-историческая идеология вписывает возможности человека в поле культуры через адаптацию собственным содержанием. Идеология нацелена на управление решением человека, что, в свою очередь, подразумевает управление системами ценностей: важность для меня определит значимость меня и определит основание всех возможных решений других.

Эффективность любой идеологической доктрины в процессах управления напрямую зависит от того, насколько реализовано формирование ценности «я» в качестве высшей ценности. Вертикальное управление в системах идеологизированных объединений: пионерия, комсомол, партия в СССР было эффективно благодаря стержню советской идеологии, которая в коллективном подразумевала главное: ценность «я», находящуюся в прямой зависимости к степени жертвенности в пользу «мы». Следует признать, что в управленческом аспекте любая идеология затрагивает судьбу. В рамках позиционно-исторической идеологии содержанием этой судьбы будет ставший выбор, который определяет возможность жизни как движение к жизни другого. Тем самым позиционно-историческая идеология управляет не только субъектом, но и социумом.

Раскрытие сути идеологического управления через реальное структурирование идеологических процессов позволяет повышать его эффективность. Во-первых, становится возможным классифицировать имеющиеся идеологические доктрины по их сути, а не по содержанию, которое, чаще всего, символически камуфлирует эту суть. Например, в качестве наиболее

общей квалификации может быть разделение идеологий по принципу соотношения с социальной действительностью. Тогда общество может быть ориентировано либо идеологией оправдания реальности, либо идеологией восстания против реальности, либо идеологией, создающей иллюзию реальности. При этом возможно очищение содержания идеологии от интерпретаций, направленных к субъектам управления. Так, идеология оправдания реальности вовсе не та, которая «обеляет» или благоговеет перед имеющейся социальной действительностью (такое внешнее оправдание объединяет все идеологические доктрины, даже политически экстремистские теории идеологически будут обработаны внешней оболочкой созидания). Идеология оправдания реальности всегда будет претендовать на миссионерскую функцию: ее целью становится приобщение менее развитых народов к высокоразвитым достижениям цивилизации. Собственно так происходит экспансия американской идеологии. Но такое структурирование беспощадно к самой идеологии оправдания реальности, так как неизбежно поставит вопрос о критериях претензий на более высокий уровень развития. И, если бы такой анализ, например, был проведен в начальные годы перестройки, то привлекательность американской идеологии быстро бы сошла на нет. Соответственно, русская культура во многом избежала бы наблюдаемых разрушительных тенденций. Или, в зависимости от тех задач, которые стоят перед идеологическим управлением, может быть предложена иная классификация идеологических доктрин: все они могут быть квалифицированы на идеологии потребления и идеологии созидания. В таком делении становится очевидной результативность, например, традиционных политических направлений идеологии. Так, консерватизм как идеологическая позиция, безусловно, конечным результатом будет иметь доминанту потребления. Все выделенные нами грани идеологического управления: включающая-экзистенциальная, включающая-историческая, позиционно-экзистенциальная и позиционно-историческая убедительно продемонстрируют предметный захват человека традицией, что формирует устойчивый стереотип формирования человека имеющимися социальными обстоятельствами. Стержнем личного развития становится пассивность, что

способствует маргинальному поведению. Получается, что за соизидательным камуфляжем политического консерватизма стоит разрушительная модель той самой традиции, которая развевается на его знаменах. Суть идеологического управления детерминирована общей задачей идеологической доктрины: примирения сознания с действительностью. Но действительность такова, как мы ее воспринимаем. Идеология своим содержанием во многом подсказывает человеку, как он может воспринимать мир. Когда восприятие становится конструируемой реальностью, идеология максимально проявляет собственные управленческие функции.

1. Агошков, А.В. Справедливость как ценность мировой культуры [Текст] / А.В. Агошков, А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, Б.Г. Юдин. СПб: СПбГУП, 2007. 416 с.

2. Балынская, Н.Р. Специфика участия средств массовой информации в политическом процессе современной России: Монография [Текст] / Н.Р. Балынская. Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, 2009. 183 с.

3. Ершов, Ю.Г. Мифы в идеологии и политике [Текст] / Ю.Г. Ершов // Социум и власть. 2015. № 5. (55). С. 48–53.

4. Жилина, В.А. Идеология: новый взгляд: Монография [Текст] / В.А. Жилина. Новосибирск: ЦРНС, 2009. 162 с.

References

1. Agoshkov A.V., Gusejnov A.A., Lektorskij V.A., Judin B.G. (2007) *Spravedlivost' kak cennost' mirovoj kul'tury*. SPb, SPbGUP, 416 p. [in Rus].

2. Balynskaja N.R. (2009) *Specifika uchastija sredstv massovoj informacii v politicheskom processe sovremennoj Rossii*. Ekaterinburg, Ural'skaja akademija gosudarstvennoj sluzhby, 183 p. [in Rus].

3. Ershov Ju.G. (2015) *Socium i vlast'*, no. 5 (55), pp. 48–53 [in Rus].

4. Zhilina V.A. (2009) *Ideologija: novyj vzgljad*. Novosibirsk, CRNS, 162 p. [in Rus].

UDC 316.65:323.23

IDEOLOGICAL MANAGEMENT AS AN ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE DEVELOPMENT OF A SOCIETY

Zhilina Vera Anatolyevna,

Nosov Magnitogorsk State Technical University,

Head of the Department Chair of Philosophy,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Magnitogorsk, Russia.

E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Annotation

The article considers the real mechanism of ideological management. Ideology realizes its managerial functions in the processes of socialization of social subjects to the fullest extent.

Key concepts:

ideology,
society,
personality,
management,
development.

УДК 39

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОМАТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЙ

Безвербный Александр Александрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления (филиал), кандидат социологических наук, докторант, г. Ростов-на-Дону, Россия, E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье показано, что любая политическая рефлексия, и в форме презентационных партийных идеологий, и в форме индивидуальных вариантов политической самоидентификации, не может не включать оценку значимости телесного фактора в политической сфере и специфики его политического бытия.

Стереотипы восприятия субъектов политической деятельности пропитаны соматическими установками, достигающими, часто, уровня биологического фетишизма.

Ключевые понятия:

соматическая идентификация, биологический фетишизм, политическая идентификация, политические стереотипы, биополитика.

Теоретизирование по поводу сущности и специфики человека накопило колоссальный по объёму материал и обрело интересные и значимые результаты. Исследователи разветвили антропософию на десятки отраслей и направлений. Но своеобразной методологической константой остаётся признание значимости биологической ипостаси феномена человека. Биосоциальность человека не отрицается никем. Разнятся лишь положения о месте и значимости этой характеристики. Своё узнаваемое лицо обрела и политическая гуманитаристика. И если уклониться от проблемы прояснения предметных границ, скажем, политической антропологии и антропософии, проблемы, которая в принципе не может быть разрешена, то в интегрированном пространстве теоретизирования о сущности человека вопросы телесного ингредиента этой сущности всегда получат определенную меру отражения [12, 11–27; 13, с. 35–45].

Политическая аналитика также не может быть изолирована от проблемы биосоциального статуса субъекта своей предметной сферы, как и другие отрасли обществоведения [4, с. 116–129; 1, с. 92–107]. Политическое бытие социализированной телесности, причём социализированной дважды – в филогенезе и онтогенезе, не только источник многих социальных противоречий, но и реальное пространство их продуктивного разрешения. Однако приходится констатировать, что очень значимая часть политологических исследований так и не «опускается» до homo somaticos. Притом что, получая как данность общеморфологические и половые характеристики, а также динамику их временных изменений (возраст) в параметрах нормы или патологии (здоровье), индивид навсегда не только несвободен от приобретения их, но и от избавления от них [3, с. 49–61].

Далее, *каждый* индивид от рождения не только получает определённый соматический набор, но, в процессе социализации вольно или невольно, стихийно или сознательно, он обретает определённую степень качества идентичности тем параметрам, которые отражают представления общества о расовоэтническом, гендерном, поколенческом статусе индивида, а также, нормовости или патологичности характеристик его здоровья.

Политическая рефлексия, и в форме презентационных партийных идеологий, и в форме индивидуальных вариантов политической самоидентификации, не может не видеть значимости телесного фактора в политической сфере жизнедеятельности общества. Политическая социализация, особенно в своих стихийных формах, предполагает т.с. насыщение субъектов политического процесса матрицами восприятия этого самого процесса. Стереотипы политической культуры пропитаны соматическими установками, мотивирующими, скажем, электоральное политическое поведение.

Телесность включена в политическое бытие не только биосоциальностью конкурирующих элит и их представителей в предвыборной гонке [15, с. 23–43]. Политическая рефлексия цивилизованных эпох давно обозначила особые направления, общетеоретический контент которых можно обозначить как биологический фетишизм. Биофетишизмом мы будем называть рациональное или стихийное мировидение и идеологии, предполагающие, что социальные качества и характеристики порождены особенностями биотелесной организации. Эйджизм, расизм, сексизм – не только древние социальные стереотипы, но и мощные политические движения и идеологии [2, с. 196–211; 6, с. 237–249]. Идеологии, доказывающие особый, приоритетный, статус группы, выделяемой по биологической спецификации. Буквально эти термины обозначают социальное ранжирование по принципу «лучше – хуже» и, соответственно, дискриминацию индивида по биологическому признаку.

Поэтому проблема соотношения соматической и социальной идентификаций в политической рефлексии и биологического фетишизма – не теоретический изыск, а актуальный вопрос политической коммуникации и политического управления.

В соотношении телесной, биологической идентификации и идентификации в социальной сфере важно увидеть особый аспект этого феномена. Мы, в данном контексте исследования, выделяем ограниченный и относительный характер социальной идентификации индивида, её частичный характер.

Колоссальный, по длительности, антропоциогенез сформировал целую палитру инноваций в адаптации к окружающей среде и её изменениям. И одно из главных

достижений эволюции вида homo – это выход этой самой эволюции за пределы телесности. Осуществился перенос эволюционного процесса – с прогресса в адаптации, на орудия, дополняющие индивидуальную природу в борьбе с вызовами внешней природы.

Орудийная деятельность породила в дальнейшем собственную логику совершенствования эффективности этой адаптации к изменяющемуся миру. Использование любого орудия даёт тем больший результат, чем более умело это использование осуществляется. Совершенствование навыков орудийной деятельности и самих орудий – новый качественный этап антропогенеза. Саморазвитие этого направления, уже собственно социальной эволюции, привело к глубокой специализации в труде и сложнейшей социальной коммуникационной системе. Большая часть взаимодействий в этой системе – обмен результатами специализированной деятельности. А сам обмен символизирует то, что на определённой стадии цивилизационного развития отдельный индивид, в течение своей единичной, реальной жизни, не в состоянии заместить собой все социальные роли социума. Его потенциально универсальная телесность обретает в социуме неуниверсальное бытие. Причем эта индивидуальная неуниверсальность не есть проблема способностей и персональных ресурсов энергии. Это сущностный компонент системы, базирующейся на разделённом и специализированном труде.

В этой системе для индивида объективно актуализирована задача обретения лишь части социальной идентичности своей эпохи. Несоизмеримо большая часть останется неосвоенной навсегда. И это не станет препятствием нормального, нормового существования в обществе. Общество пронизано всеобщей частичностью своего социального бытия. Т.е. социальная самоидентификация предполагает осознание как огромного разнообразия статусов и ролей, так и понимание «предначертанной» антиуниверсальности индивидуального соучастия в социальном взаимодействии

Иное дело – биосоциальные, телесные характеристики. Каждый человеческий индивид получают при рождении не просто телесность, а биосубстрат, изначально отражающий видовую морфологию тела, ролевое место в видовой технологии вос-

производства себе подобных, видовые особенности возраста и нормы или патологии здоровья. Независимо от его воли и желания индивид, как и любое животное, существует в кондициях и параметрах своей телесности. Но, в отличие от человека, животные вместе с биосубстратом получают ещё и врождённую программу использования обозначенных параметров, программу, абсорбированную беспощадным естественным отбором. Человеку приходится учиться правильно пользоваться своим телом, правильно включать его в производственные технологии своего вида [14, с. 258–287; 17, с. 87–115].

Всем системно подготовленным гуманитариям достопамятен фундаментальный тезис аналитического обществознания о том, что сущность человека – это совокупность всех общественных отношений. Смысл постулата предполагает, помимо традиционных истолкований, и осознания того, что Маркс совершенно не случайно обозначил в знаменитом тезисе положение о том, что эту сущность не нужно воспринимать как абстракт, присущий *отдельно* индивиду. Тезис явственно фиксирует действительное и объективное различие между общеродовой совокупностью *всех* общественных отношений и её индивидуальной сегментацией. Индивидуальный абстракт от родовой совокупности всей палитры социальных коммуникаций, конечно, объективно беднее.

Отдельный социальный индивид, в реальной жизни, не будет задействован в тотальном большинстве социумных взаимодействий. Кроме того, индивидная сущность отличается не только от общеродовой, но и от групповой. Но от групповой социальной сущности индивидная сущность отличается уже не количественно, а качественно. Конечно, все индивиды, включаясь в социальные коммуникации, участвуют в них как представители какой-либо группы. И это, собственно, цель и результат различных, стихийных или сознательных, социализаций. Однако ни одна социализация не даёт полного слияния индивидов и группы. Эту социальную ситуацию фиксируют многочисленные и достаточно изощрённые системы группового ранжирования по качеству адекватности признанного стандарта. В этом смысле врачи первой категории т.с. «врач» своих коллег второй категории. Очевидно, что от своей группы индивид отличается не количеством соци-

альных характеристик (в этом они как раз тождественны), а их качеством. Групповая сущность индивидуализирована различными уровнями т.с. насыщенности, порциями соответствия групповой идентичности [7, с. 34–45].

Кроме того, люди вступают в социальные отношения не всей совокупностью своих индивидуальных социальных потенциалов, а лишь частью. Субъекты социального взаимодействия потребляют друг в друге не совокупность качеств, а только те, которые обеспечивают сам предмет взаимодействия.

В социальном взаимодействии, как указывалось выше, человек участвует как представитель какой-либо группы. Учитель, повар, инженер, электротехник и другие социальные качества, во-первых, превращаются из индивидной потенции в социальную действительность в момент потребления, а во-вторых, каждая роль предполагает некую стандартную квалификацию, которую, собственно, и имеют в виду контрсубъекты социальной коммуникации. Заметим, не яркая индивидуальность, а типизированный групповой стандарт интересует контрсубъекта. Т.е. вызвав, например, обозначенного выше электротехника, мы предполагаем потребить его профессиональный навык, а не эксклюзивную комбинацию свойств. Т.е. именно реальные «отдельные индивиды» группы по-разному воплощают в себе стандарты групповой идентичности, по-разному воплощают укореившиеся в обществе социальные стереотипы восприятия тех или иных ролей.

Индивиды, и в производственной и в политической сферах, вынуждены обращаться к процедурам рефлексии и самоидентификации для «калибровки» собственной идентичности с групповой. В том числе, идентифицируя и свои естественные кондиции. При этом общество часто предлагает, через установки идеологизированных суррогатов, обнаружить в себе естественные, животные начала. Политическая рефлексия многих биофетишистских идеологий предлагает своим адептам «включить» животную идентификацию. У животных нет самоидентифицирующей рефлексии. А значит, нет рефлексии и эмоциональных переживаний по поводу собственных телесных параметров. Характеристики собственного тела не становятся осознаваемыми источниками и мотивами

поведения. Самцы, вступая в брачные игры, не утруждают себя анализом соответствия своей половой и возрастной зрелости. Само пробуждение полового инстинкта – этап неосознаваемого пути от рождения к смерти, этап реализации биопрограммы существования. А брачные турниры (один из символов естественно-го отбора) как раз и демонстрируют отсутствие тактической самоидентификации себя с набором физических характеристик, достаточных для победной конкуренции в репродукции.

Очевидно, конечно, что животные отличают себя от других. Накопленные в процессе эволюции инстинкты позволяют им мгновенно оценивать опасность или её отсутствие в телесности других животных.

Но охраняющие и сохраняющие вид инстинкты животных, как неосознаваемые программы поведения, формировались в процессе очень и очень длительного филогенеза. Так же, как и видовые навыки самовыделения себя в коммуникации. Так что длинный, простирающийся через поколения естественный отбор в реальной жизни избавляет животную особь от опасных, из-за длительности, аналитических процедур рефлексивной идентификации и самоидентификации [16, с. 116–135].

Осознание своей идентичности какому-то набору характеристик – это уже следующий, не животный этап эволюции. Представляется, что, в данном контексте теоретизирования, сам процесс антропогенеза – это история утраты животной технологии *инстинктивной адаптации* к вызовам внешнего мира. На каком-то этапе эволюции преимущество получили (чаще выживали) менее «закомплексованные» инстинктами особи. Эволюционный «заворот» на обучение в поведении появился ещё на этапе высших млекопитающих, по мере усложнения самого поведения. Волки и флажки, грызуны и разрушенные стенки амбаров и т.п. Примеров у этологов не счесть. Очевидно также, что вытеснение такого биологического механизма, как инстинкт, шло, как это ни удивительно, по традиционному биоэволюционному пути – через случайные мутации, закреплённые как более эффективные в адаптации к окружающему миру.

Обозначенное направление эволюции обрело предсоциальное качество у непосредственных предшественников че-

ловека. И именно на этом этапе саморазвития адаптации к природе *эволюция тела у данного вида трансформировалась в эволюцию навыков и технологий помощи этому телу*. Поэтому саморазвивающаяся орудийная деятельность предлагает индивиду повышение эффективности телесной деятельности «здесь и сейчас», а не через т.с. естественную выбраковку десятка поколений. Социальная эволюция предлагает особи не смерть, при неспособности тела адаптироваться к изменившимся условиям, а жизнь с изменившимися орудиями труда.

Но! Социальная эволюция, повышая шансы на выживание тела отдельного индивида рода, порождает и массу проблем коллективного бытия этого тела. В природе телесность индивида действительно источник его группового статуса. Качества животных только телесны. Они эмпирически очевидны для сообщества. Их тела универсальны для родовых технологий существования. И их бытие также универсально. Т.е. каждая особь умеет и делает то же, что и другие. Человеческое тело также потенциально универсально, но бытие его антиуниверсально. Его тело визуализировано для других, но «увидеть» в нём социальное качество – невозможно [5, с. 323–349].

Сам феномен биологического фетишизма, предполагающий, что социальные характеристики субъекта воспринимаются контрсубъектом как проявление его соматических статусов, порождён, на наш взгляд, обозначенными социальными феноменами. Очевидно, что существует проблема несоответствия, несоответствия между действительной качественностью, действительной квалификацией исполнителя социальной роли и стереотипом, закрепившемуся за этой ролью. Разнокачественность квалификаций представителей одной социальной группы (врачей, сантехников, скрипачей), существующая в обществе как объективная данность, порождает социальную иллюзию того, что эта разнокачественность обусловлена принадлежностью к другим, но уже биологическим, телесным группам. Это связано ещё и с тем, что нет на свете человека, существующего вне параметров этнорасовой морфологии, гендерной принадлежности, возрастного статуса и маркерных нормы или патологии здоровья. Эта ситуация – объективная данность, не завися-

щая от сознания субъекта, но неминуемо отражаемая им в субъективных формах этого сознания. В обозначенных т.с. «матричных» формах телесности могут быть десятки девиаций и сотни их сочетаний. Но! Сами эти фундаментальные формы бытия телесности неизбывны и значимы для любого вида социальных коммуникаций, для любой сферы жизнедеятельности общественного организма.

Почти каждая социальная роль «догружена» в своём социальном бытии телесным стереотипом восприятия. Телесный образ социальной роли – своеобразная аккумуляция как житейского опыта и бытового здравого смысла, так и рационального теоретизирования. Созидание, накопление и постижение значения различных стереотипов восприятия составляет значительную часть социального феномена социализации. Стереотипы восприятия – не умственная вольность субъекта социального действия, а технологическая необходимость взаимодействия с социальным и природным миром. Существование социальных стереотипов обусловлено не леностью субъектов, а принципиальной невозможностью непрерывной интеллектуальной обработки чудовищного массива количественных параметров внешней объективной реальности [11, с. 7–39; 9, с. 54–73].

Интересно то, что объективно, т.с. «технологически» большинство социальных ролей не востребуют определённую телесную идентичность. Для предмета социального взаимодействия незначимо – тучный или субтильный, скажем, продавец билетов в театре. Однако при том, что для большинства покупателей билета, параметры соматологии не включены в образ исполнителя этой профессиональной роли, эти параметры обязательно присутствуют в образе нормового контрсубъекта «нормального» для данного места и времени. В среднюю телесную норму социума в данное время и в данной точке земного шара всегда будут включены представления о нормовых маркерах расы, пола, возраста, здоровья, типичной внешности.

В большинстве случаев, отклонения от нормы телесности настораживают и становятся препятствием к вступлению в социальное взаимодействие. Как, например, в обозначенном примере с билетером. Конечно, если мы, в нашей стране, обнаружим за кассовым аппаратом ребёнка лет

десяти, – мы насторожимся. Наше эмоциональное равновесие будет нарушено. А если ребёнок окажется ярким негроидом в набедренной повязке, то вряд ли социальное взаимодействие начнётся. По крайней мере так же быстро и неэмоционально, как при средней нормовости параметров. При этом понятно, что ни один из перечисленных признаков не может быть принципиальным препятствием реализации самого предмета данной социальной коммуникации.

Обозначенные выше проблемы биосоциальной идентификации оказываются вполне прагматичными не только в бытовой сфере, как в приведённом примере, но и в любой другой. И особое место эта проблематика обретает в политологическом дискурсе. Именно в сфере политики биосоматический статус человека оказывается востребован и становится предметом социального взаимодействия [8, с. 82–88, 127–131; 10, с. 139–162].

-
1. Аронсон, Э. Общественное животное [Текст] / Э. Аронсон. СПб., 2006. 517 с.
 2. Браун, М. Расизм [Текст] / М. Браун, Р. Майлз. М., 2008. 240 с.
 3. Бутовская, М. Власть, пол и репродуктивный успех [Текст] / М. Бутовская. М., 2005. 64 с.
 4. Гарбузов, В. Инстинкты и судьба человека [Текст] / В. Гарбузов СПб., 2006. 480 с.
 5. Дескола, Филипп. По ту сторону природы и культуры [Текст] / Ф. Дескола. М. – Париж, 2007. 584 с.
 6. Ивик, О. История сексуальных запретов и предписаний [Текст] / О. Ивик. М., 2011. 59 с.
 7. Кули Чарльз Хортон. Человеческая природа и социальный порядок [Текст] / К.Ч. Хортон. М., 2000. 320 с.
 8. Лилликен, Дарен Дж. Политическая коммуникация [Текст] / Д.Д. Лилликен. Харьков, 2010. 300 с.
 9. Михайлов, В.В. Социальные ограничения [Текст] / В.В. Михайлов. М., 2008. 280 с.
 10. Неретина, С. Концепты политической культуры [Текст] / С. Неретина, А. Огурцов. М., 2011. 280 с.
 11. Речкин, И.С. Стереотипы и процессы стереотипизации в школьном образовании [Текст] / И.С. Речкин. Ростов н/Д, 2005. 279 с.
 12. Субботина, Н.Д. Социальная эволюция и поведение человека [Текст] / Н.Д. Субботина. М., 2014. 432 с.
 13. Тегалко, Л. Антропология [Текст] / Л. Тегалко, Е. Кметинский. М., 2008. 400 с.
 14. Триандис, Гарри К. Культура и социальное поведение [Текст] / Г.К. Триандис. М., 2014. 384 с.

15. Чеснов, Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание [Текст] / Я.В. Чеснов. М., 2007. 213 с.

16. Шеффер, Жан-Мари. Конец человеческой исключительности [Текст] / Ж.-М. Шеффер. М.– Париж, 2010. 392 с.

17. Шмерлина, И.А. Биологические грани социальности. [Текст] / И.А. Шмерлина. М., 2012. 195 с.

References

1. Aronson E. (2006) The Social animal. St. Petersburg, 517 p. [in Rus].

2. Malcolm Brown, Miles Robert (2008). Racism. Moscow, 240 p. [in Rus].

3. Butovskaya M. (2005) Power, gender, and reproductive success. Moscow, 64 p. [in Rus].

4. Garbuzov V. (2006) Instincts and the destiny of man. SPb, 480 p. [in Rus].

5. Descola Philip (2007). Beyond nature and culture. Moscow-Paris, 584 p. [in Rus].

6. Epic O. (2011) The History of sexual prohibitions and prescriptions. Moscow, 59 p. [in Rus].

7. Cooley Charles Horton (2000). Human nature and the social order. Moscow, 320 p. [in Rus].

8. Milliken Daren J. (2010) Political communication. Kharkov, 300 p. [in Rus].

9. Mikhailov V.V. (2008) Social constraints. Moscow, 280 p. [in Rus].

10. Neretina S., Ogurtsov A. (2011) Concepts of political culture. Moscow, 280 p. [in Rus].

11. Rechkin I.S. (2005) Stereotypes and stereotyping processes in school education. Rostov on Don, 279 p. [in Rus].

12. Subbotina N.D. (2014) Social evolution and behavior. Moscow, 432 p. [in Rus].

13. Tegako L., Kotinsky E. (2008) Anthropology. Moscow, 400 p. [in Rus].

14. Triandis Harry C. (2014) Culture and social behavior. Moscow, 384 p. [in Rus].

15. Chesnov Y.V. (2007) The human Body: philosophical-anthropological understanding. Moscow, 213 p. [in Rus].

16. Schaeffer, Jean-Marie (2010). The end of human exceptionalism. Moscow- Paris, 392 p. [in Rus].

17. Shmerlina I.A. (2012) Biological brink of sociality. Moscow, 195 p. [in Rus].

UDC 39

POLITICAL REFLECTION: CORRELATION BETWEEN SOMATIC AND SOCIAL IDENTIFICATION

Bezverbnyiy Aleksander Aleksandrovich,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management
(branch),
Cand. Sc. (Sociology), Candidate for a
Doctor's Degree,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Annotation

The article shows that any political reflection both in the form of presentation party ideology and in the form of individual variants of political self-identification cannot but include evaluation of significance of physical factor in the political sphere and peculiarities of its political existence.

Stereotypes of perceiving subjects of political activity are riddled with somatic directives reaching sometimes the level of biological fetishism.

Key concepts:

somatic identification,
biological fetishism,
political identification,
political stereotypes,
biopolitics.

УДК 32

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВИДА СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Старостин Алексей Александрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления (филиал), кандидат политических наук, докторант, г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье анализируются предпосылки и результаты формирования в постсоветской России национально-государственной идентичности определенного типа. Она пока не вышла на уровень идентичности «гражданской нации» и имеет композитные (составные) формы, сочетая в себе индикаторы государства и «малой родины». Значимыми выступают новые символы, ритуалы, праздники, воспитательная и информационно-пропагандистская работа. В итоге это позволит повысить уровень социальной рефлексии, содержащей позитивные установки и формирование идентичности системного типа.

Ключевые понятия:

идентичность,
ценности,
традиции,
гражданская нация,
«малая родина»,
этнос,
нация,
мы-идентичность.

Радикальные политические преобразования в нашей стране в постсоветский период, крупнейшими из которых стали распад Советского Союза и превращение России в суверенное государство, сопровождавшиеся сменой отношений собственности и разрушением политической системы, имели своим неизбежным следствием трансформацию национально-государственной идентичности, «изменения в своих основах традиционной российской и советской идентичности» [3, с. 143].

Необходимо отметить, что многими представителями науки, политической элиты и средств массовой информации формирование в нашей стране единой национально-гражданской общности воспринимается зачастую как недостижимый идеал, поскольку объективно существует множество факторов, препятствующих достижению такого состояния российского общества и государства, имеющих прежде всего центробежную направленность. К их числу можно отнести в первую очередь нарастание в некоторых регионах страны этнонационалистических настроений, популярность в различных кругах общества великодержавно-шовинистических концепций, а также усиление социально-экономического неравенства населения, ведущего к росту противоречий и отчуждению базовых социальных слоев. Что также является неотъемлемой частью современной российской реальности. В то же время в современном российском обществе постепенно набирают силу и тенденции с другой направленностью, связанные с усилением процессов гражданской интеграции полиэтнического российского общества, постепенным распространением практик употребления понятия «нация» не в традиционном этнокультурном смысле, а именно в значении государственной, гражданской нации, т.е. «политической нации». Данная тенденция, по мнению ряда авторов, находит отражение во все более частых употреблениях в речах российских политиков, средствах массовой информации, повседневном общении граждан таких определений как «российская нация», «граждане России», «мы как нация», «мы – народ России» [1, с. 11].

Идеальным состоянием российского общества и государства, в соответствии с представлениями ведущих отечественных государственных деятелей и, в особенности, Президента Российской Федерации В.В. Путина, является формирование России как уникальной цивилизации, которая соединяет в себя элементы европейской и азиатской культур, а также основывается на мирном

содружестве представителей множества национальностей и религий (в идеале ни одна из них не должна ущемляться и вводиться в стандартизированные культурные и цивилизационные рамки), понимании российского народа как исторического целого и гражданской нации. В настоящее время именно такая формула оптимальна и является «единственно возможной для России», она позитивно воспринимается многочисленными политиками и ведущими учеными страны и, что самое главное, соответствует накопленному мировым сообществом историческому опыту функционирования значительных по территории и сложным по этническому составу населения государств [1, с. 12].

Вместе с тем, очевидно, что реальное состояние современного российского общества и государства, а также представления о них, характерные для различных групп населения страны, могут существенно отличаться от обозначенного идеала, который по методам своего конструирования может быть назван «аскрептивной идентичностью» – предписанной и приписанной властью или частью гражданского общества всему обществу (от ascription – приписывание). Определение основных факторов трансформации российской национально-государственной идентичности необходимо, на наш взгляд, производить не только в русле собственного социального развития, но и в контексте анализа общемировых тенденций развития идентичности, рассмотрения специфики национально-государственной идентичности в современном обществе в условиях глобализации. Применительно к современному обществу принято говорить о распаде традиционной модели идентичности и формировании принципиально других идентификаций, отражающих специфику общественных реалий в условиях глобализационных процессов. Современное общество, с точки зрения видного западного теоретика Зигмунта Баумана, является обществом индивидуализированным, что проявляется, в частности, в разрыве бывших прежде устойчивыми коллективных связей, замкнутости человека на самом себе, безразличии к другому человеку, ослаблении межличностных отношений. Как подчеркивает З. Бауман, мы должны «исходить из абсолютно индивидуализированного мира» [11, с. 361].

Насколько рассматриваемая современная модель идентичности, описанная З. Бауманом, характерна для российского общества? Данные социологических исследований, посвященных анализу формирования российской национально-государственной

идентичности, отчасти подтверждают тезисы З. Баумана: результаты опросов, в частности, показывают, что самоидентификация с макрообщностью в постсоветской России распространена гораздо меньше, чем в предшествующий исторический период [8, с. 157]. В сознании современных российских граждан также имеется определенное противоречие: так, несмотря на то, что около половины респондентов при выборе трех основных характеристик для самопредставления за рубежом выделили такую характеристику как «гражданин Российской Федерации», устойчивая внутренняя самоидентификация с россиянами характерна менее чем для трети опрошенных, значительно уступая самоотождествлению с семьей и друзьями. В то же время эмпирические данные, характеризующие современную российскую идентичность, опровергают некоторые положения, сформулированные в работах З. Баумана. В частности, результаты социологических опросов свидетельствуют об активном поиске россиянами (это особенно характерно для относительно благополучных в материальном плане и образованных российских граждан) новых макроидентичностей, предпринимаемых ими попытках «вписать себя во все более густую сетку социальных ролей». К сожалению, идентичность с россиянами нельзя отнести, как уже указывалось выше, к числу устойчивых «MbI-самоидентичностей» населения страны [9, с. 135–136].

События последних двух лет, характерные обострением конфронтации между Россией и Западом, вызвали значительный позитивный сдвиг в сторону ценностей патриотизма, как одного из «узлов» российской идентичности. Однако этот сдвиг более заметен для групп людей старше 30 лет. Доля молодых людей, позиционирующихся как «непатриоты» (33 %) почти вдвое превышает аналогичную долю среди людей старше 30 лет (17–18 %) [7, с. 425].

В то же время, оценка исторических периодов России, где было «больше всего согласия и доверия между людьми» показала однозначный приоритет времени СССР против современной России (молодежь до 30 лет 53% против 12 %, старшие возрастные группы 73–81 % против 5–2%) [7, с. 421].

В настоящее время почти половина россиян не чувствует себя гражданами России. Причем одновременно с этим, исследователями отмечается большая роль абстрактных, символических общностей в жизни российских граждан. Так, респонденты, отождествляя себя с такими реальными предметными общностями, как семья и дру-

зья, одновременно идентифицируют себя с людьми, имеющими такие же взгляды на жизнь, а также с представителями определенного поколения или той же профессии (подобные абстрактные, символические общности являются очень важными для современных россиян и имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость). Интересно, что в отличие от других самоидентификаций самоидентификация с гражданами России имеет тенденцию к падению: данное обстоятельство, как считает Н.Е. Тихонова, заставляет скептически относиться к возможности формирования в нашей стране в ближайшее время так называемой гражданской нации [10].

В отличие от доминирующих идентичностей (с семьей и друзьями), а также ведущих макроидентичностей негражданского характера (с представителями одного поколения или профессии, индивидами, имеющими схожие взгляды на жизнь, а также людьми одной и той же национальности), популярность которых за последние полтора десятилетия практически не изменилась, доля респондентов, которые никогда не идентифицировали себя с россиянами, напротив существенно возросла: с 6% до 22% (наряду с этим, произошло сокращение популярности других общностей, имеющих то или иное отношение к гражданским, территориальным и политическим сообществам) [8, с. 139].

Как показывают результаты многочисленных социологических исследований [2, с. 11], современные россияне испытывают так называемое «чувство общности» практически лишь на «микроуровне», в то время как ощущение «общей судьбы», единой страны, нации, общества как такового присутствует в сознании населения российского общества в гораздо меньшей степени. Отчасти этим и объясняется то обстоятельство, что подобное атомизированное общество оказалось в течение последних лет не готовым ни к активной политической деятельности, ни к защите своих интересов, ни к эффективному социальному протесту, ни к выдвиганию новых общенациональных лидеров. Постсоветский период был отмечен процессами индивидуализации жизни россиян, которые проявились как в резком снижении самоидентификации граждан со своей работой и с территориальными образованиями, так и в ослаблении чувства общности со всеми россиянами (косвенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что российские эмигранты, оказавшиеся за пре-

делами своего государственного образования – в ближнем или дальнем зарубежье, не характеризуются сколько-нибудь ярко выраженной склонностью к проявлению культурной или этнической солидарности, характерной для других диаспор).

При этом, с другой стороны отмечается и новая «консервативная» волна, пробивающая себе дорогу снизу, с уровня самоорганизации общества на первичном, атомарном уровне: в ряде регионов (особенно это характерно для некоторых национально-территориальных образований, отдельных крупных городов и областей) в настоящее время начинается консолидация общества на основе этой «консервативной» волны, которая порождает новую когорту легитимных лидеров и структур власти. Современные россияне в большей степени доверяют органам власти в регионе, нежели центральным органам власти (помимо президента В.В. Путина, который в этом ряду стоит особняком). В ряде регионов доверие к своим лидерам достигает 70–80%, в то время как ни в одной из социально-демографических групп активное доверие к правительству, представительным органам власти не превышает 25% [6]. В данном контексте следует акцентировать внимание на том, что российское общество в целом, о чем непротиворечиво свидетельствуют результаты ряда социологических исследований, пока проявляет тенденцию к консолидации лишь на уровне «фасадного» пласта ценностей. Отсюда проистекает и слабость национально-государственной идентичности, которая, будучи сопряженной с институциональным кризисом, создает постоянную угрозу распада общества и государства. Выше мы уже отмечали то, что для распавшегося Советского Союза «чувство принадлежности к большому сообществу» было значительно более сильным, нежели для современной России. Здесь важно и то, что за советским государством стояла историческая традиция Российской империи, активно актуализировавшаяся в послевоенный период существования советской власти, а значительная часть современных российских граждан, проживших значительную часть своей жизни в СССР, до сих пор испытывают «чувство гордости» за принадлежность к этому «великому государству», в то время как в отношении нынешней России это чувство испытывает меньшее число современных россиян.

В российском обществе, как показывают полученные социологами эмпирические данные, не наблюдается роста общероссий-

ской идентичности, а формируется скорее «анклавный» тип сознания, характеризующийся восприятием населения страны своего региона как некоего «центра притяжения». При этом отношение к Москве и федеральным органам государственной власти, размещенным преимущественно в столице, становится скорее ревниво-недоброжелательным. Несмотря на то, что результаты тех же социологических исследований свидетельствуют о том, что сама идея «распада России» встречается с открытым «одобрением» сравнительно небольшой частью населения страны (8,4%), в то же время в таких приграничных субъектах Российской Федерации, как Приморский край и Калининградская область, эта цифра, имея все последние годы тенденции к росту, уже достигает почти 30 %. Не может не вызывать тревоги и то обстоятельство, что лишь чуть более четверти респондентов-россиян (28,6%) готовы «открыто протестовать против выхода своего региона из состава России»: такое соотношение «за» и «против» фактически открывает перед региональными властями перспективы самим решать данный вопрос в зависимости от складывающейся конъюнктуры [4].

Мониторинг общественного мнения, осуществленный ВЦИОМ, показывает, что в ассоциативном ряду, связанном с понятием своей страны и народа, на первой позиции находится так называемая «малая родина», тогда как «государство» отмечается почти вдвое реже. Данное обстоятельство не является случайностью, а выглядит скорее закономерностью, поскольку уже давно доказано, что в переходные или кризисные периоды развития общества на первый план для каждого отдельного индивида выходят его семья и ближний круг людей, призванные обеспечить данному индивиду защиту от всевозможных жизненных неурядиц, «сосредоточивая в себе всю полноту и многогранность его идентичности». Что же касается государства со всеми его атрибутами, то оно в данной ситуации, напротив, перемещается на периферию идентификационной матрицы. В свою очередь такие связанные с государством представления, как патриотический долг могут рассматриваться не в контексте каких-то обязанностей перед государством, т.е. как долг перед страной, а скорее как долг перед собственной семьей и близкими людьми (это подтверждается и эмпирическими данными, в соответствии с которыми именно поддержка собственной семьи, а также родных и близких в настоящее время

рассматривается российскими гражданами как их главный долг перед Родиной) [4].

Значимым компонентом национально-государственной идентичности являются ее символические основания: общепризнанным в настоящее время является то обстоятельство, что успешность профессиональной деятельности государственных управленцев зависела в прошлом и продолжает зависеть в настоящем от того, насколько удачно сформулированы те концепты, мифы и метафоры, которые отражают символический смысл данного государства, а также от того, насколько глубоко и полно эти концепты воспринимаются гражданами. Так называемые политические символы служат самопрезентации идеологических и ценностных установок политических лидеров; роль таких символических форм могут играть исторические термины, церемонии, знаки различия и формальности: данные формы могут быть как унаследованы, так и изобретены, однако самым главным здесь является то, что они должны быть доступны пониманию большинства населения данного общества и приниматься этим большинством в качестве официальных символов. В построении символического базиса постсоветской России можно наблюдать определенную преемственность, поскольку ряд значимых современных политических символов восходят частично к советскому периоду отечественной истории, а частично – к дореволюционной, имперской эпохе.

Особенно это касается так называемой государственной символики, к которой относятся прежде всего государственные герб, флаг и гимн. Рассматриваемая линия на преемственность символических оснований российской национально-государственной идентичности выражена, к примеру, в Государственном гербе, в пояснении к описанию которого сказано, что «сегодняшний герб России – это новый герб, но его составные части глубоко традиционны; он и отражает разные этапы отечественной истории, и продолжает их в преддверии третьего тысячелетия... Восстановление двуглавого орла как Государственного герба России олицетворяет неразрывность и преемственность отечественной истории». В целом в рамках российской государственной символики можно наблюдать эксплуатацию так называемой патриотической компоненты, а также военного героизма и великого прошлого России, что также, наряду с гербом, характерно для гимна, повторяющего мелодию Гимна Советского Союза, и флага (бело-сине-красный триколор), ко-

торый был учрежден при Петре I как флаг торгового флота и легитимирован в ходе августовских событий 1991 г. Отметим, что рассматриваемая символика была не сразу положительно воспринята россиянами, однако в настоящее время государственные символы стали и узнаваемыми, и признаваемыми со стороны большинства граждан.

Наряду с государственными символами важное значение для конструирования национально-государственной идентичности также имеют государственные праздники. И если в случае с государственными гербом, флагом и гимном наблюдается явная положительная динамика в том, что касается их узнавания и восприятия, то в случае с государственными праздниками ситуация выглядит более противоречивой. Дело в том, что представители новой постсоветской элиты первоначально решили здесь практически полностью отказаться от советских традиций, отменив советские праздники, награды, часть памятников деятелям советской эпохи, а также другую атрибутику, которая так или иначе напоминала о советском прошлом. Появился новый праздник, названный Днем согласия и примирения, который фактически заменил День Октябрьской революции, советский праздник 1 Мая (День международной солидарности трудящихся) стал отмечаться как День весны и труда, официальный статус был возвращен православному празднику Рождества.

В то же время ошибкой нового российского руководства являлось то, что, «переименовав» старые праздники и учредив новые, оно не позаботилось о том, чтобы снабдить их подходящей и понятной для обычного среднестатистического гражданина легендой. В результате абсолютное большинство россиян (77%) не знают, к примеру, по какой причине основной государственный праздник, День России, отмечается в нашей стране именно 12 июня, а не в какой-нибудь другой день. Помимо этого, почти половина респондентов (49%), как показывают данные ВЦИОМ, вообще не знают названия этого праздника и путают его с Днем Конституции, Днем города, Днем единства и со старым названием праздника – День независимости России.

Только один праздник, унаследованный с советских времен, День Победы, воспринимается большинством населения современного российского общества и как личное, и как государственное торжество, однако данный праздник, как справедливо отмечает А.Г. Санина, имеет для россиян не только и не столько символическое, сколько когнитивно-эмоциональное значение [6, с. 62].

Необходимо отметить, что в современные российские политические элиты, в отличие от представителей правящей элиты 1990-х годов, проявляют явное стремление возродить некоторые атрибуты советского прошлого, например звание Героя труда и т.д., что воспринимается большинством населения вполне положительно.

Восприятие государственной символики и другой атрибутики является, безусловно, важным компонентом национально-государственной идентичности населения страны, однако оно не исчерпывает полностью ее содержание. Важнейшей составляющей национально-государственной идентичности, ее ценностно-эмоционального компонента, является чувство гордости или стыда, вызванное национально-государственным сообществом и самим фактом принадлежности к нему, проявленным к нему отношением, принятием данного факта как значимого в жизни человека. Речь здесь идет о таком часто употребляемом понятии как «патриотизм», являющимся базовым идентифицирующим механизмом и отражающим чувство приверженности определенному национально-государственному сообществу, признание его значимой ценностью.

Не вызывает сомнений то, что отождествление с определенным государством как формой или основой политико-территориального, а также гражданско-политического оформления нации, т.е. то, что мы называем национально-государственной идентичностью, не может сформироваться без понимания гражданами исторической общности территории национального государства, его законов и общенациональных политических институтов в комплексе с высоким уровнем доверия данным институтам, позитивным к ним отношением, общности гражданства, а также желания и согласия быть частью этого государства, наличия коллективного самосознания граждан как членов национально-государственного сообщества.

1. Горшков, М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры [Текст] / М.К. Горшков // Власть. 2013. № 1. 192 с.

2. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа [Текст] / Экспертный доклад. Пятигорск, 2014. 101 с.

3. Перегудов, С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства [Текст] / С.П. Перегудов // Политические исследования. 2011. № 3. 192 с.

4. Пресс-выпуск Левада-Центра от 16.03.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2010031602.html>. 7 с. (дата обращения: 29.10.2015).

5. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень [Текст] / Информационно-аналитические материалы «круглого стола» с международным участием. Ростов н/Д, 2015. 272 с.

6. Санина, А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход [Текст] / А.Г. Санина // Социологические исследования. 2012. № 12. 154 с.

7. Семенов, В.Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности. Историзм и современное состояние российского менталитета [Текст] / В.Е. Семенов. М., 2015. 492 с.

8. Старостин, А.А. Национально-государственная идентичность как системообразующий механизм сильного государства в контексте современных российских реалий: Монография [Текст] / А.А. Старостин. Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2013. 272 с.

9. Старостин, А.А. Трансформация политической идентичности населения современной России: Монография [Текст] / А.А. Старостин. Ростов н/Д., 2010. 132 с.

10. Тихонова, Н.Е. Становление новой российской идентичности: опыт эмпирического анализа. Идентичность как предмет политического анализа [Текст] / Н.Е. Тихонова. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / отв. редактор И.С. Семененко. М., 2011. 299 с.

11. Bauman, Z. *Unbehagen in der Postmoderne* [Текст] / Z. Bauman. Hamburg. 1999. 39 с.

References

1. Gorshkov M.K. (2013) *Power*, no. 1, 192 p. [in Rus].

2. Youth in multi-ethnic regions of the North Caucasus Federal district [Text] / Expert report. Pyatigorsk, 2014, 101 p. [in Rus].

3. Peregodov S.P. (2011) *Political studies*, no. 3, 192 p. [in Rus].

4. Press release of Levada Center from 16.03.2010, available at: <http://www.levada.ru/press/2010031602.html>. 7 p. (accessed 29.10.2015) [in Rus].

5. Problems of national security: regional level / Information and analytical materials of the Round table with international participation. Rostov n/D, 2015 272 p. [in Rus].

6. Sanina A.G. (2012) *Sociological research*, no. 12, 154 p. [in Rus].

7. Semenov V.E. (2015) *Modern Russia in the context of the Russian multi-mentality concept. Historicism and modern state of Russian mentality*. Moscow, 492 p. [in Rus].

8. Starostin A.A. (2013) *National-state identity, as a core mechanism of a strong state in the context of contemporary Russian realities*. Rostov on Don, don publishing house, 272 p. [in Rus].

9. Starostin A.A. (2010) *Transformation of political identity of the population of contemporary Russia*. Rostov on Don, 132 p. [in Rus].

10. Tikhonov N.E. (2011) *The establishment of the new Russian identity: the case of empirical analysis. Identity as a matter of political analysis. A collection of articles on the results of the all-Russian scientific-theoretical conference (IMEMO, 21–22 October 2010)*. Moscow, 299 p. [in Rus].

11. Bauman Z. (1999) *Unbehagen in der Postmoderne*. Hamburg, 39 p. [in Eng].

UDC 32

THE MAIN VECTORS OF DEVELOPING NATIONAL IDENTITY AS A KIND OF SOCIAL AND POLITICAL REFLECTION

Starostin Alexey Aleksandrovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management (branch),

Cand. Sc. (Politicalology), Candidate for a Doctor's Degree,

Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Annotation

The article analyzes the background and the results of forming national identity of a certain type in post-Soviet Russia. It has not come to the level a civil nation identity and has composite forms combining indicators of a state and a "small motherland". New symbols, rituals, holidays, educational and outreach efforts are essential. As a result it will help raise the level of social reflection containing positive directives and formation of identity of a systemic type.

Key concepts:

identity,
values,
traditions,
civil nation,
small motherland,
ethnic group,
nation,
we-identity.

УДК 330.88

ВЛАСТЬ ИНСТИТУТОВ: ДОВЕРИЕ, КОНТРОЛЬ И НЕФОРМАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАКТИКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Ляско Александр Кимович,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
профессор кафедры менеджмента
Института бизнеса и делового
администрирования,
доктор экономических наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: alexlascaux@yahoo.com

Аннотация

Статья посвящена анализу принципов взаимодействия отношений доверия и норм социального контроля в практике деятельности экономических агентов. Приводится классификация основных типов взаимоотношений (замещение, дополнение, диалектическое единство). Отдельно рассматриваются особенности диалектического подхода к соединению отношений доверия и социального контроля в практике экономических обменов. Сделаны выводы относительно возможных направлений осуществления власти экономических агентов во внутриорганизационных и межфирменных взаимодействиях.

Ключевые понятия:
экономические обмены,
институты,
власть,
отношения доверия,
нормы социального контроля.

Социально-экономические взаимодействия не могут осуществляться в отсутствие координации между их участниками. Важнейшими институтами, обеспечивающими координацию такого рода, являются отношения доверия и нормы контроля. Исследователи уделяют немало внимания как доверительным отношениям (например, [1], [4], [5]), так и проявлениям социального контроля ([2], [3]) в процессах взаимодействия между индивидами и организациями. Однако, экономическая литература практически не интересуется механизмами одновременного воздействия институтов доверия и контроля. Между тем различные аспекты взаимосвязи между отношениями доверия и нормами контроля активно освещаются в литературе, посвященной внутри-организационным и межорганизационным структурам и процессам (в частности, [6], [7], [8], [10], [11], [15], [18], [22]), возможно, в силу исключительной важности, которая придается решению координационных проблем в процессе выработки эффективной практики управления в организациях. Результаты этих исследований могут быть полезны для углубленного понимания взаимосвязей, возникающих между доверием и контролем в более широкой практике экономических обменов. Вообще говоря, исследования дуализма доверия/контроля в организационном контексте распадаются на три большие группы, которые, соответственно, подчеркивают отношения взаимной заменяемости, дополнительной и диалектического единства между нормами доверия и контроля.

Первый подход предполагает обратную зависимость между отношениями доверия и контроля: низкие уровни доверия в организациях требуют более жестких контролирующих механизмов, в то время как среда, характеризующаяся повышенным уровнем доверия, позволяет ослабить степень формального контроля за происходящими процессами и событиями [8]. Представление о доверии и контроле как прямых субститутах, по всей вероятности, является логическим продолжением экономической теории взаимоотношений между принципалом и агентом, в которой риск оппортунистического поведения среди агентов минимизируется посредством совмещения стимулов, которое достигается благодаря применению различных координирующих механизмов. Доверие и контроль, таким

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 15-06-09280 «Теоретико-игровое моделирование финансовых взаимодействий в неформальном секторе экономики».

образом, могут рассматриваться как два взаимно противоположных способа синхронизации деятельности экономических агентов. Если один из партнеров по контрактному взаимодействию полагается на отношения доверия в процессе предсказания или регулирования действий его или ее коллеги по обмену, необходимость в формальных ограничениях на поведение второй стороны уменьшится. Симметричным образом, формальные предписания и меры контроля, которые навязаны партнеру по сделке, блокируют возможности по использованию доверия в качестве механизма, координирующего взаимные ожидания сторон в контрактных обменах. Внедрение контролирующих структур в практику обмена означает, что взаимное доверие прекращает свое существование или с самого начала отсутствовало в данном экономическом взаимодействии.

Концепция замещения активно исследуется в литературе по организации и менеджменту. Например, в контексте формирования и последующего развития совместных предприятий Инкпен и Карралл [15] предположили, что более интенсивное использование методов формального контроля влечет за собой более медленное развитие доверительных отношений между участниками совместного предприятия. Схожим образом, Гулати [13] нашел эмпирическую поддержку утверждению о том, что фирмы с меньшей вероятностью используют отношения собственности в качестве механизма структурного контроля в повторяющихся взаимодействиях в рамках стратегических альянсов, поскольку межфирменное доверие, проистекающее из их предшествующих взаимодействий, сокращает необходимость в этом виде контроля. Было также показано, что наблюдение за действиями сторон негативно соотносится с уровнем доверия между индивидами, которые обеспечивают связующий механизм, действующий через организационные границы [9].

Вторая перспектива в области исследования взаимоотношений между доверием и контролем связана с идеей дополнительной, заложенной в природе этих двух координирующих механизмов. В рамках этой линии рассуждений доверие и контроль рассматриваются как взаимно усиливающие друг друга нормы, которые могут вносить совместный вклад в углубление кооперации внутри организаций и между ними [7]. Взятый по отдельности, каждый из этих институтов проявляет неизбежные

ограничения в способности защищать результаты организационных взаимодействий. Поэтому часто бывает необходимым обеспечить комбинирование доверия и власти, чтобы убедиться, что желаемый уровень координации взаимных ожиданий в организационной деятельности успешно достигнут [6]. В зависимости от ранее существовавших структурных условий, доверие и контроль образуют различные комбинации, которые создают фундамент для организационного управления и оказывают влияние на различные последующие фазы социальных взаимодействий [20].

Значительное количество эмпирических исследований оказывает поддержку данной точке зрения. Например, Поппо и Зенгер [19] обнаружили, что формальные контракты и долгосрочные обменные соглашения, усиленные отношениями доверия, действуют как взаимодополняющие институты, а их взаимозависимость ведет к улучшению результатов экономических обменов. Фрикселл, Дули и Вриза [12] нашли положительную зависимость между нормами социального контроля и результатами деятельности совместного предприятия, когда между партнерами по предприятию наблюдался высокий уровень аффективного (эмоционального) доверия. На более общем уровне было показано, что организационный контроль должен дополняться отношениями доверия, поскольку без определенного уровня доверия агентам будет трудно принять как должное меры контроля, инициированные их принципами [8].

Являются ли отношения доверия институциональными нормами, замещающими или дополняющими нормы контроля, в основном зависит от контекста разворачивающихся организационных процессов и типа контролирующих действий. Исследуя условные перспективы применения норм контроля, Дас и Тенг [10] предположили, что установление формальных механизмов контроля может подрывать доверительные отношения между партнерами, в то время как использование мер социального контроля способно укреплять взаимное доверие. Этот дифференцированный эффект достигается в силу того, что формальный контроль отрицает автономию участников обменных взаимодействий в принятии важных решений и требует четкого соблюдения предварительно установленных правил и целей, в противоположность социальному контролю, который мягко влияет на поведение

агентов, порождая общие для них нормы, ценности и предпочтения [11].

Используя схожую точку зрения, Магуйр, Филлипс Харди [17] показывают, что различные формы доверия ассоциируются с различными механизмами контроля. Они вводят особую связь между доверием, базирующимся на идентификации участников обменных взаимодействий с интересами своих партнеров, и нормативным контролем. Исследуя специфический контекст обменных взаимодействий, Ситкин и Джордж [21] обнаружили, что при высоких уровнях воспринимаемой угрозы доверительным отношениям, сотрудники организаций, вырабатывающие решения, как правило, сильнее полагаются на методы формального контроля и уменьшают практику использования неформальных контролирующих механизмов. Вольтхус, Хиллебранд и Нотеboom [24] утверждают, что дополнительность и взаимное усиление доверия и формального контроля в организациях становится возможным, когда экономические контракты не интерпретируются сторонами в качестве жесткого правового механизма защиты их интересов. Влаар, Ван ден Босх и Вольберда [23] установили, что степень взаимного доверия и недоверия, достигнутая на начальных этапах сотрудничества между организациями, серьезно влияет на дальнейшее развитие мер организационного контроля. Они также предположили, что возрастающие уровни доверия укрепляют способность менеджеров компаний внедрять формальные способы координации и контроля в отношениях взаимного сотрудничества.

Наконец, третье направление исследований по проблемам доверия и контроля в организационном окружении подчеркивает диалектическое и неразделимое единство между этими двумя понятиями. Как подчеркивает в этой связи Меллеринг [18, р. 284], признание дуализма доверия и контроля «влечет за собой тот факт, что доверие и контроль подразумевают существование друг друга, соотносятся между собой и создают друг друга, но при этом остаются несводимыми друг к другу». Такая концептуализация предполагает перспективу постепенного развития взаимосвязей между доверием и контролем, в рамках которого оба координирующих механизма рассматриваются в качестве интерактивных процессов, находящихся в постоянном поиске динамического равновесия [16].

Хюмер, Бостром и Фельзенштейн [14] предположили, что совместное присут-

ствие доверия и контроля может принимать различные формы, в зависимости от подразумеваемых целей организации и легитимности контролируемых процедур. Например, атмосфера доверия может помочь осуществлению направляющих и поддерживающих функций контроля, которые, в свою очередь, с высокой вероятностью могут помочь развитию доверительных отношений. Сходным образом, Зюдов и Винделер [22] указывают на то, что комплексные взаимодействия между нормами доверия и контроля могут приводить к возникновению доверия, базирующегося на формах контроля, и контроля, обусловленного доверительными отношениями в практике организационных взаимоотношений.

Концепция диалектических отношений единства между нормами контроля и отношениями доверия заслуживает в контексте данной работы более подробного рассмотрения. Так, Бахманн [6] отмечает, что в практике социальных исследований необходимо выработать более глубокое понимание отношений доверия и власти как проявлений механизма социального контроля в организационных и экономических взаимоотношениях. При этом власть трактуется как сходный с доверием механизм координации и контроля отношений между организациями, который может сопоставляться с отношениями доверия с точки зрения социальных функций, исполняемых при помощи обоих механизмов.

Как считает автор, качество отношений между организациями постепенно улучшается в ходе диалектического процесса, который включает в себя образование специфических форм доверия и власти. В связи с этим исследователи могут вырабатывать понимание того, как институциональные соглашения (например, специфические типы контрактов, нормы коммерческого права или деятельность межфирменных ассоциаций) определяют качество организационных взаимодействий. Стабильные институты уменьшают риск оппортунизма со стороны участников экономических или организационных обменов, поскольку организуют общее пространство, в котором все стороны взаимодействий прибегают к одним и тем же образцам поведения и следуют одной и той же структуре норм и стандартов. Таким образом, из приведенного Бахманном анализа можно сделать вывод о том, что институциональный контроль доверительных отношений может побуждать экономических агентов к определен-

ным действиям, формировать их ожидания и сужать различия в их поведении.

В рамках диалектического подхода к исследованию взаимодействия между институтами доверия и власти доверительные отношения могут рассматриваться как эффективный способ координации взаимосвязей между организациями. Но эти отношения также обладают и серьезными негативными сторонами, что ставит вопрос об источнике альтернативных механизмов координации, замещающих доверие. Риск, ассоциируемый с решением индивида полагаться на доверительные отношения в структуре экономических обменов, может, при определенных обстоятельствах, переходить допустимый порог, так что индивиды больше не смогут полагаться на надежность и предсказуемость поведения другой стороны контракта. В этом случае доверительные отношения вряд ли смогут установиться между участниками социальных или организационных взаимодействий.

Однако это не единственная проблема, характеризующая отношения доверия. Даже если доверие успешно установлено во взаимоотношениях сторон, оно остается достаточно хрупким механизмом координации. Независимо от объема рациональных доводов, лежащих в основе решения о проявлении доверия, неизбежное свойство доверительных отношений заключается в том, что они могут оказаться ошибочно сформированными. Риск неожиданного разрушения доверия никогда не может быть исключен из рассмотрения. Если доверие между сторонами перестает существовать, следует ожидать серьезных последствий для всей системы организации экономических обменов. Фирмы, вовлеченные в партнерские отношения, например, могут обнаружить, что их основные поставщики, потребители или участники горизонтальных взаимодействий в рамках стратегических альянсов начинают скрывать от них важную информацию или преследовать свои интересы с использованием иных форм нечестного поведения. Это ставит под угрозу продолжение осуществления их общих проектов.

Разумеется, доверие не является единственным механизмом снижения сложности и неопределенности в отношениях между экономическими агентами. Другим способом координации ожиданий и контроля динамики социальных взаимодействий является институт власти. Во многих отношениях (хотя и не во всех) власть служит столь же эффективным координирующим

механизмом, что и доверие. В то же время данный институт более устойчив, а риск неверной оценки ситуации или непредвиденного разрушения сложившихся отношений обычно не приводит к драматическим последствиям, характерным для отношений доверия.

По мнению Бахманна, оба механизма, доверия и власти, в основном, действуют на базе одних и тех же принципов. Оба института позволяют экономическим агентам согласовать свои взаимные ожидания и скоординировать на этой основе свои действия и реакции. Однако существует также и тонкое различие между доверием и властью в отношении того, как формируются ожидания индивидуальных агентов. В то время как в случае доверительных отношений индивид, собирающийся продемонстрировать доверие, выбирает возможность того, что его контрагент поведет себя в соответствии с доверительными ожиданиями, агент, обладающий властью, исходит из того, что зависимому от него партнеру предложено следовать определенному образцу поведения и избегать нежелательных действий.

Другими словами, агент, обладающий властью, не просто строит предположения, что подчиненный ему индивид будет действовать в соответствии с предписанными нормами. Он также конструирует негативную возможность, касающуюся поведения зависимого партнера, и соединяет эту возможность с угрозой санкций. В этом смысле можно сказать, что доверие действует на основе позитивных предположений по поводу желания и возможности партнера по организации сотрудничества. Напротив, власть, по своему определению, основывается на подчеркивании негативной возможности, касающейся действий и реакций партнера. Индивид, обладающий властью, представляет эту возможность своему подчиненному как вариант действий, который не отвечает их общим интересам.

Таким образом, институт власти оказывается сходным с институтом доверия в том, что он может считаться альтернативным механизмом для эффективной координации социальных взаимодействий, который позволяет развивать относительно стабильные отношения между экономическими агентами, вовлеченными в процессы сотрудничества. Власть может быть представлена как серьезная альтернатива отношениям доверия, но при этом возможности использования властного механизма существенным образом зависят от реалистич-

тичности подразумеваемой угрозы санкций. Если подчиненный агент не признает данную угрозу, эффективность применения власти как механизма экономической координации резко падает

Из сказанного можно заключить, что большинство экономических отношений базируется на сочетании доверия и власти. Поскольку оба представленных механизма ограничены в своей способности контролировать структуру и динамику взаимоотношений между агентами, комбинирование обоих институтов представляется единственной возможностью обеспечить достижение удивительного результата в ходе совместных действий экономических агентов.

1. Богданова, Л. С. Доверие как социальный фактор развития партнерских отношений между организациями [Текст] / Л.С. Богданова. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата социологических наук. М.: Издательство Московского государственного университета, 2006. 24 с.

2. Кузнецова, Е.М. Социальный контроль как элемент социального управления [Текст] / Е.М. Кузнецова. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук. Омск: Издательство Омского государственного технического университета, 2006. 17 с.

3. Мангушева, Т.С. Социальный контроль организации в условиях демократизации управленческих отношений [Текст] / Т.С. Мангушева. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата социологических наук. Саратов: Издательство Саратовского государственного социально-экономического института, 2006. 23 с.

4. Рындина, И.В. Институт экономического доверия в системе рынка финансовых услуг [Текст] / И.В. Рындина. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата экономических наук. Краснодар: Издательство Кубанского государственного университета, 2008. 22 с.

5. Столяр, В.Ю. Доверие как феномен социально-экономической реальности [Текст] / В.Ю. Столяр. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2008. 21 с.

6. Bachmann, R. Trust, Power and Control in Trans-Organizational Relations [Text] / R. Bachmann // Organization Studies. 2001. Vol. 22(2). P. 337–365.

7. Bijlsma-Frankema, K. Understanding the Trust-Control Nexus [Text] / K. Bijlsma-Frankema, A.C. Costa // International Sociology. 2005. Vol. 20(3). P. 259–282.

8. Costa, A.C. Trust and Control Interrelations: New Perspectives on the Trust-Control Nexus [Text] / A.C. Costa, K. Bijlsma-Frankema // Group and Organization Management. 2007. Vol. 32(4). P. 392–406.

9. Currall, S.C. Measuring Trust between Organizational Boundary Role Persons [Text] / S.C. Currall, T.A. Judge // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1995. Vol. 64(2). P. 151–170.

10. Das, T.K., Teng B.-S. Between Trust and Control: Developing Confidence in Partner Cooperation in Alliances [Text] / T.K. Das, B.-S. Teng // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23(3). P. 491–512.

11. Das, T.K. Trust, Control, and Risk in Strategic Alliances: An Integrated Framework [Text] / T.K. Das, B.-S. Teng // Organization Studies. 2001. Vol. 22(2). P. 251–283.

12. Fryxell, G.E. After the Ink Dries: The Interaction of Trust and Control in US-Based International Joint Ventures [Text] / G.E. Fryxell, R.S. Dooley, M. Vryza // Journal of Management Studies. 2002. Vol. 39(6). P. 865–886.

13. Gulati, R. Does Familiarity Breed Trust? The Implications of Repeated Ties for Contractual Choice in Alliances [Text] / R. Gulati // Academy of Management Journal. 1995. Vol. 38(1). P. 85–112.

14. Huemer, L. Control-Trust Interplays and the Influence Paradox: A Comparative Study of MNC-Subsidiary Relationships [Text] / L. Huemer, G.-O. Bostrum, C. Felzensztein // Industrial Marketing Management. 2009. Vol. 38(5). P. 520–528.

15. Inkpen, A.C., Currall S.C. The Coevolution of Trust, Control, and Learning in Joint Ventures [Text] / A.C. Inkpen, S.C. Currall // Organization Science. 2004. Vol. 15(5). P. 586–599.

16. Jagd, S. Balancing Trust and Control in Organizations: Towards a Process Perspective [Text] / S. Jagd // Society and Business Review. 2010. Vol. 5(3). P. 259–269.

17. Maguire, S. When 'Silence = Death', Keep Talking: Trust, Control and the Discursive Construction of Identity in the Canadian HIV/AIDS Treatment Domain [Text] / S. Maguire, N. Phillips, C. Hardy // Organization Studies. 2001. Vol. 22(2). P. 285–309.

18. Müllerling, G. The Trust/Control Duality: An Integrative Perspective on Positive Expectations of Others [Text] / G. Müllerling // International Sociology. 2005. Vol. 20(3). P. 283–305.

19. Poppo, L. Do Formal Contracts and Relational Governance Function as Substitutes or Complements [Text] / L. Poppo, T. Zenger // Strategic Management Journal. 2002. Vol. 23(8). P. 707–725.

20. Reed, M.I. Organization, Trust and Control: A Realist Analysis [Text] / M.I. Reed // Organization Studies. 2001. Vol. 22(2). P. 201–227.

21. Sitkin, S.B. Managerial Trust-Building Through the Use of Legitimizing Formal and Informal Control Mechanisms [Text] / S.B. Sitkin, E. George // International Sociology. 2005. Vol. 20(3). P. 307–338.

22. Sydow, J. Knowledge, Trust, and Control: Managing Tensions and Contradictions in a Regional Network of Service Firms [Text] / J. Sydow, A. Windeler // International Studies of Management and Organization. 2003. Vol. 33(2). P. 69–99.

23. Vlaar, P.W.L. On the Evolution of Trust, Distrust, and Formal Coordination and Control in Inter-organizational Relationships: Toward an Integrative Framework [Text] / P.W.L. Vlaar, F.A.J. Van den Bosch, H.W. Volberda // Group and Organization Management. 2007. Vol. 32(4). P. 407–428.

24. Woolthuis, R.K. Trust, Contract and Relationship Development [Text] / R.K. Woolthuis, B. Hillebrand, B. Nooteboom // Organization Studies. 2005. Vol. 26(6). P. 813–840.

References

1. Bogdanova L.S. (2006) Doверие kak sotsial'nyy faktor razvitiya partnerskikh otnosheniy mezhdru or-

ganizatsiyami. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, 24 p. [in Rus].

2. Kuznetsova E.M. (2006) *Sotsial'nyy kontrol' kak element sotsial'nogo upravleniya*. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet, 17 p. [in Rus].

3. Mangusheva T.S. (2006) *Sotsial'nyy kontrol' organizatsii v usldvoiyakh demokratizatsii upravlencheskikh otnosheniy*. Saratov, Saratovskiy gosudarstvennyy sotsial'no-ekonomicheskiy institute, 23 p. [in Rus].

4. Ryndina I.V. (2008) *Institut ekonomicheskogo doveriya v sisteme rynka finansovykh uslug*. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 22 p. [in Rus].

5. Stolyar V.Yu. (2008) *Doverie kak fenomen sotsial'no-ekonomicheskoy real'nosti*. Tver', Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 21 p. [in Rus].

6. Bachmann R. (2001) *Organization Studies*, no. 22(2), pp. 337–365 [in Eng].

7. Bijlsma-Frankema K., Costa A.C. (2005) *International Sociology*, no. 20(3), pp. 259–282 [in Eng].

8. Costa A.C., Bijlsma-Frankema K. (2007) *Group and Organization Management*, no. 32 (4), pp. 392–406 [in Eng].

9. Currall S.C., Judge T.A. (1995) *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, no. 64(2), pp. 151–170 [in Eng].

10. Das T.K., Teng B.-S. (1998) *Academy of Management Review*, no. 23(3), pp. 491–512 [in Eng].

11. Das T.K., Teng B.-S. (2001) *Organization Studies*, no. 22(2), pp. 251–283 [in Eng].

12. Fryxell G.E., Dooley R.S., Vryza M. (2002) *Journal of Management Studies*, no. 39(6), pp. 865–886 [in Eng].

13. Gulati R. (1995) *Academy of Management Journal*, no. 38(1), pp. 85–112 [in Eng].

14. Huemer L., Bostrum G.-O., Felzensztein C. (2009) *Industrial Marketing Management*, no. 38(5), pp. 520–528 [in Eng].

15. Inkpen A.C., Currall S.C. (2004) *Organization Science*, no. 15(5), pp. 586–599 [in Eng].

16. Jagd S. (2010) *Society and Business Review*, no. 5(3), pp. 259–269 [in Eng].

17. Maguire S., Phillips N., Hardy C. (2001) *Organization Studies*, no. 22(2), pp. 285–309 [in Eng].

18. Mullering G. (2005) *International Sociology*, no. 20(3), pp. 283–305 [in Eng].

19. Poppo L., Zenger T. (2002) *Strategic Management Journal*, no. 23(8), pp. 707–725 [in Eng].

20. Reed M.I. (2001) *Organization Studies*, no. 22(2), pp. 201–227 [in Eng].

21. Sitkin S.B., George E. (2005) *International Sociology*, no. 20(3), pp. 307–338 [in Eng].

22. Sydow J., Windeler A. (2003) *International Studies of Management and Organization*, no. 33(2), pp. 69–99 [in Eng].

23. Vlaar P.W.L., Van den Bosch F.A.J., Volberda H.W. (2007) *Group and Organization Management*, no. 32(4), pp. 407–428 [in Eng].

24. Woolthuis R.K., Hillebrand B., Nooteboom B. (2005) *Organization Studies*, no. 26(6), pp. 813–840 [in Eng].

UDC 330.88

POWER OF INSTITUTIONS: CONFIDENCE, CONTROL AND INFORMAL REGULATION OF THE PRACTICE OF ECONOMIC CONTACTS

Lyasko Aleksander Kimovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of the Department Chair of Management of the Institute of Public Administration and Management, Doctor of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: alexlascaux@yahoo.com

Annotation

The article deals with the analysis of principles of correlation between confidential relationship and norms of social control in the practice of economic agent activity. The author gives the classification of the main types of correlation (replacing, complementing, and dialectical unity). The author considers peculiarities of dialectical approach to integrating confidential relationship and social control in the practice of economic exchange. The author makes a conclusion about possible ways of realizing power of economic agents in corporate and intercompany correlations.

Key concepts:

economic exchange,
institutions,
power,
confidential relationship,
norms of social control.

УДК 338.2

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА

Вылегжанина Анастасия Олеговна,
Тюменский государственный университет,
кафедра математических методов,
информационных технологий
и систем управления в экономике,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: a.o.vylegzhanina@utmn.ru

Аннотация

Статья посвящена поиску оснований для выбора приоритетов инновационного развития Тюменского региона в условиях общемирового декларируемого стремления к устойчивому развитию.

Выделены как специфические региональные проблемы социально-экономического развития, так и связанные с ними фундаментальные, характерные для мировой экономики в целом. Сформулированы базовые условия стабильного долгосрочного социально-экономического развития и возможные способы их реализации.

Предложены приоритеты в инновационном развитии Тюменской области с учетом сценарных прогнозов мировой и национальной экономик и стратегических программ развития энергосектора.

Ключевые понятия:
инновационное развитие,
устойчивая экономика,
социально значимые инновации.

Методологические основы. Предмет настоящего исследования – стратегические приоритеты инновационного развития региона. Руководствуясь общенаучным системным и структурным подходами, мы рассматриваем комплекс данных приоритетов как систему взаимосвязанных смыслов, структура которых поддерживает функцию векторообразования для процессов развития социально-экономической системы региона. При этом, региональные цели и приоритеты рассматриваются, как элемент иерархической структуры, включенный в систему большего масштаба: социально-экономической системы РФ и мировой экономики. В этой связи региональные приоритеты инновационного развития, с одной стороны, должны иметь «сцепление» с национальными и мировыми приоритетами, с другой – учитывать значительную региональную социально-экономическую и ресурсную специфику.

Также, основываясь на функциональном подходе, мы проводим научный анализ, отталкиваясь от изначального смысла инновационного развития, определяющего далее конкретные функции системы инновационных приоритетов. Данный подход позволяет нам проследить, в какой степени изначальный смысл инновационного развития воплощается в региональной системе инновационных приоритетов.

Определение приоритетов инновационного развития и деятельность по их реализации, преобразующая социально-экономическую реальность и общественное сознание, являются взаимовлияющими и взаимоформирующими, что указывает на методологическую специфику предмета исследования (приоритеты – это смыслы, которым в деятельности назначается функция обоснования выбора направления и способов действий). Поэтому из трех общенаучных парадигм (объективной, субъективной и формирующей) формирующая парадигма¹ наиболее соответствует структуре задачи поиска и выбора долгосрочных приоритетов инвестиционного развития региона.

Стратегический характер задачи поиска долгосрочных приоритетов инновационного развития требует целостного перспективного взгляда на социально-экономическое развитие региона, не ограниченного инертностью текущих базовых социально-эко-

¹ Под формирующей (психотехнической) парадигмой понимается совокупность общих принципов познания, «предполагающих видение предмета познания как процесса, зависящего от преобразующей деятельности исследователя» [4, с. 178].

номических реалий. Такая «точка опоры» в методологии гуманитарного научного исследования лежит в основе социокультурного² и антропосоциетального³ подходов, которые опираются на принципы активного сознания и поведения человека, предполагают смену социокультурной среды, появление качественно иных по характеру социокультурных явлений в процессе развития общества вследствие взаимной эволюции индивидуального и общественного сознания.

Ограничения традиционной модели экономического роста для перспективного социально-экономического развития. Истоки концепции инноваций как основного фактора экономического роста начали проявляться с развитием НТП и ускорением смены технологических укладов (Й. Шумпетер). За последние сто лет теория экономического роста фундаментально не изменилась: по мере освоения современных достижений науки и техники интенсивные факторы роста (человеческий капитал и инновации) признаны основными первичными факторами, базой для экономического роста (П. Самуэльсон, В. Зомбарт, П. Друкер, В. Митчерлих и др.).

Действительно, приблизительно последние 60 лет мировая экономика демонстрировала высокие темпы экономического роста [7]. Однако последние сценарные прогнозы говорят о том, что, несмотря на рост капиталовложений в инновации (с 400 млрд дол. в 2005 г. до более 600 млрд дол. в 2014 г.)⁴, с 2014 по 2064 год будет наблюдаться мировой экономический спад (по показателю GDP, CAGR – на 1,7%) [7].

Впервые проблема ограниченности традиционной модели технико-экономического роста и необходимость ее смены на модель устойчивого развития была доказана на основе компьютерной модели системной динамики мира «World 3» [9],

а достоверность ее результатов была полностью подтверждена на основе сопоставления прогнозных и исторических данных за последующие 30 лет [8]. Актуализированные прогнозы на основе новой компьютерной системной модели оказались еще более негативными [10] вследствие игнорирования основных проблем выживания и развития общества:

- базовых проблем жизнеобеспечения и безопасности (голод, войны, расизм, преступность и пр.);

- экологических (ухудшение состояния воды, воздуха, почвы и пр.);

- социально-экономических (беспрецедентный в истории уровень социального неравенства⁵ и концентрации мирового капитала в активах нескольких транснациональных корпораций [11], обострение межгосударственного неравенства (по данным ОЭСР), фундаментальный кризис мировой финансово-кредитной системы [2]).

По словам Д. Медоуз, автора глобальной модели развития человечества, «современная цивилизация по-прежнему полным ходом движется навстречу всеобщей катастрофе», а «политики все еще пытаются идти проторенной дорогой» [3]. Тем не менее за последние 50 лет развивались многие альтернативные экономические теории и модели, базирующиеся на гуманистических и экологических принципах устойчивого развития общества, исключающие обязательную необходимость в экономическом росте для целей процветания общества, – такие как «экономика устойчивого состояния» Г. Дэйли (Daly, Henry), интерактивная модель стабильной экономики без роста А. Петера (Peter A. Victor), концепция процветания без роста и переход к устойчивой экономике Т. Джексона (Tim, Jackson), ресурсо-ориентированная экономика Ж. Фреско (Fresco, Jacques) и др.

Изменения концептуальных основ инновационной политики при перехо-

² Социокультурный подход – методологический подход на базе системного подхода, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека (М. Вебер, П. Сорокин, А.С. Ахиезер, Н.И. Лапин, Е.Г. Ефимов, А.Я. Гуревич и др.)

³ Антропосоциетальный подход (по Н.И. Лапину) – это понимание общества как системы, которая представляет собой взаимосвязь трех компонентов: действующих индивидов, культуры, социальности. Взаимосвязь социальности и культуры образует социокультурную систему.

⁴ The Global Innovation 1000: Comparison of R&D Spending by Regions and Industries 2005 – 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strategyand.pwc.com/global/home/what-we-think/innovation1000/rd-intensity-vs-spend-2014> (дата обращения: 17.06.2015).

⁵ В докладе о проведении второго десятилетия Организации Объединенных Наций по борьбе за ликвидацию нищеты (2008–2017годы) говорится о том, что 1% населения владеет 40% мировых богатств, в среднем в мире за последние два десятилетия масштабы неравенства выросли на 11% в развивающихся странах и на 9% – в промышленно развитых странах. При этом речь идет о неравных доходах и неравных возможностях людей. А согласно отчету 2014 г. Credit Suisse Global Wealth, страной с самым высоким уровнем неравенства является Россия: 111 российских миллиардеров контролируют 19% богатства страны.

де к устойчивому развитию. На сегодня наиболее теоретически разработана и согласована с мировой институциональной системой модель устойчивого развития общества. Она имеет базовую систему ограничений. Обеспечение благополучия в длительной перспективе возможно лишь с учетом базовых условий потребления сырья и энергии в физически устойчивом обществе⁶, сформулированных Г. Дэйли: 1) темпы потребления возобновимых ресурсов не должны превышать темпов их восстановления; 2) темпы потребления невозобновимых ресурсов не должны превышать темпов разработки их устойчивой возобновимой замены; 3) интенсивность выбросов загрязняющих веществ не должна превышать возможности окружающей среды поглощать их [6]. В системе, нацеленной на устойчивое развитие и принимающей данные ограничения, потребуются существенные изменения в инновационной политике, в приоритетах инновационного развития общества. Первостепенное значение в такой системе имеют эколого-экономические, а не хрестоматические критерии эффективности внедряемых производственных инноваций; институциональная система требует настройки, в первую очередь, на внедрение социально значимых инноваций, способных решить общественные проблемы с приоритетных позиций оптимального расходования ресурсов и удовлетворения потребности людей, а не максимизации денежного потока.

В концепции устойчивого развития приоритетом активности общественного развития, в том числе и инновационной деятельности, является достижение долгосрочной жизнеспособности общества, а не его конкурентоспособности. Жизнеспособность – способность существовать и развиваться, приспособленность к изменяющимся условиям жизни в целом, тогда как конкурентоспособность – это способность субъекта отвечать основным интересам и приоритетам существующей социально-экономической системы [1]. То есть жизнеспособность является необходимым условием выживания общества, фактором формирования новых социально-экономических

реалий для долгосрочного прогрессивного развития, тогда как конкурентоспособность определяет степень потенциала субъекта для целей выживания в актуальной социально-экономической системе.

Возможности и угрозы для социально-экономического развития Тюменского региона в новой системе ценностей развития мирового хозяйства и соответствующей ей энергостратегии. В декабре 2011 г. Еврокомиссия представила «Энергетическую дорожную карту 2050» (Energy Road Map 2050), в которой представлена стратегия декарбонизации до 2050 г., согласованы отраслевые и дорожные карты для энергетики и транспорта. В результате был определен новый энергетический баланс источников энергии (к 2030 г. – доля возобновляемых источников не менее 49%) и сокращение потребления энергии в целом (в 2050 г. на 41% по сравнению с 2005 г.)⁷. Европейская энергостратегия обозначила начало мирового перехода от рынка сырья к рынку услуг и технологий. «Дорожная карта» российско-европейского энергетического сотрудничества до 2050 года предполагает в перспективе создание «единого электроэнергетического пространства (объединение энергосистем и рынков)»⁸, но российский путь к нему, с ее «сырьевой» энергозатратной моделью экономики, будет связан со значительными трудностями, так как в Европе рынок энергоэффективных решений на порядки более развит, и сырьевой сектор не играет такой большой роли.

Российская экономика пока продолжает развиваться в рамках природоёмкой сырьевой модели, несмотря на реализуемые программы по внедрению энергосберегающих технологий и высокотехнологичных производств. Сегодня Россия занимает первое место в мире по экспорту газа и второе – по предложению нефти. При объеме производства энергии порядка 1,47 млрд т. н.э. (нефтяного эквивалента), РФ экспортирует 630 млн т. н.э., что составляет 16% мировой межрегиональной торговли энергией, и делает ее абсолютным мировым лидером. Прогнозируемое к 2040 г. сокращение экспорта нефти лишь компенсируется ростом экспорта газа (почти на 40%) [5].

⁶ Физически устойчивое общество – термин, сформулированный Г. Дэйли, обозначающий общество, способное существовать в течение жизни многих поколений, достаточно дальновидное, гибкое и мудрое, чтобы не разрушать поддерживающие его физические системы, в совокупности образующие окружающую среду.

⁷ Roadmap 2050: a practical guide to a prosperous, low-carbon Europe Vol. 1. Technical and economic assessment [Электронный ресурс] // European Climate Foundation. April. 2010. URL: <http://www.roadmap2050.eu/project/roadmap-2050> (дата обращения: 17.06.2015).

⁸ Дорожная карта энергетического сотрудничества и ЕС до 2050 г [Электронный ресурс] // Министерство энергетики РФ. 2013. URL: http://esco.co.ua/journal/industry/2013_5/art130.pdf (дата обращения: 17.06.2015).

Однако ресурсное богатство страны, в частности отдельных регионов-«доноров» (в т.ч. и Тюменской области), не обязано быть «ресурсным проклятием». При социально ответственном подходе к планированию развития общества ресурсы необходимо, в первую очередь, использовать для качественного инновационного скачка, развития «закрывающих» инноваций (таких, как альтернативные виды энергии). Но при высокой концентрации капитала в нескольких предприятиях, неразвитой системе социальных институтов, призванных обеспечивать возможность реального влияния общества на политику социально-экономического развития территории, фактор ресурсного богатства действительно создает угрозы «инфантилизации» и консервативности общества.

Ограничения в инновационной политике региона. Власти Тюменского региона еще с конца 90-х гг. начали говорить о переориентации промышленного потенциала области на увеличение выпуска высокотехнологичной и наукоемкой продукции. Однако в документах, декларирующих стратегическую «переориентацию промышленного потенциала области», можно отметить абсолютно противоположный смысл инновационного развития, по сути предполагающий дальнейшее укрепление зависимости региона от нефтегазового сектора («повышение извлекаемости запасов и эффективности добычи нефти и газа, функционирование трубопроводного транспорта» – в числе наиболее приоритетных задач инновационного развития)⁹. Любая деятельность человека, реализация идеи имеет, прежде всего, социально-психологическую основу. Поэтому без решения смысловых и социально-психологических противоречий в концепции инновационного развития региона его инновационная политика принципиально не сможет обеспечить реальное генерирование и продвижение социально значимых и ресурсосберегающих инноваций. Такие инновации (например, бытовое и производственное оборудование, работающее на альтернативных экологически чистых автономных источниках энергии) могут числиться в «приоритетных» только формально, т.к. по смыслу являются «закрывающими» для приори-

тетных в актуальной модели социально-экономического развития региона отраслей промышленности (в первую очередь тесно связанных с добычей и переработкой углеводородного сырья).

Следствием продолжающегося «сырьевого курса» является высокая зависимость доходов жителей Тюменского региона и возможностей решения их социальных проблем от топливно-энергетического сектора, который наполняет бюджет налогами, уменьшение возможностей долгосрочного благополучия региона и его истинных богатств (природы, биоразнообразия, чистой пресной воды, здоровья населения и пр.). Так, скорректированные чистые накопления региона составляют – 28,4% к ВРП, по данным на 2012 г., т.е. регион входит в группу наиболее неблагоприятных с точки зрения комплексной эколого-экономико-социальной ситуации (учитывая истощение природных ресурсов, ухудшение экологии, увеличение экологической обусловленной заболеваемости населения и пр.)¹⁰.

Объективные структурные ограничения региональной политики в сфере приоритетов инновационного развития заключаются в жесткой привязке к национальным приоритетам и задачам национальной безопасности. И так как экономическое благополучие страны до сих пор в сильной зависимости от объемов добычи и цен на углеводородное сырье, то региону в значительной степени отведена роль «дойной коровы» по данному направлению. Однако сегодняшняя ситуация с падением цен на нефть показывает, что такая позиция невыгодна ни стране, ни региону. Необходимо сделать ставку на использование ресурсов человеческого капитала, активизировать финансовые и организационные резервы для развития высокотехнологичных и экологических продуктов, технологий и производств.

Выводы

Устойчивое социально-экономическое развитие региона предполагает ориентацию приоритетов инноваций на повышение уровня перспективной (долгосрочной) жизнеспособности и благосостояния жителей региона, что подразумевает:

⁹ Постановление Правительства Тюменской области от 27 мая 2013 г. N 169-п «О приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Тюменской области»; Распоряжение Губернатора Тюменской области от 26.03.1999 N 228-р «Об инновационной политике области».

¹⁰ Эколого-экономический индекс регионов РФ (2012) [Электронный ресурс] // URL: <http://vid-1.rian.ru/ig/mahimka/environmental/xml/pdf/eei.pdf> (дата обращения: 17.06.2015).

1) перераспределение государством нефтяной ренты, исходя из приоритетов целей устойчивого социально-экономического развития, на поддержку развития прорывных «закрывающих» технологий, развитие «энергетики нового поколения»;

2) переход от сырьевой экономики к использованию высокотехнологичных, ресурсосберегающих товаров и услуг, удовлетворяющих как экономические, так и социальные потребности людей;

3) развитие внутреннего жизнеобеспечивающего рынка, с одной стороны, с другой – интенсификацию интеграции региона в глобальный обмен высокотехнологичными товарами, услугами и технологиями;

4) настройку эффективных механизмов достижения целей устойчивого развития за счет механизма реализации социально значимых инноваций;

5) внедрение адекватной системы учета и оценки инноваций с высокой социально-экономической значимостью в целях приведения процессов региональной поддержки инноваций в соответствие целям устойчивого развития и гуманистическим ценностям;

6) ускорение темпов «перезагрузки» структуры экономики региона с сырьевой на экологичную и высокотехнологичную за счет большего фокусирования органов регионального управления на долгосрочных целях устойчивого развития и формирования соответствующей институциональной инфраструктуры.

В целом ситуация в мире (войны, истощение природных ресурсов, экологический кризис, экономический спад и пр.) требует выбора пути дальнейшей жизнедеятельности общества на долгосрочную перспективу в соответствии с принципами восстановления гармоничного сосуществования общества и природы, гуманизации жизнедеятельности общества. Тюменский регион окажется включенным в мировые процессы переключения парадигмы развития на экологичную экономику без экономического роста, но с экономическим развитием. Чем раньше будет осознана необходимость новых приоритетов инновационного развития и осуществлена их реализация в инновационной политике региона, тем меньше будут его экономические потери и больше возможностей реализации потенциала устойчивого развития.

1. Вылегжанина, А.О. Организация в современной социально-экономической системе: конкурентоспособность или развитие? [Текст] / А.О. Вылегжанина // В мире научных открытий. 2014. № 11.9 (59). С. 3451–3467.

2. Катасонов, В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» [Текст] / В.Ю. Катасонов. М.: Изд-во: Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.

3. Костина, Г. Мало не покажется [Электронный ресурс] / Г. Костина, Т. Оганесян // Эксперт-online: электронный журнал. 23.04.2012. URL: <http://expert.ru/expert/2012/16/malo-ne-pokazhetsya> (дата обращения: 17.06.2015).

4. Левкин, В.Е. Основные парадигмы в психологии [Текст] / В.Е. Левкин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2007. № 4. С. 165–174.

5. Труба свернула на восток. Экспорт российских нефтепродуктов меняет направление [Электронный ресурс] // Российская газета. 16.06.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/16/gaz.html> (дата обращения: 17.06.2015).

6. Daly, H.E. A Steady-State Economy [Электронный ресурс] / H.E. Daly // UK Sustainable Development Commission. 23 07 2008. URL: <http://www.sd-commission.org.uk/publications.php?id=775> (дата обращения: 17.06.2015).

7. Manyika, J. Can long-term global growth be saved? [Электронный ресурс] / J. Manyika, J. Woetzel, R. Dobbs, J. Remes, E. Labaye, A. Jordan. January 2015. URL: http://www.mckinsey.com/insights/growth/can_long-term_global_growth_be_saved (дата обращения: 17.06.2015).

8. Meadows, D.H. Limits to Growth: The 30-Year Update [Text] / D.H. Meadows., D.L. Meadows, J. Randers. Hartford: Chelsea Green Publishing Co, 2004. 338 p.

9. Meadows, D.H. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind [Text] / D.H. Meadows., D.L. Meadows, J. Randers. New York: Universe Books, 1972. 203 p.

10. Turner, G. A Comparison of 'The Limits to Growth' with Thirty Years of Reality. Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation [Электронный ресурс] / G. Turner // CSIRO working paper series. June 2008. URL: http://ecohist.history.ox.ac.uk/readings/Technological_limits/limits-to-growth-simulated.pdf (дата обращения: 17.06.2015).

11. Vitali, S. The network of global corporate control [Text] / S. Vitali, J.B. Glattfelder, S. Battiston // PLoS ONE. 2011. 10(6). doi:10.1371/journal.pone.0025995

References

1. Vylegzhanina A.O. (2014) V mire nauchnyh otkrytij, no. 11.9 (59), pp. 3451–3467 [in Rus].

2. Katasonov V.Ju. (2013) Kapitalizm. Istorija i ideologija "denezhnoj civilizacii". Moscow, Izd-vo: Institut ruskoj civilizacii, 1072 p. [in Rus].

3. Kostina G., Oganessian T. Jekspert-online: elektronnyj zhurnal. 23. 04. 2012, available at: <http://expert.ru/expert/2012/16/malo-ne-pokazhetsya> (accessed: 17.06.2015) [in Rus].

4. Levkin V.E. (2007) *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanities*, no. 4, pp. 165–174 [in Rus].

5. Truba svernula na vostok. Jekspert rossijskih nefteproduktov menjaet napravlenie // Rossijskaja gazeta. 16.06.2014. available at: <http://www.rg.ru/2014/06/16/gaz.html> (accessed: 17.06.2015). [in Rus].

6. Daly H.E. A Steady-State Economy // UK Sustainable Development Commission. 23 07 2008. available at: <http://www.sd-commission.org.uk/publications.php?id=775> (accessed: 17.06.2015) [in Eng].

7. Manyika J., Woetzel J., Dobbs R., Remes J., Labaye E., Jordan A. Can long-term global growth be saved? January 2015, available at: http://www.mckinsey.com/insights/growth/can_long-term_global_growth_be_saved (accessed: 17.06.2015) [in Eng].

8. Meadows. D.H. , Meadows D.L., Randers J. (2004) Limits to Growth: The 30-Year Update. Hartford, Chelsea Green Publishing Co, 338 p. [in Eng].

9. Meadows. D.H., Meadows D.L., Randers J. (1972) The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York, Universe Books, 203 p. [in Eng].

10. Turner G. A Comparison of 'The Limits to Growth' with Thirty Years of Reality. Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation // CSIRO working paper series. June 2008, available at: http://ecohist.history.ox.ac.uk/readings/Technological_limits/limits-to-growth-simulated.pdf (accessed: 17.06.2015) [in Eng].

11. Vitali S., Glatfelder J.B., Battiston S. (2011) *PLoS ONE*, no. 10(6), doi:10.1371/journal.pone.0025995 [in Eng].

UDC 338.2

STRATEGIC PRIORITIES OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF TYUMEN REGION

Vylegzhanina Anastasiya Olegovna,

Tyumen State University,
The Department Chair of Mathematical
Methods, Information Technologies and
Systems of Management in Economics,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor,
Tyumen, Russia.

E-mail: a.o.vylegzhanina@utmn.ru

Annotation

The article is aimed at searching grounds for choosing priorities of innovative development of Tyumen region in the context of global intention to steady development. The author points out both specific regional problems of social and economic development and connected with them fundamental problems typical of world economy in general. The author formulates basic conditions for steady long-term social and economic development and possible ways of their realization. The author suggests priorities in innovative development of Tyumen region taking into account scenario forecasts of world and national economies and strategic programs of developing energy industry.

Key concepts:

innovative development,
steady economy,
socially significant innovations.

УДК 336.592

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГАРАНТИРОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ «АНТИКРИЗИСНЫХ» МЕР ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ткач Елена Сергеевна,

Российская академия народного
хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры экономики,
финансов и бухгалтерского учета,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: elena-tkach@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей финансовой поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на основе использования инструментов гарантирования кредитных вложений. Определены проблемы и направления формирования национальной гарантийной системы. Особое внимание уделено необходимости развития инструментов гарантирования на муниципальном уровне.

Ключевые понятия:

финансовая поддержка,
государственная гарантия,
национальная гарантийная система,
агентство кредитных гарантий,
региональная гарантийная организация.

К числу приоритетных задач текущего момента развития российской экономики относятся задачи финансовой поддержки отечественных предприятий в условиях обострившихся экономических проблем и противоречий. Девальвация рубля, резкий рост стоимости кредитных ресурсов, как следствие, сокращение финансово-ресурсной базы, возможностей кредитования, увеличение долговой нагрузки, снижение деловой и рыночной активности в наиболее уязвимых секторах российской экономики – это далеко не полный перечень проблем, с которыми столкнулось большинство российских предприятий. Особо уязвимым в ситуации нарастания кризисных явлений оказался малый бизнес, который по своей экономической природе имеет меньший запас финансовой прочности и потому более чувствителен к изменениям макроэкономической конъюнктуры.

В то же время малый бизнес является одним из важнейших звеньев экономической системы, способным обеспечить ее мобильность и одновременно социальную устойчивость, сформировать конкурентную среду, повысить доходную базу бюджетов всех уровней, «поддержать импортозамещение и экспорт по широкой номенклатуре несырьевых»¹, в том числе высокотехнологичных, товаров. Не случайно антикризисный план Правительства РФ направлен на существенное увеличение численности малых предприятий и их доли в валовом внутреннем продукте страны.

С целью выявления основных тенденций изменения численности предприятий малого бизнеса в Российской Федерации, а также в субъектах Уральского федерального округа, был проведен ретроспективный анализ динамики данного показателя за период с 01.01.2011 по 01.01.2014 (таблица 1).

При проведении анализа был выявлен ряд проблем.

1. Динамика изменения численности субъектов малого предпринимательства в отдельных регионах Уральского федерального округа неравномерна и разнонаправленна: в некоторых из них наблюдался резкий рост наряду с последующим существенным снижением.

2. В ряде регионов темпы прироста были отрицательными, что свидетельствовало об уменьшении численности пред-

¹ План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sarbc.ru/world/news/2015/01/28>.

Таблица 1

Численность субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации, в субъектах Уральского федерального округа

	Число предприятий по состоянию на				Темпы роста, в процентах		
	1.01.2011	1.01.2012	1.01.2013	1.01.2014	2011/2010	2012/2011	2013/2012
<i>Российская Федерация</i>	<i>1644269</i>	<i>1836432</i>	<i>2003038</i>	<i>2063126</i>	<i>111,5</i>	<i>109,3</i>	<i>108,7</i>
Уральский федеральный округ	148402	173452	183493	191647	116,9	105,8	104,9
Курганская область	6734	6053	7223	7429	89,9	119,3	102,3
Свердловская область	63028	72817	76513	81740	115,5	105,1	106,8
Ханты-Мансийский автономный округ	12886	22831	25710	23206	177,2	112,6	90,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	4104	6785	6812	6621	165,3	100,4	97,2
Тюменская область	22517	30166	31990	34026	134,0	106,0	106,4
<i>Челябинская область</i>	<i>39133</i>	<i>34800</i>	<i>35245</i>	<i>38625</i>	<i>88,9</i>	<i>101,3</i>	<i>109,6</i>

приятый малого бизнеса в отдельные годы анализируемого периода.

3. В целом в Российской Федерации за период с 1 января 2011 по 1 января 2014 года имела место тенденция к постепенному замедлению темпов роста численности субъектов малого предпринимательства.

Среди основных проблем, препятствующих развитию малого бизнеса в стране, большинство исследователей указывает на недостаток собственной ресурсной базы и затрудненный доступ к источникам финансирования.

По мнению О.В. Мадатовой и С.А. Касьяновой, одной из причин этого является то, что отечественные кредитные организации не проявляют интереса к клиентам, характеризующимся высокой степенью риска и незначительностью занимаемых сумм. [3]

Как справедливо отмечает Л.Г. Руденко, в настоящий момент малые предприятия до сих пор испытывают нужду в финансировании и сложности в получении кредитов по нескольким причинам: во-первых, их финансовое состояние, как правило, неустойчиво; во-вторых, уровень кредитоспособности – низкий; в-третьих, отсутствуют основные и оборотные средства, которые можно передать в качестве ликвидного обеспечения под залог [6].

Неразвитость инфраструктуры кредитования малого бизнеса, ненадежность вложений по причине отсутствия необходимого залогового обеспечения в совокупности обуславливают необходимость создания единой системы гарантирования кредитных вложений [3].

Опыт развития институтов гарантирования в зарубежных странах [1; 3; 4; 7] указывает на необходимость привлечения государственных ресурсов и государственных структур к созданию подобных систем. В условиях серьезных экономических вызовов, роста долговой нагрузки и бюджетного дефицита единая система гарантирования может стать основой «гибкого антикризисного механизма»², позволяющего многократно увеличить финансирование субъектов малого предпринимательства при одновременном уменьшении необходимых для этого бюджетных средств за счет рационального управления ими.

В настоящий момент в России активно формируется национальная гарантийная система, которая представляет собой совокупность специализированных финансовых государственных и негосударственных институтов, предоставляющих гарантии по кредитам и иным долговым обязатель-

² Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2012–2014 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2013/12/main/Dolgovaya_politika_na_sayt_SSHA1.pdf

ствам на основе разделения рисков с банками и иными финансовыми организациями. В мае 2014 года, в рамках развития национальной гарантийной системы, по решению правительства РФ было учреждено Агентство кредитных гарантий (АКГ), которому в данной системе отводится роль федерального гарантийного фонда.

Основной целью деятельности Агентства является повышение уровня доступности к кредитным продуктам; минимизация гарантийных и кредитных рисков регионов, банков и иных кредитных организаций; создание системы комплексной гарантийной поддержки субъектов малого предпринимательства.

Стратегия развития АКГ предусматривает ежегодное десятипроцентное увеличение объема предоставляемых банковских гарантий, обеспечение пятнадцатипроцентной доли гарантийной поддержки в структуре целевого кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства, увеличение гарантий /контргарантий до 6256 млрд рублей в 2019 году и увеличение объема гарантийных операций национальной гарантийной системы в целом с 179 462 млрд рублей в 2014 году до 578 702 млрд рублей в 2019 году (рисунок 1)³.

На момент создания Агентства в восьмидесяти двух субъектах РФ действовали различные гарантийные фонды, которыми за шесть лет их существования было выдано более 200 млрд рублей кредитов.⁴ В 2014 году по решению правительства все региональные гарантийные организации были интегрированы в единую национальную гарантийную систему на основе процедуры аккредитации.

В качестве источников финансирования региональных гарантийных организаций были привлечены в основном средства федерального и регионального бюджетов. Так, например, в структуре источников Гарантийного фонда Калининградской области доля средств федерального бюджета составляет почти 80%, доля средств регионального бюджета почти двадцать процентов (таблица 2).

На сегодняшний день успешность функционирования той или иной региональной гарантийной организации может быть определена на основе рэнкингов⁵, составляемых ведущими национальными рейтинговыми агентствами: «АК&М» и «Эксперт РА».

Так, например, рэнкинг гарантийных организаций, составленный рейтинговым

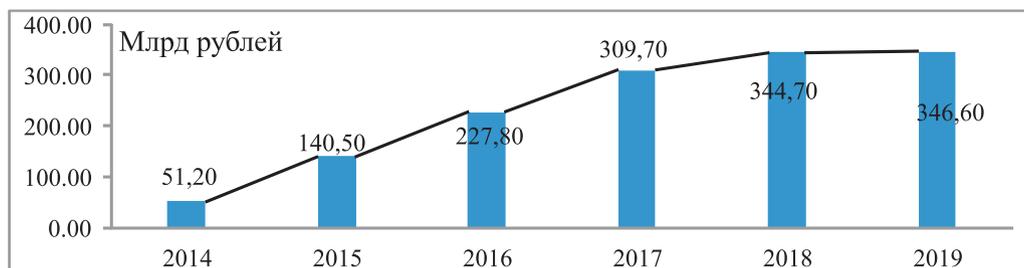

Рисунок 1. Увеличение объема предоставленных АКГ гарантий субъектам малого и среднего предпринимательства РФ

Таблица 2

Источники финансирования Гарантийного фонда Калининградской области

Источник	Сумма, тыс. рублей	Удельный вес источника в общем объеме финансирования
Средства областного бюджета	66 000,00	19,90
Средства федерального бюджета	264 000,00	79,60
Капитализация средств фонда	1 665,80	0,50
Всего:	331 665,80	100

Составлено автором по материалам официального сайта фонда.

³ Стратегия и ключевые показатели Агентства кредитных гарантий. – Режим доступа: <http://www.acgrf.ru/about/strategia>.

⁴ Доклад Министра экономического развития РФ Алексея Улюкаева на заседании Правительства РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oldsmb.economy.gov.ru/content/expert/m,f,745763/>.

⁵ Рэнкинг – перечень элементов, ранжированных по какому-либо признаку.

агентством «АК&М», по итогам первого полугодия 2014 года выглядел следующим образом (таблица 3).

Рэнкинг гарантийных организаций по объему выданных поручительств «Эксперт РА», составленный по состоянию на 1.07.2014, выглядит так (таблица 4).

Сравнив два представленных выше рэнкинга, можно выявить региональные гарантийные организаций, наиболее успешные, по мнению обоих рейтинговых агентств. Это – Фонд содействия кредитованию малого бизнеса Москвы, Фонд содействия кредитованию малого и сред-

Таблица 3

Рэнкинг региональных гарантийных организаций агентства «АК&М» по состоянию на 1.07.2014 (первые десять позиций)

Регион Российской Федерации	Гарантийная организация (фонд)	Место в рэнкинге
Город Москва	Фонд содействия кредитованию малого бизнеса Москвы	1
Город Санкт-Петербург	НО «Фонд содействия кредитованию малого и среднего бизнеса»	2
Ханты-Мансийский автономный округ ЮГРА	Фонд поддержки предпринимательства Югры	3
Ставропольский край	ГУП «Гарантийный фонд поддержки субъектов МСП в Ставропольском крае»	4
Ростовская область	НО «Гарантийный фонд Ростовской области»	5
Челябинская область	Фонд содействия кредитованию малого предпринимательства Челябинской области	6
Пермский край	ОАО «Пермский гарантийный фонд»	7
Республика Бурятия	Гарантийный фонд Бурятии	8
Рязанская область	Гарантийный фонд Рязанской области	9
Самарская область	ГУП «ГФПКСО»	10

Источник: <http://www.akmrating.ru/ru/ranking/index/22>

Таблица 4

Рэнкинг гарантийных организаций агентства «Эксперт РА» по объему выданных поручительств на 1.07.2014 (первые десять позиций)

Регион Российской Федерации	Гарантийная организация (фонд)	Место в рэнкинге
Город Москва	Фонд содействия кредитованию малого бизнеса Москвы	1
Город Санкт-Петербург	НО «Фонд содействия кредитованию малого и среднего бизнеса»	2
Челябинская область	Фонд содействия кредитованию малого предпринимательства Челябинской области	3
Ростовская область	НО «Гарантийный фонд Ростовской области»	4
Ханты-Мансийский автономный округ ЮГРА	Фонд поддержки предпринимательства Югры	5
Тамбовская область	Тамбовское областное ГУП «Фонд содействия кредитованию малого и среднего предпринимательства Тамбовской области»	6
Нижегородская область	Автономная некоммерческая организация «Агентство по развитию системы гарантий для субъектов малого предпринимательства Нижегородской области»	7
Ставропольский край	ГУП «Гарантийный фонд поддержки субъектов МСП в Ставропольском крае»	8
Орловская область	Некоммерческая организация «Фонд поддержки предпринимательства Орловской области»	9
Приморский край	Некоммерческая организация «Гарантийный фонд Приморского края»	10

Источник: <http://raexpert.ru/rankingtable/guarantee/1h2014/main/>

него бизнеса» города Санкт-Петербурга, Фонд поддержки предпринимательства Югры, Гарантийный фонд Ростовской области и Фонд содействия кредитованию малого предпринимательства Челябинской области.

Изучение информации, представленной на официальных сайтах указанных региональных гарантийных организаций, позволило выявить ряд основных требований, предъявляемых к субъектам малого бизнеса, претендующим на получение гарантии. Общими требованиями являются: валюта гарантии – рубли; наступление гарантийного события (дефолта) возникает в случае неисполнения принципалом (за-

емщиком) обязательств по гарантируемым договорам кредитного характера в течение 90 дней; малое предприятие должно быть зарегистрировано и осуществлять свою деятельность на территории того субъекта РФ, где расположена региональная гарантийная организация, предоставляющая гарантии; не имеется нарушений кредитного договора по ранее полученным поручительствам и гарантиям; субъект малого предпринимательства не является нерезидентом РФ.

Кроме общих требований к заемщику, существует определенный перечень условий, различных в тех или иных субъектах (таблица 5).

Таблица 5

Различия в условиях предоставления гарантий в различных субъектах РФ

	Условия	Субъект РФ
Срок предоставления гарантии	Не более 184 месяцев	Ростовская область
	На срок не менее 6 месяцев	Челябинская область
	На срок не менее 3 месяцев	г. Санкт-Петербург
Вознаграждение	0,75 % годовых	г. Москва Тюменская область Ханты-Мансийский автономный округ
	1,25% годовых	Ростовская область
	1,5 % годовых	Челябинской области
	1,5% годовых по кредиту до 3-х лет; 2% годовых – по кредиту свыше 3-х лет	Свердловская область
	1,75% годовых	г. Санкт-Петербург
Объем поручительства	До 50% от суммы кредита	г. Москва г. Санкт-Петербург Ростовская область Ханты-Мансийский автономный округ ЮГРА
	До 70% от суммы кредита	Челябинская область Свердловская область
Совокупный объем поручительств в отношении одного заемщика	Не более 15 млн рублей	Челябинская область
	Не более 20 млн рублей для производственных, научно-технических и инновационных предприятий; Не более 15 000 000 рублей для прочих субъектов малого и среднего предпринимательства.	г. Санкт-Петербург
	Не более 45 млн рублей	Свердловская область
	Не более 48 млн рублей	Ханты-Мансийский автономный округ
	Не более 70 млн рублей	г. Москва

Составлено автором по материалам официальных сайтов региональных гарантийных организаций.

Изучение деятельности региональных гарантийных организаций позволило выявить следующую проблему – отсутствие специальных механизмов реализации института гарантирования на муниципальном уровне. А ведь именно муниципальный уровень финансовой поддержки, по мнению Е.А. Веторовой, должен быть организован наиболее четко, так как в основном малый бизнес создается в муниципальных образованиях [2].

Необходимость создания условий для стимулирования развития малого бизнеса на муниципальном уровне определяет потребность в создании муниципальной сети гарантийных специализированных организаций.

На сегодняшний день подобная сеть отсутствует, хотя отдельные ее элементы начинают формироваться в тех или иных регионах, так, например в Свердловской области, наряду с региональной гарантийной организацией в лице Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства создано 37 муниципальных фондов. Необходимо рассмотреть возможность использования опыта Свердловской области в других регионах страны.

На наш взгляд, в общем виде единая трехуровневая система гарантирования может выглядеть следующим образом (рисунок 2).

Контргарантии. Контргарантия предоставляется Агентством для обеспечения исполнения части обязательств региональных кредитных организаций, в случае если последние превышают установленные лимиты на одного заемщика. Принципом выступает региональная гарантийная организация.

Синдицированная гарантия подразумевает совместное участие АКГ и РКО в гарантировании кредитного договора субъекта малого бизнеса.

Практика предоставления подобных гарантийных продуктов может быть, на наш взгляд, в дальнейшем распространена и на муниципальные гарантийные организации, которые в случае нехватки собственных ресурсов или в случае превышения лимитов предоставления обеспечения на одного заемщика могут прибегнуть к контргарантиям или синдицированным гарантиям региональных гарантийных организаций.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что наиболее значимым направлением поддержки субъектов малого бизнеса была и остается финансовая поддержка. Стратегические ориентиры ее развития определяются, в том числе, совершенствованием института гарантирования, позволяющего более эффективно и рационально

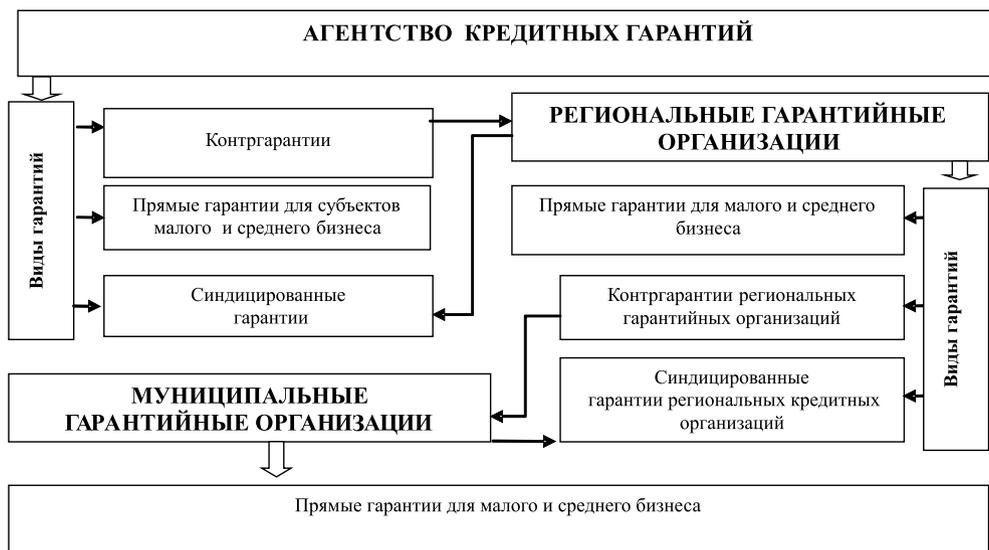

Рисунок 2. Возможная схема взаимосвязи элементов единой системы гарантирования финансовых обязательства малого и среднего бизнеса

На рисунке видно, что кроме прямых гарантий малому бизнесу, Агентство кредитных гарантий предоставляет такие продукты, как контргарантии и синдици-

расходовать бюджетные ресурсы на цели фондирования субъектов малого предпринимательства. Формируемая на основе Агентства кредитных гарантий двухуровне-

вая система, включающая региональные гарантийные организации, может и должна быть трансформирована с учетом интересов поддержки малого предпринимательства на муниципальном уровне

1. Аликаева, М.В. Модернизация механизма финансово-кредитной поддержки малого предпринимательства [Текст] / М.В. Аликаева, Т.А. Наличаджи, М.Б. Ксанаева // Экономика и управление. 2014. № 4. С. 67–72.

2. Ветрова, Е.А. Основные особенности поддержки малого предпринимательства на муниципальном уровне в России [Текст] / Е.А. Ветрова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12 (128). С. 49–52.

3. Винокурова, М.М. Предоставление финансовой поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства (на примере бюджета Иркутской области) [Текст] / М.М. Винокурова // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 4. С. 51–57.

4. Захарченко, С.А. Кредитные гарантии как форма господдержки малого бизнеса [Текст] / С.А. Захарченко // Финансы. 2008. № 7. С. 75–78.

5. Матадова, О.В. Развитие системы кредитных гарантий малым сельскохозяйственным предприятиям [Текст] / О.В. Матадова, С.А. Касьянова // Финансы и кредит. 2015. № 1 (625). С. 19–28.

6. Руденко, Л.Г. Приоритетные формы финансовой поддержки малого предпринимательства на современной этапе развития экономики России [Текст] / Л.Г. Руденко // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2014. № 3 (9). С. 17–23.

7. Шайхутдинова, Г.Ф. Оценка уровня развития предпринимательского потенциала муниципальных образований Республики Башкортостан [Текст] / Г.Ф. Шайхутдинова, Э.В. Жидкова // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 12. С. 386–391.

References

1. Alikayeva M.V., Nalchadzhii T.A., Ksanayeva M.B. (2014) *Jekonomika i upravlenie*, no. 4, pp. 67–72 [in Rus].
2. Vetrova E.A. (2013) *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 12 (128), pp. 49–52 [in Rus].
3. Vinokurova M.M. (2010) *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii*, no. 4, pp. 51–57 [in Rus].
4. Zaharchenko S.A. (2008) *Finansy*, no. 7, pp.75–78 [in Rus].
5. Matadova O.V., Kas'janova S.A. (2015) *Finansy i kredit*, no. 1 (625), pp. 19–28 [in Rus].
6. Rudenko L.G. (2014) *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Ju. Vitte. Seriya 1: Jekonomika i upravlenie*, no. 3 (9), pp. 17–23 [in Rus].
7. Shajhutdinova G.F., Zhidkova Je.V. (2014) *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*, no. 12, pp. 386–391 [in Rus].

UDC 336.592

USING TOOLS OF GUARANTEEING WHEN REALIZING «ANTI-RECESSIONARY» MEASURES FOR FINANCIAL SUPPORTING SMALL BUSINESS

Tkach Elena Sergeevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Economics, Finance and Accounting, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: elena-tkach@yandex.ru

Annotation

The article considers peculiarities of financial support of small business in the Russian Federation on the basis of using tools of guaranteeing credit exposure. The author defines the problems and ways of forming national guarantee system. Special attention is given to the necessity of developing tools of guaranteeing on the municipal level.

Key concepts:

financial support, state guarantee, national guarantee system, agency of credit guarantee, regional guarantee organization.

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ТУРБУЛЕНТНОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РИСКА¹

Щекотин Евгений Викторович,

Томский государственный университет,
доцент кафедры социологии,
кандидат философских наук,
г. Томск, Россия.
E-mail: evgvik1978@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные черты концепта «турбулентного общества». Проанализирована специфика управления безопасностью и риском в рамках четырех подходов – системного, синергетического, феноменологического и когнитивного. Предложен подход к управлению безопасностью и риском, основанный на повседневных практиках обеспечения безопасности.

Ключевые понятия:

социальное управление,
социальная турбулентность,
риск,
безопасность.

Термин «турбулентный социум» вошел в лексикон представителей гуманитарного знания совсем недавно, в 2010-х гг. (см., например, [5; 10]). Метафора турбулентности подчеркивает ряд важных особенностей, которые выходят на первый план в современном мире: текучесть, подвижность, неустойчивость его реальности.

Одним из первых предпринял попытку раскрыть эти черты современного мира З. Бауман в своей концепции «текущей современности» [3]. З. Бауман пишет о «плавлении» некоторых твердых сущностей, пребывавших в состоянии стабильности: «плавятся» какие институты, как семья, труд, государство и т.д. Текучесть рассматривается им как проницаемость границ, размывание стабильных объектов, повышенная изменчивость устойчивых форм.

З. Бауман понимает текучесть прежде всего, как физическое движение, циркуляцию в пространстве. В подвижности разного рода объектов, их стремительном перемещении через границы он видит главную причину текучести современного мира. В большинстве современных социальных теорий подвижность связывается с увеличением скорости перемещения в физическом (Дж. Урри, А. Аппадурай) или символическом (сетевом) пространствах (М. Кастельс). Однако для более глубокого понимания турбулентного общества недостаточно акцентировать внимание на возрастании скорости перемещения физических объектов, людей, образов, электрических сигналов, на проницаемости и подвижности любых устоявшихся границ. Важно подчеркнуть, что изменяется сама природа объектов, которые циркулируют в пространстве. Так, Дж. Ло вводит понятие «потокowego (fluid) объекта». Такие объекты находятся в состоянии постоянного и постепенного изменения, меняя свою форму и очертания по мере своего перемещения в пространстве, стабилизация или слишком резкое изменение для таких объектов является катастрофой, гибелью [6].

Особое значение в турбулентном обществе имеет управление безопасностью. О. Н. Яницкий подчеркивает, что современный мир «находится в стадии всеобщего риска». Среда, в которой существует общество, крайне насыщена рисками разного происхождения и разного типа. Постоянно возникают новые источники рисков, одна катастрофа накладывается на другую,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.

приводя к возникновению синергетического эффекта. Сам феномен турбулентности О.Н. Яницкий оценивает крайне негативно: «“Турбулентность” в действительности означает крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока. “Турбулентность” – это всепроникающий риск ее деградации и разрушения вследствие нового этапа передела мира и его ресурсов, непримиримого конфликта культур, отягощенного локальными конфликтами и войнами» [11, с. 158]. Один из крупнейших представителей мир-системного подхода в макросоциологии Дж. Арриги отождествляет турбулентность с системным хаосом. Состояние турбулентности он связывает с процессами распада системы отношений, сложившейся в рамках определенного этапа развития капиталистической мир-системы, и с воссозданием системы в начале нового этапа, где лидирующее положение займет новый гегемон [2, с. 126–127].

Сложившийся в современной социальной науке взгляд на турбулентность можно охарактеризовать как «озабоченность». Действительно, турбулентность оценивается как некоторый системный вызов, как временное состояние трансграничного перехода к более стабильному состоянию. Однако такой взгляд не кажется очевидным. Возможно, наблюдаемая сегодня нестабильность и неустойчивость – это как раз черты ближайшего будущего, в котором человечеству предстоит жить? Констатация турбулентности современного общества ставит ряд серьезных задач перед существующими теориями управления. В данной статье внимание акцентируется на социальном управлении. Эволюция управленческих подходов рассматривается на примере управления безопасностью и рисками. В рамках данной статьи понятия риск и безопасность будут пониматься как пара взаимоопределяющих категорий: риск – это все то, что нарушает безопасность, т.е. является небезопасностью (включая такие понятия, как опасность, угроза, уязвимость – между этими концептами безусловно существует различие, однако в рамках данной работы не стоит задача введения дефиниций данных понятий), безопасность – совокупность мер, направленная на нейтрализацию рисков, на повышение защищенности.

Понятие социального управления не получило однозначного определения. Так,

в «Социологическом словаре» подчеркиваются два значения термина «социальное управление»: в широком смысле – управление всеми и любыми общественными процессами в отличие от управления в биологических и технических системах; в узком смысле – управление процессами и явлениями социальной сферы общественной жизни, средство реализации социальной политики» [7, с. 537]. В дальнейшем будем придерживаться широкой трактовки социального управления.

Первый подход к управлению – системный – опирается на ряд постулатов: система является целостным и качественно своеобразным образованием; она находится в состоянии динамического равновесия со средой; системы способны самовоспроизводиться (аутопойезис). Риск в парадигме системного подхода нужно понимать как нарушение равновесия системы, возникающее вследствие рассогласованности элементов внутри системы или воздействия внешних факторов. В основе управления риском лежит максимально полный учет, тщательное перечисление всех возможных дестабилизирующих факторов, уязвимостей, как внутри, так и вовне системы, строгое различение границы системы.

В этом случае социальное управление риском сосредоточено на разработке и внедрении мер, способствующих повышению устойчивости системы к внутренним и внешним факторам нестабильности. Как правило, такая совокупность мер направлена на усиление контроля над элементами системы, над каналами взаимодействия с внешней средой. Системный подход в управлении рисками основан на усилении мер контроля, секретности, четкое различение потенциальных угроз и рисков, калькуляция возможных потерь и т.д. Такой подход к безопасности характерен для систем, формирующих национальную и военную безопасность, но также и для сферы страхования.

Второй подход – синергетический, является развитием системного подхода. В данном подходе рассматриваются нелинейные динамические системы, эволюция которых определяется внутренними процессами самоорганизации. Синергетический подход в управлении нацелен на «создание условий для саморазвития систем, возможностей эволюционировать в направлении имманентных системе характеристик и целей» [8, с. 256].

В синергетической парадигме риск осмысливается как вероятность реализации

катастрофического сценария эволюции системы. Система в неравновесном состоянии находится под угрозой разрушения, и в этом случае управление риском требует больше не калькуляции потерь, а способности предвидеть возможные сценарии и предпринимать упреждающие действия на ранних этапах. Учитывать нужно не только системные факторы опасности и угрозы, но и их возможное взаимоналожение, резонанс взаимно усиливающихся нелинейных колебаний. Как отмечает С. В. Пирогов, к самоорганизующимся системам применение термина «управление» не верно, более точно было бы говорить о «направленном развитии» или «корректирующем воздействии» [8, с. 256].

В данной парадигме социальное управление рисками следует расценивать как воздействие на поведение системы для того, чтобы избежать разрушительных последствий. Важно подчеркнуть связь риска и темпоральности – мера риска является функцией времени. В период неустойчивости системы риск резко возрастает, чувствительность к случайным факторам обостряется. В этой связи особое значение приобретает способность управленца предугадывать траектории движения системы по слабым сигналам. В. И. Арнольд подчеркивает, что с катастрофой становится очень сложно бороться, когда ее признаки сделали уже заметными: «скорость ее приближения неограниченно возрастает по мере приближения к катастрофе» [1, с. 98]. Примером применения синергетического подхода в управлении являются сценарные прогнозы, например, дебаты вокруг проблемы изменения климата.

Третья парадигма управления – феноменологическая. Феноменологический подход представляет собой «рассмотрение проблем управления с позиций жизненного опыта и личного смысла участников совместной деятельности, тех intersubjectивных значений предметов, которыми люди руководствуются при принятии решений» [8, с. 415]. На первое место выдвигаются вопросы ценностей, значений, убеждений людей, поддержание принятого порядка и т.д. Управленческое воздействие, чтобы быть эффективным, направляется на релевантные предметы жизненной среды и проблемные жизненные ситуации, оно должно учитывать ситуативный характер взаимодействия.

Для феноменологического подхода основным методом управления выступает понимание. Условием эффективного управ-

ления является понимание той реальности, в которой живут разные люди и сообщества, а также знание механизмов конструирования intersubjectивной реальности. Применение феноменологического подхода предполагает изучение системы релевантностей группы, выявление неявных оснований картины мира и фоновых ожиданий, фоновых знаний, лежащее в основе интерпретации действий и событий.

В феноменологической перспективе риск связан с неверным пониманием, несогласованием смыслов, которыми люди наделяют события и действия, несоответствие ценностных ориентиров. Социальное управление риском направлено на прояснение значений, установление прозрачности смысловых систем, корректировку ценностных установок действующих субъектов. Поэтому огромное значение приобретает коммуникация, согласование ценностно-смысловых ориентиров управляющих и управляемых. Так, П. Вейлл отмечает: «Руководство и управление в подвижной современной организации заключается в уточнении ценностей <...> «Управление» – это выявление ценностных конфликтов и поиск способов их преодоления» [4, с. 59]. Феноменологический подход в управлении безопасностью важен, когда речь заходит об оценке тех или событий и явлений как рискованных, степени их опасности для общества, восприятия социальных рисков и т.д. Интересным примером является «герменевтический» подход к оценке воздействия на общество технологических рисков, развиваемый професором А. Грунвальдом, в рамках которого прогнозирование осуществляется через интерпретацию нарративов «о будущем», причем самого разного рода – от массовой культуры, литературы и до научных предсказаний [15].

Четвертый подход – когнитивный, получивший широкое распространение в связи с развитием концептуальных моделей «общества знания», «информационного общества», «постиндустриального общества», «посткапитализма» и т.п. Во всех этих концепциях подчеркивается возрастание роли знания и наукоемких технологий для процесса производства и управления. Одним из первых о когнитивном управлении заговорил П. Друкер, который подчеркивал превращение знания в определяющий фактор производства. «Под знаниями (т.е. знаниями организации) понимается совокупность профессиональных навыков сотрудников и информации, которая доступна организации (в любой форме – знания

в голове человека или иная информация) и которая может быть использована (применена) сотрудниками в процессе выполнения своих ежедневных операций ради достижения бизнес-целей организации» [9, с. 21].

Если рассматривать риск с позиции когнитивного подхода, то его можно интерпретировать как форму знания. Риск – это знание, информация о возможных опасностях. Социальное управление рисками в рамках данной парадигмы связано с социальной экспертизой (например, социальной оценкой техники), риск-коммуникацией (своевременное информирование общества о рисках) и т.д. Ярким примером реализации когнитивного подхода в управлении безопасностью – это феномен информационных войн, который получает все большее значение в связи с распространением средств массовой коммуникации.

Сложившиеся подходы в социальном управлении не учитывают неизбежно возникающие особенности процесса управления в ситуации возрастающей турбулентности в обществе, природе и техносфере. В основе рассмотренных подходов лежит базовое допущение о возможной редукции объектов управления к гомогенной абстрактной схеме их взаимодействия. В то же время в условиях социальной турбулентности особенно важным оказывается учитывать их гетерогенность, т.к. абстрактные совокупности создают ложную иллюзию однородности управляемых объектов.

В рассмотренные подходы в социальном управлении в той или иной мере развивают идеи системного подхода, который базируется на допущении типизации управляемых элементов. Гомогенность в этом контексте означает установление фактического равенства (или, по меньшей мере, эквивалентности) в отношении всех управляемых элементов. Абстрактность таких систем расширяет возможности контроля за поведением, вычисление строгих алгоритмов поведения. Однако в ситуации турбулентности, когда управляемые элементы становятся «текущими объектами» такие системы становятся слишком громоздкими и неэффективными. Они попросту не успевают вслед за потоками.

Поэтому эффективность управления зависит от того, в какой мере учитывается принципиальная гетерогенность управляемых объектов. Р. Агарвал анализирует причины неудачи современных макроэкономических теорий в попытке объяснить мировой финансовый кризис 2008–09 гг. и предложить

выход из него. Главной причиной он считает допущение о гомогенности и взаимозаменяемости в экономике факторов производства, фирм и индустрий [13, р. 467–468]. В макроэкономических моделях все фирмы со всеми разнообразными ресурсами рассматривают как похожие. Данное допущение позволяет использовать для управления экономикой агрегированные индикаторы (такие как ВВП, объем денег в экономике, темпы роста и т.д.). Опираясь на положения стратегического менеджмента, Р. Агарвал показывает, что данная установка не верна, определяющее значение имеет гетерогенность ресурсов в экономике. Взгляд на макроэкономическую с позиции гомогенности ресурсов не позволяет найти подлинные причины финансового кризиса и предложить рецепты для скорейшего оздоровления мировой экономики.

Аналогичные заключения представляются справедливыми и в отношении вопросов безопасности. Так, например, Х. Молотч в работе с характерным названием «Против безопасности» показывает основные недостатки сложившейся «милитаристской» идеологии [16]. Построенные по стандартизированным схемам, эти системы безопасности направлены на унификацию граждан, усиление контроля и неукоснительное подчинение этим абстрактным правилам. На многочисленных примерах Х. Молотч показывает, что такие «милитаристские» системы оказываются неспособными предотвратить теракты и зачастую сами становятся причиной многочисленных неприятностей и даже небезопасности для населения. Американский журналист Т. Аронсон утверждает, что спецслужбы США, такие как ФБР, сами фабрикуют террористические угрозы (например, с помощью тайных агентов провоцируя психически нездоровых людей, в первую очередь мусульман, на подготовку терактов, при этом расходы на спецслужбы, которые тратятся на предотвращение террористических угроз, превышают оборот всего криминального бизнеса в США [12]).

Таким образом, подводя итоги, можно сделать выводы, что управление безопасностью требует новых подходов в условиях социальной турбулентности. Одним из таких подходов может стать применение концепта гетерогенности. В этом случае акцент в управлении безопасностью должен быть сделан на микроуровне, т.е. на непосредственных практиках взаимодействия, учитывающих локальную специфику и особенности. Сложные закрытые системы базируются на усилении контроля как глав-

ного инструмента в обеспечении безопасности. Их методы – унификация и конструирование абстрактных типов, закрытость и строгое разграничение, универсальность правил и схем и т.д. Такие системы эффективны для стабильных обществ, в которых степень диффузии, подвижности и проницаемости границ невелика.

Сегодня, когда непрерывность изменчивости становится онтологическим признаком современного мира, такие системы демонстрируют неспособность справиться с возникающими вызовами. Примеры последнего времени показывают, что такая логика ведет либо к предельной милитаризации (как в государстве Израиль, хотя здесь необходимо сделать оговорку – Израиль фактически несколько десятилетий находится в состоянии постоянной войны), либо неспособность обеспечить эффективный контроль (наглядный пример – ситуация с беженцами и мигрантами в Европейском союзе).

Х. Молотч приводит в своей работе примеры, когда террористам удалось обойти все жесткие меры контроля, установленные в аэропортах, и пронести смертоносный груз на борт воздушного судна. Только бдительность других пассажиров и сотрудников экипажа позволила вовремя обнаружить террористов и их обезвредить [16]. Способность действовать в конкретных обстоятельствах простых граждан и сотрудников, непрофессионалов, оказались решающими факторами в предупреждении терактов.

Чтобы лучше представить, каким образом можно было бы повысить эффективности систем безопасности, обратимся к историческому примеру. В исследовании формирования полицейской службы в Великобритании С. Дэвис показывает, как формируется и трансформируется содержание понятия «полиция» на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. [14]. Он выделяет несколько важных моментов. Во-первых, до конца XVIII века понятие «полиция» имело очень широкое значение. Функции полиции включали не только обеспечение общественного порядка, правосудия, законности, т.е. те функции, которые возлагаются на это государственное учреждение в современном обществе, но и создание условия для безопасной и благополучной жизни подданных в целом. Только с конца XVIII века начинается постепенное сужение спектра функций, которые сводятся к обеспечению общественного порядка и, в первую очередь, к соблюдению уголовного законодательства.

Во-вторых, долгое время, по крайней мере, с конца XVIII и до середины XIX в. активно развивался альтернативный частный вариант обеспечения общественной безопасности, основанный на инициативе частных лиц, создававших «ассоциации по преследованию уголовников». Эти ассоциации, содержащиеся на средства самих частных лиц, представляли собой достаточно эффективный вариант правоохранительной системы, действовавшей на местном уровне. Фактически они выполняли те же функции, что и государственная полиция, т.е. параллельно существовали государственная и частная полиция. Однако, в силу ряда исторических причин, государство стало все более активно вмешиваться в регулирование правоохранительной сферы, и к середине XIX века здесь установилась полная монополия государственной полиции.

Возрождение этих идей сегодня представляет собой очень интересный вариант расширения пространства эффективной безопасности. Делегирование широких полномочий на уровень повседневных практик является выходом, который позволит справиться с теми недостатками, которые можно наблюдать, когда речь идет о закрытых, засекреченных организациях, обеспечивающих безопасность.

1. Арнольд, В.И. Теория катастроф [Текст] / В.И. Арнольд. М.: Наука. 1990. 128 с.
2. Арриги, Дж. [Arrighi G.] Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени [Текст] / Дж. Арриги. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. 472 с.
3. Бауман, З. [Bauman Z.] Текущая современность [Текст] / З. Бауман. СПб.: Питер. 2008. 240 с.
4. Вейлл, П. [Vaill P.] Искусство менеджмента [Текст] / П. Вейлл. М.: Сирин. 2002. 204 с.
5. Данилова, Е. Н. Турбулентное время... в Швейцарии [Текст] / Е.Н. Данилова//СОЦИС. 2012. № 3. С. 3–5.
6. Ло, Дж. [Law J.] Объекты и пространства [Текст] / Дж. Ло // Социологическое обозрение. Том 5. 2006. № 1. С. 30–42.
7. Социологический словарь [Текст] / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 608 с.
8. Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь [Текст]/ Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: КРАСАНД. 2015. 480 с.
9. Управление знаниями. Теория и практика: учебник [Текст] / Под ред. А.И. Уринцова. М.: Издательство Юрайт. 2014. 255 с.
10. Ядов, В. А. Каким мне видится будущее социологии [Текст] / В. А. Ядов //СОЦИС. 2012. № 4. С. 3–7.
11. Яницкий, О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска [Текст] / О. Н. Яницкий // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

12. Aaronson, T. The Terror Factory: Inside the FBI's Manufactured War on Terrorism [Text] / T. Aaronson. NewYork: Ig Publishing, 2013. 272 p.

13. Agarwal R., Barney J., Foss N., Klein P. Heterogeneous resources and the financial crisis: implications of strategic management theory [Text] / R. Agarwal, J. Barney, N. Foss, P. Klein // Strategic Organization. November 2009. Vol 7(4), pp. 467–484.

14. Davies S. The Private Provision of Police during the Eighteenth and Nineteenth Centuries [Text] / S. Davies // The Voluntary City: Choice, Community, and Civil Society / Ed. by D.T. Beito, P. Gordon, A. Tabarrok, Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002, pp.191–223.

15. Grunwald A. Modes of orientation provided by futures studies: making sense of diversity and divergence [Text] / A. Grunwald // European Journal of Futures Research. 2014. Vol. 1. Issue 1, Article 30: pp. 1–9

16. Molotch H. Against Security: How We Go Wrong at Airports, Subways, and Other Sites of Ambiguous Danger [Text] / H. Molotch. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2014. 288 p.

References

1. Arnol'd V.I. (1990) Teoriya katastrof. Moscow, Nauka, 128 p. [in Rus].

2. Arrigi Dzh. (2006) Dolgiy dvadtsatyy vek: Den'gi, vlast' i istoki nashogo vremeni. Moscow, Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 472 p. [in Rus].

3. Bauman Z. (2008) Tekuchaya sovremennost'. SPb., Piter, 240 p. [in Rus].

4. Veyll P. (2002) Iskusstvo menedzhmenta. Moscow, Sirin, 204 p. [in Rus].

5. Danilova E. N. (2012) SOTSIS, no. 3, pp. 3–5 [in Rus].

6. Lo Dzh. (2006) Sotsiologicheskoe obozrenie, tom 5, no. 1, pp. 30–42 [in Rus].

7. Sotsiologicheskii slovar' (2010). Otv. red. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. Moscow, Norma, Infra-M, 608 p. [in Rus].

8. Sotsiologiya upravleniya: teoretiko-prikladnyy tolkovyy slovar' (2015). Otv. red. A. V. Tikhonov. Moscow, KRASAND, 480 p. [in Rus].

9. Upravlenie znaniyami. Teoriya i praktika: uchebnik (2014). Pod red. A.I. Urintsova. Moscow, Izdatel'stvo Yurayt, 255 p. [in Rus].

10. Yadov V. A. Kakim mne viditsya budushchee sotsiologii (2012) // SOTSIS, № 4, pp. 3–7 [in Rus].

11. Yanitskiy O.N. Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 6, pp. 155–164 [in Rus].

12. Aaronson T. (2013) The Terror Factory: Inside the FBI's Manufactured War on Terrorism. NewYork, Ig Publishing, 272 p. [in Eng].

13. Agarwal R., Barney J., Foss N., Klein P. (2009) Strategic Organization, November 2009. Vol 7(4), pp. 467–484 [in Eng].

14. Davies S. (2002) The Private Provision of Police during the Eighteenth and Nineteenth Centuries // The Voluntary City: Choice, Community, and Civil Society / Ed. by D.T. Beito, P. Gordon, A. Tabarrok, Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 191–223 [in Eng].

15. Grunwald A. (2014) European Journal of Futures Research, Vol. 1. Issue 1, Article 30, pp. 1–9 [in Eng].

16. Molotch H. (2014) Against Security: How We Go Wrong at Airports, Subways, and Other Sites of Ambiguous Danger, Princeton, Oxford: Princeton University Press, 288 p. [in Eng].

UDC 316.42

SOCIAL MANAGEMENT IN A TURBULENT SOCIETY: ASPECTS OF SECURITY AND RISK

Shchekotin Evgeniy Viktorovich,

Tomsk State University,
Associate Professor of the Department
Chair of Sociology,
Cand.Sc. (Philosophy),
Tomsk, Russia.
E-mail: evgvik1978@mail.ru

Annotation

The article considers the main characteristics of the concept "turbulent society". The author analyzes peculiarities of managing security and risk in the frame of four approaches – system, synergetic, phenomenological and cognitive. The author suggests the approach to managing risk and security based on everyday practice of providing security.

Key concepts:

social management,
social turbulence,
risk,
security.

УДК 172

УПРАВЛЕНИЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Куштым Евгения Александровна,

Образовательная автономная
некоммерческая организация
высшего образования
«Челябинский многопрофильный
институт»,
проректор по научной работе,
заведующая кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
кандидат философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: evgeniya_59@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается значимость гуманитарного знания в системном решении проблем управления, раскрывается актуальность философии управления в условиях модернизации системы образования в России.

Ключевые понятия:

субъектность,
управление,
философия управления,
человеческий капитал,
этика управления.

Управление предприятием, человеческими ресурсами, развитием человеческих ресурсов, как показывает практика, способствует успешному функционированию любой организации. Управление выступает преобразующей и направляющей силой, ориентирующей на достижение поставленной цели. Остановимся на существенных, с нашей точки зрения, моментах.

Первый момент: современное управление связано с современной социально-культурной реальностью. Возникает вопрос: «Каково содержание той самой социально-культурной реальности, которая является основанием управления?». Другой вопрос: «Каковы возможности познания современной реальности, нередко “уплывающей из-под ног”, которая является основанием современного управления?». И вопрос третий: «Каковы, если не гарантии, то критерии определения, что разработанные модели управления по результатам познанной современной реальности и рекомендации по совершенствованию управления завтра будут также актуальны, как и сегодня?». Эти и ряд других вопросов – предмет философии управления, которая, исходя из общечеловеческих идеалов, реализуя свою прогностическую функцию, вырабатывает модели и определяет оптимальные типы управления.

Второй момент: управление, по определению, есть конструктивная деятельность, в основе которой лежит целеполагание. Вопрос: «Почему управление дает сбой и становится неконструктивным?». В первую очередь, потому что нет образа управления, нет представления его целостности. Проблема как раз и состоит в создании такого образа.

Создание образа управления напрямую связано с реализацией человеком творческого потенциала, с проявлением его исследовательской активности. Поисковый инстинкт, или исследовательский инстинкт, или же (как его называют) инстинкт поиска наиболее ярко прослеживается у детей и в животном мире. Например, животное, как бы ни было голодным, но оно всегда сначала исследует территорию и только после этого приступает к еде. Дети все время что-то ищут. Например, ребенок знает все предметы, которые лежат в ящике (пуговики, шурупчики, шнурочки...), но каждый раз он выкладывает из ящика знакомые предметы и ищет. «Ты скажи, что ты ищешь, я тебе дам», – говорит мама ребенку. «Нет, я буду искать», – отвечает ребенок. Оказывается, дело – не в отдельных предметах, а в конфигурациях этих предметов. Сами эти конфигурации (это имеет прямое отношение к управлению) могут быть как разрушительными, так и созидательными. Субъекты управления должны иметь исследовательскую культуру, способность понимать предмет уп-

рвления. И здесь роль философии управления несомненна. В данном случае речь идет о философии в научном ее статусе. Понять предмет (будь то предмет – управление организацией или управление образованием и т.д.) – значит: 1) выявить объективное место этого предмета среди других вещей; 2) выявить причинные связи, породившие предмет; 3) знать функционирование предмета. Без реализации способности к научному исследованию управление невозможно.

Феномен управления обнаруживается уже в русских народных сказках: «Иди туда, не знаю куда» [5]; «Принеси то, не знаю что» [5]. Если первая часть предложений есть побуждение к действию: «Иди, принеси», то вторая часть предложений – «Иди туда» [5], а именно – «не знаю куда» [5]; «принеси то» [5], а именно – «не знаю что» [5] – есть побуждение к творчеству, к реализации способности к исследованию.

Итак, об управлении можно говорить именно в контексте реализации творческого потенциала. Нередко приходится реализовывать творческий потенциал в конкурентной борьбе. В здоровой конкуренции (лучше сказать, соревновательности) нет ничего плохого, ибо соревновательность как раз базируется на разумных основаниях. К сожалению, нередко миссия современных компаний сводится к раскручиванию «себя любимых» для получения материального благополучия. Материальное благополучие важно, никто не против, даже – «за». Но много ли есть таких компаний, которые строят свою деятельность, учитывая не только экономический потенциал, но и соблюдают экологические, этические принципы, принципы здорового мировоззрения? Наверняка, есть такие компании, которые в условиях техногенной цивилизации исходят из нового типа рациональности, стараются создавать будущее на основе «гуманистического управления». Опыт работы таких организаций особенно интересен.

В настоящее время имеет место падение гуманистической составляющей управления. Все чаще работает принцип: «Делай, как я сказал». Налицо нарушение принципа субъектных отношений в управлении. В этой связи показательно, что в содержание понятия «управление» в русскоязычной культуре не включается такой существенный признак, как власть. Управлять – означает идти вперед, прокладывать правильно путь, то есть прямой путь, иначе – нравственный. Гуманистический характер управления предполагает реализацию принципов нравственности. Однако заметим, сама тема, касающаяся нравственности и аморальности управления, доведена в настоящее время, практически, до «кипения» и образует собой зону социального напряжения.

Значимость философии управления состоит в том, что она проставляет акценты не на денежных потоках, появившихся от проданных материальных ресурсов, а делает акцент на человеческом капитале. Речь идет о воплощении творческого потенциала управления в полезный для человека, общества, государства продукт, что, в свою очередь, приводит не только к обновлению средств жизни, но и к совершенствованию субъектов управления, к положительной динамике развития субъектных отношений в человеческом социуме. Прежде всего, это касается управления образованием, особенно – в процессе модернизации российской системы образования. Подготовка квалифицированных кадров – одна из важнейших задач в области образования и науки. Активное использование интерактивных технологий обучения, сотрудничество вузов между собой, а также их сотрудничество в подготовке кадров с современными предприятиями и мн. др. – все это свидетельствует об инновациях в образовательном процессе. И это хорошо, но речь идет о другом: профессорско-преподавательский состав учебного заведения должен быть субъектом управления образованием. Существующее противоречие между тем, что «должно быть» и тем, что «есть», обостряется и тем, согласимся с проф. Б.Я. Якимовичем, что «профессиональное сообщество в принятии решений в системе образования практически не участвует» [6]. «Профессиональное сообщество должно участвовать в принятии решений в сфере образования, может участвовать в форме аккредитации образовательных учреждений и аттестации специалистов» [6, с. 62]. Имеет место другая острая проблема: стремительные темпы проведения мониторингов деятельности учебных заведений, как правило, приводят к закреплению авторитаризма и к уходу от коллегиальности. В ускорившихся темпах бесконечно проводимых мониторингов не потеряй бы драгоценную гуманитарность! За цифрами человека бы не потерять! Мониторинги, безусловно, играют свою положительную роль, однако во всем нужна мера. Современному человеку очень важно овладеть философско-управленческой культурой, обрести «концептуальный разум».

Качество управления, которое формируется и получает свою реализацию в рамках определенной культуры, зависит от развития субъектных отношений. В многомерном мире необходимо актуализировать волю к управлению. Многомерный мир невозможен без управления. Управление есть не что иное, как процесс реализации субъектных отношений в определенной социокультурной среде. В этой связи необходимо не только понимание мировоззренческих основ общественной жизни, но и практические усилия современного человека, способные нести личную ответ-

ственность. Более того, для конструктивного управления важна реализация принципа эффективности самих социокультурных отношений. Философия управления исходит из этого основного посыла.

Гуманистический пафос управления обнаруживается тем больше, чем больше человек-управляющий содержит в себе черты личности (в их числе – способность к диалогическим отношениям; четкие мировоззренческие установки без доминантных национальных чувств и т.п.). Иначе говоря, если отсутствует комфортная среда социокультурной жизнедеятельности и сотрудничества, иначе – если отсутствуют диалогические отношения, о конструктивном управлении не может идти и речи. Под социокультурной жизнедеятельностью понимается гармоничное взаимоотношение между социальными предметами и их культурными значениями, когда осуществляется их взаимовлияние, взаимопосредование, взаимопревращение.

Общечеловеческая глубина понимания управления, как мы отметили выше, невозможна без философской мысли. Философия управления должна изучаться не только как дисциплина в высшем учебном заведении в рамках рабочих программ, философия управления должна изучаться «не на уровне отрывного календаря» (используя терминологию А.А. Вознесенского) [1, с. 148], она должна признаваться научным сообществом в качестве необходимой актуальной составляющей в формировании и развитии современной культурной жизни. Значение философии обнаруживается не только в создании наиболее общего понятия управления, но и в раскрытии его содержания, распространяющегося на все сферы общественной жизни. Именно в этом контексте должно происходить осмысление характерных черт и особенностей преподавания философии управления в вузах, создание интерактивных площадок для популяризации знаний в области управления. Таким образом, «философия управления», по нашему мнению, есть забота о создании среды жизнедеятельности, благоприятствующей положительной динамике развития человека и человеческого социума. Комплексное, системное решение проблем управления возможно лишь с опорой на гуманитарное знание.

В связи с вышесказанным философия управления не есть прихоть мудрствующих, она есть требование времени. Значимость философии управления обнаруживается в том, что она ориентирована не на анализ какой-то одной сферы управления, а ориентирована на управление как таковое, без привязки к той или иной сфере общественной жизни или социальным институтам. Управление, выступая предметом философского ос-

мыслия, должно получить свое адекватное воплощение и в управленческих структурах в системе государственной власти, и в деятельности социальных институтов, и в средствах массовой информации, и в службах по связям с общественностью, и в экономике, и в образовании, и в политике.

Формирование и развитие субъектности человека – обязательное условие конструктивного управления, ибо субъектность есть проявленная воля к созиданию гармоничных отношений в системе управления, она есть динамическая форма укорененности человека в социуме, форма определенности человека как субъекта рефлексии. В онтологическом смысле, субъектность человека есть выражение такого свойства духа человека, отсутствие которого приводит к реальному отсутствию человеческого духа вообще. Отсутствие у человека субъектности приводит к тому, что человек лишается собственно человеческого бытия, ибо перестает быть субъектом диалогических отношений. С одной стороны, только обретение человеком субъектного уровня бытия способствует реализации способности к диалогу (здесь субъектность как условие реализации диалогических отношений); с другой стороны, только реализация человеком способности к диалогу способствует формированию субъектного уровня его бытия (здесь субъектность как результат диалогических отношений).

Философия управления признается нами в качестве значимого феномена культуры. Потребность в разработке концептуальной конструкции управления связана не только с осмыслением и обобщением полученных знаний в рамках отдельных дисциплинарных исследований в области управления, но и с осознанием того, что именно творческое управление приводит к инновациям. Творческое управление, безусловно, занимает свое достойное место в ряду ценностей человеческого социума. Философия управления направлена на осмысление элементов воспроизводства многомерной социальной формы и самих социальных форм, она оказывается между ними и с ними. Иначе говоря, философия управления и не сливается с повседневной жизнью, и не выводит себя за пределы повседневности. Задача, которую решает современная философия управления, – исследовать многообразие управления социальными формами и способы их взаимодействия с целью созидания взаимодействия между людьми и социальными институтами. Управление, по большому счету, связано с социальным проектированием, которое, по замечанию В.Е. Кемерово, «становится все более значимым элементом воспроизводства многомерной социальной формы» [2, с. 31]. «Эта проблема (*проблема социального проектирования* – уточн. Е. Куштым), которую

людям придется решать постоянно, но вне действия заранее определенных шаблонов. И это – проблема, в решение которой по необходимости встроена методологическая работа... перманентного изменения и преобразования средств человеческого взаимодействия» [2, с. 31].

Управление предполагает обязательность созидания со стороны каждого субъекта. Обязательность субъекта и есть его моральность. «Субъект морален в силу своей свободы созидать» [3]. Благодаря обязательности субъекты отношений становятся равноправными субъектами. «Обязательность является самоограничением субъекта перед лицом других, добровольно возложенными на себя обязательствами, которые он непременно исполняет, несмотря ни на какие препятствия. И только через обязательность он становится гражданским субъектом» [4, с. 171–172].

1. Вознесенский, А.А. Ров / А.А. Вознесенский [Текст] // Журнал «Юность». 1989. № 7. 140 с.
2. Кемеров, В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты / В.Е. Кемеров [Текст] // Вестник РФО. 2005. № 3 (35). 256 с.
3. Куштым, Е.А. Субъектное бытие человека: от познания – к созиданию / Е.А. Куштым [Текст] // Академическая наука – проблемы и достижения. Материалы V Международной научно-практической конференции (1-2 декабря 2014, North Charleston, USA). Т. 3. North Charleston, USA, 2014. С. 173-175.
4. Павлов, А.В. Морализм европейского модерн / А.В. Павлов [Текст] // А.В. Павлов. Человеческий взгляд. Избранные статьи научного журнала «Социум и власть». Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2013. 249 с.
5. Пойди туда – не знаю куда [Текст] // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М: Наука, 1984-1985 (Литературные памятники). Т. 2. 1985. С. 108–129.
6. Управление образованием: современные подходы. Интервью с профессором Б.А. Якимовичем [Текст] // Вестник Российского философского общества. Москва: ЗАО «Московские учебники – Сидипресс», 2011. № 2 (58). 259 с.

References

1. Voznesensky A.A. (1989) Magazine «Youth», no. 7, 140 p. [in Rus].
2. Kemerov V.E. (2005) Vestnik RFO, no. 3 (35), 256 p. [in Rus].
3. Kushtym E.A. (2014) Sub'ektnoe bytie cheloveka: ot poznaniya – k sozidaniyu. Academic science – problems and achievements. V materials of International scientific-practical conference (December 1-2, 2014, North Charleston, USA). T. 3. North Charleston, USA, pp. 173-175 [in Rus].
4. Pavlov A.V. (2013) Moralizm evropejskogo moderna. The human eye is. Selected articles of the journal «Society and power». Chelyabinsk: Chelyabinsk branch of Ranepa, 249 p. [in Rus].
5. Poidi tuda – ne znayu kuda (1985). Russian fairy tales by A.N. Afanasyeva. In 3 t. Moscow, Nauka, 1984-1985 (Literary monuments), pp. 108–129 [in Rus].
6. Upravlenie obrazovaniem: sovremennyye podhody. Interv'yu s professorom B.A. Yakimovichem (2011). Bulletin of the Russian philosophical society, no. 2 (58), 259 p. [in Rus].

UDC 172

MANAGEMENT AS REALIZATION OF SUBJECT-SUBJECT RELATIONSHIP

Kushtym Evgeniya Aleksandrovna,
Educational Autonomous Non-Profitable
Organization of Higher Education
“Chelyabinsk Multidisciplinary Institute”,
Prorector for Research,
Head of the Department Chair of the
Humanities and Social and Economic
Disciplines,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: evgeniya_59@mail.ru

Annotation

The article proves the importance of the Humanities in the system management problem solution. The author reveals the relevance of philosophy of management in the context of modernization of the educational system in Russia.

Key concepts:

subjectivity,
management,
philosophy of management,
human capital assets,
ethics of management.

УДК 001+16

КОНЦЕПЦИЯ ВЫБОРА КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Большаков Дмитрий Владимирович,

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет,
аспирант кафедры философии,
г. Пермь, Россия.
E-mail: di_bo13@rocketmail.com

Внутских Александр Юрьевич,

Пермский государственный
национальный
исследовательский университет,
профессор кафедры истории философии,
доктор философских наук, доцент,
г. Пермь, Россия.
E-mail: avnut@inbox.ru

Аннотация

Авторы исходят из того, что выбор является центральным звеном в любой процедуре принятия решения и интерпретируют выбор в контексте общей теории селективных процессов (Внутских, 2006). Рассматривается проблема «свободы воли» и рациональности выбора. Авторы полагают, что ее решение возможно при принятии тезиса о производящей, практической сущности человека, а также идеи «иерархии возможностей». По их мнению, такой подход позволит разработать концепцию выбора и принятия решений как «случайной необходимости».

Ключевые понятия:

выбор,
«свобода воли»,
принятие решений.

Согласно определению профессора Г.В. Сориной принятие решений является важной стороной критического мышления, которое представляет собой «способ мышления, направленный на выявление структурных особенностей рассуждения, проверку соответствия между обоснованно выдвинутыми тезисами и соответствующими им аргументами, оценку выдвинутых тезисов, характеристику контекстов рассуждений с учетом особенностей рассуждающего субъекта» [6, с. 20]. В свою очередь выбор характеризуется ею в качестве ключевого этапа в процессе принятия решений, причем и собственно выбор рассматривается как предполагающий «рефлексию и критику, т.е. целостное критическое мышление» [6, с. 117]. Другой известный отечественный исследователь философских и междисциплинарных аспектов принятия решений, профессор В.С. Диев, подчеркивает, что решение выступает как «процесс и результат выбора цели и способа ее достижения» [5, с. 42].

Получается, что феномен выбора фактически занимает центральное место в процессе принятия решений. Предметом нашего исследования является раскрытие сущностных сторон выбора, который мы предлагаем рассматривать в контексте *общей теории селективных процессов* [2]. Ее основные положения можно охарактеризовать следующим образом:

- *селективный процесс (СП) является неотъемлемой стороной любого развития* – в том числе, неотъемлемой стороной критического мышления и принятия решений в той мере, в которой они способны породить новое;
- любая система, осуществляющая СП включает *предмет* (объект действительности или еще не реализованную возможность), *критерий* и *фактор* СП;
- развитие на фоне практически бесконечного многообразия возможностей может осуществляться в приемлемые для существования наблюдаемой вселенной сроки, только если допустить существование *иерархии возможностей*: наиболее общие возможности, соответствующие наиболее крупным и в известном смысле «предопределенным» этапам развития репрезентируются через особенные и единичные возможности, реализация которых

в форме объектов действительности по форме случайна, но по содержанию направлена на необходимую реализацию всего ряда общих возможностей – при таком понимании СП следует понимать как «случайную необходимость»;

- *СП сам совершенствуется, развивается по мере развития систем, его осуществляющих;*
- *соответственно, выбор как отражение и избирательная реализация возможностей оказывается результатом эволюции более простых, природных форм СП, отбиривших уже реализованные объекты действительности: начиная с биологического уровня организации системы СП «концентрируют» предмет, критерий и фактор селекции в настолько малых пространственно-временных масштабах, что возникает субъект выбора, способный отражать еще не реализованные возможности;*
- *с появлением человека как социального существа выбор выходит за пределы наличной ситуации к которой животное приспособляется: осознаются наиболее глубокие уровни иерархии возможностей (например, закономерности и тенденции развития природных и общественных систем, в том числе, с помощью аппарата математической статистики), что становится основой для научно обоснованного принятия решений и успешной преобразующей деятельности человека.*

Ключевую проблему нашего исследования можно определить так: если исходить из предложенных теоретико-методологических принципов, в каком смысле и в какой степени принятие решений и

его ключевой пункт – выбор – являются свободными и рациональными? Относительно вопроса о свободе выбора существует обширнейшая литература, а сам этот вопрос, начиная с Нового времени, обычно формулируется в терминах проблемы «свободы воли», хотя можно показать, что данная проблематика была в фокусе философского исследования уже в эпоху античности и средних веков. И в новейшей философии дискуссия компатибилистов (которые полагают совместимыми свободу воли и детерминизм) и инкомпатибилистов (которые считают свободу воли и детерминизм несовместимыми) не пришла к определенному результату. Среди метафизически мыслящих исследователей преобладающей точкой зрения, пожалуй, будет та, согласно которой подлинно свободным может быть только никогда не свершающийся выбор «буриданова осла» или «удержание» в состоянии когнитивного или морального выбора по И. Канту, поскольку обнаружение любых оснований выбора «по определению» делает его несвободным. Соответственно, на взгляд этих философов, свободный выбор возможен только в случае, если человек «не весь» находится в мире закономерностей и причинно-следственных связей.

На наш взгляд, эта точка зрения является ошибочной – и не только потому, что она лишает философских оснований теорию принятия решений, имеет своим следствием тенденцию к абсолютизации иррациональной составляющей человеческого выбора (которая в принципе конечно существует). Нам представляется, что человека можно одновременно рассматривать и как существо «посюстороннего» мира, и как существо свободно выбирающее (решающее), если не забывать о его социальной специфике и

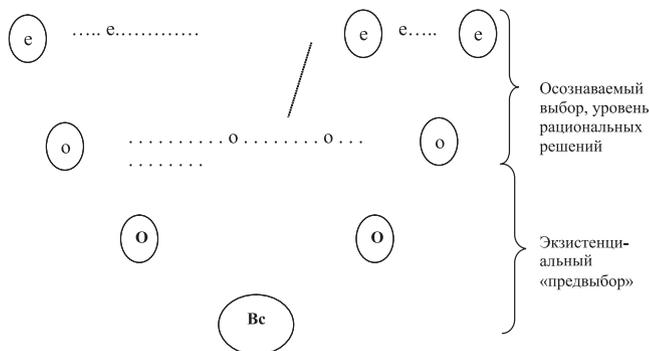

Рис. 1. Иерархия возможностей

- Bc** – всеобщая возможность;
- O** – общие (главные) возможности;
- o** – особенные возможности;
- e** – единичные возможности, реализуемые в виде единичных объектов, как «флуктуаций» наличного состояния действительности (реализованные возможности обведены).

использовать упомянутую идею *иерархии возможностей* (см. рис. 1).

Во-первых, человек, сталкивая различные объективные силы природы и общества в ходе производственной деятельности, *сам* создает иерархию возможностей для дальнейших выборов, хотя никогда полностью не осознает этот процесс и его отдаленные последствия. Производство, труд при таком понимании могут рассматриваться в качестве *объективного основания* выбора, остающегося при этом *свободным*.

Во-вторых, свободный выбор, рациональные решения действительно осуществляются на уровне единичных и особенных возможностей, колоссальное многообразие которых объективно существует. Вместе с тем, свобода выбора и рациональность имеют определенные рамки, создаваемые как миром природы, так и деятельностью человека. Так, согласно В.С. Диеву, «современные подходы предполагают, что, например, решения о целях носят характер ценностного, а не просто механического выбора, при этом важную роль играют установки, привычки, традиции, стереотипы и т. п.... Культура обновляет унаследованные из прошлого ценности и нормы с учетом происходящих в обществе изменений, транслирует их живущим поколениям, вооружает их определенными стереотипами поведения, которые необходимо учитывать при решении задач управления» [3, с. 85]. Также новосибирский исследователь замечает, что, «выбрав критерий сравнения альтернатив, Вы предопределяете свой выбор», причем «выбор критериев зависит от предпочтений субъекта, которые очень трудно формализовать» [4, с. 7–8]. В этом смысле новое понимание получает известная нерациональность человека: ее «необходимо учитывать при анализе решений... эта нерациональность связана не только с ограниченными когнитивными возможностями человека, но также и с тем, что поведение человека определяется его ценностями, потребностями, мировоззрением, волей, установками, привычками, традициями, стереотипами. Поэтому зачастую выбор определяется не столько ясностью мысли, сколько именно этими факторами» [4, с. 12.].

Таким образом, мы сталкиваемся с некоторым фундаментальным «*предвыбором*» и его критериями – *экзистенциальными ценностями* субъекта, которые, в

конечном счете, реализуются во всех его единичных выборах и решениях. Является ли указанный «предвыбор» свободным, может ли субъект сам устанавливать экзистенциальные ценности? И да и нет. Да – потому что человек не есть нечто завершенное, ставшее. В практическом взаимодействии с другими людьми и с природой он в существенной мере создает самого себя, привносит свой собственный смысл в бытие. Нет – потому что наиболее фундаментальная, *всеобщая возможность* в иерархии возможностей, по-видимому, должна иметь в некотором смысле универсальный и непреходящий характер. Что же это за возможность? Или – что это за единый смысл ценностей, в равной степени важный для каждого субъекта (вне зависимости от того, осознает ли, реализует ли он его или нет в своих решениях)? Исходя из системы фактов частных наук и их современных обобщений (например, концепции глобального эволюционизма и ее «философского аналога», концепции единого закономерного мирового процесса), можно констатировать, что единственная «непреходящая возможность» и в мире, и человеке, на каком-то предельном уровне подтверждающая их единство, – это *возможность совершенствования, усложнения, прогресса* [1, с. 79–84].

В эпоху господства постмодернистского дискурса, как известно, отвергающего и значение рационального научного исследования, и «идею прогресса», в пору резкого обострения глобальных проблем, экономического и геополитического кризиса, чреватого возможным уничтожением земного человечества, такое заключение может показаться совершенно необоснованным. Однако на это можно сказать, что конкретные способы реализации возможности прогресса – как и возможные способы бегства субъектов от ее реализации – бесконечно многообразны, что, впрочем, не сказывается на самой этой возможности. Дело в том, что и деградация субъекта, и любые деструктивные его решения, и действия в отношении себя, природы и других людей оказываются, так сказать, «несубстанциальными», поскольку их необходимой основой всегда будет определенный уровень сложности, совершенства, достигнутый природой, человеком, обществом. Для того чтобы существовала тень, в любой ситуации нужен свет, но не наоборот. Думается, что

осознание этого обстоятельства является немаловажным для дальнейшей разработки научной теории принятия решений и ее практической реализации.

1. Барг, О.А. Живое в едином мировом процессе [Текст] / О.А. Барг. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.

2. Внутских, А.Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории [Текст] / А.Ю. Внутских. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. 335 с.

3. Диев, В.С. Две культуры в управлении [Текст] / В.С. Диев // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия. 2006. № 2. С. 82–87.

4. Диев, В.С. Критерии выбора альтернатив: рациональные модели и реальные решения [Текст] / В.С. Диев // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия. 2012. № 1. С. 5–12.

5. Диев, В.С. Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте [Текст] / В.С. Диев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2. С. 41–51.

6. Сорина, Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность [Текст] / Г.В. Сорина. М.: «Канон+», «Реабилитация», 2009. 272 с.

References

1. Barg O.A. (1993) Zhivoe v edinom mirovom processe. Perm, Perm University, 227 p. [in Rus].

2. Vnutskikh A. Ju. (2006) Otbor v prirode i otbor v obshchestve: opyt konkretno-vseobshhej teorii. Perm, Perm University, 335 p. [in Rus].

3. Diev V.S. (2006) Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofija, no. 2, pp. 82–87 [in Rus].

4. Diev V.S. (2012) Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofija, no. 1, pp. 5–12 [in Rus].

5. Diev V.S. (2013) Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofija. Sociologija. Politologija, no. 2, pp. 41–51 [in Rus].

6. Sorina G.V. (2009) Prinjatie reshenij kak intellektual'naja dejatel'nost'. Moscow, «Canon+», «Rehabilitation», 272 p. [in Rus].

UDC 001+16

CONCEPTION OF CHOICE AS AN ELEMENT OF THE THEORY OF MAKING DECISIONS

Bolshakov Dmitriy Vladimirovich,

Perm State University,
Post-graduate Student of the Department
Chair of Philosophy,
Perm, Russia.

E-mail: di_bo13@rocketmail.com

Vnutskikh Aleksander Yuryevich,

Perm State University,
Professor of the Department Chair of the
History of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Perm, Russia.

E-mail: avnut@inbox.ru

Annotation

The authors proceed from the fact that choice is a central core in any procedure of making decisions and interpret choice in the context of the general theory of selective processes (Vnutskikh, 2006). The article considers the problem of “free will” and rationality of choice. The authors suppose that its solving is possible if we accept the thesis about producing and practical essence of a man, and also the idea of “possibility hierarchy”. In their opinion such approach will help develop a conception of choice and making decisions as an “accidental necessity”.

Key concepts:

choice,
free will,
making decisions.

УДК 376: 371.6

ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СУБЪЕКТАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Артёмова Ольга Васильевна,

Уральский социально-экономический институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, директор, доктор экономических наук, профессор, г. Челябинск, Россия.

E-mail: na02@yandex.ru

Логачёва Наталья Модестовна,

Уральский институт экономики, управления и права (Курганский филиал), заведующий кафедрой экономических дисциплин,

доктор экономических наук, доцент, г. Курган, Россия.

E-mail: NMLogacheva@yandex.ru

Аннотация

На основе социологического опроса и авторской методики оценки определены уровни доступности инфраструктуры в сфере образования для населения регионов УрФО. Выявлены особенности функционирования и проблемы развития данной инфраструктуры с позиции потребителей.

Ключевые понятия:

социальная инфраструктура, регион, доступность, качество жизни, социологическое исследование.

Развитие социальной инфраструктуры региона – важнейший фактор, влияющий на уровень и качество жизни населения, а доступность инфраструктуры в сфере образования наиболее ярко демонстрирует наличие у жителей региона возможностей по развитию человеческого потенциала. Важно, чтобы развитие социальной инфраструктуры в сфере образования было ориентировано на интересы, запросы населения и способствовало повышению его доступности. Однако для принятия решений по развитию и обеспечению доступности такой инфраструктуры важно оценить ее состояние на текущий момент, выявить потенциал ее развития и разработать конкретную программу действий. При этом необходимо собрать, обобщить и проанализировать информацию от поставщиков и потребителей услуг в сфере образования на предмет использования и доступности инфраструктуры.

Для выявления влияния состояния и развития инфраструктуры образования на потребителей авторами была проведена оценка доступности социальной инфраструктуры регионов в 2013 г., которая остается актуальной и в настоящее время [4]. С этой целью был осуществлен социологический опрос населения в четырех субъектах Уральского федерального округа (Курганская, Свердловская, Тюменская и Челябинская области).

Задачами опроса являлись:

- 1) определение уровня доступности инфраструктуры в сфере образования для населения регионов;
- 2) выявление особенностей функционирования и проблемных зон развития данной инфраструктуры.

При этом авторы учитывали параметры оценки (основные и дополнительные), представленные на рис. 1.

Объем выборки составил 400 человек, что представляется оправданным для целей поискового исследования и возможности осуществления сопоставительного анализа в региональном разрезе. В опросе приняли участие представители различных возрастных групп, большая часть опрошенных респондентов – молодежь в возрасте до 35 лет (59%), что значимо с точки зрения целей исследования, поскольку в основном на эту возрастную группу ориентированы задачи социальной региональной политики в области развития инфраструктуры образования.

Результаты исследования представлены в соответствии с предложенными

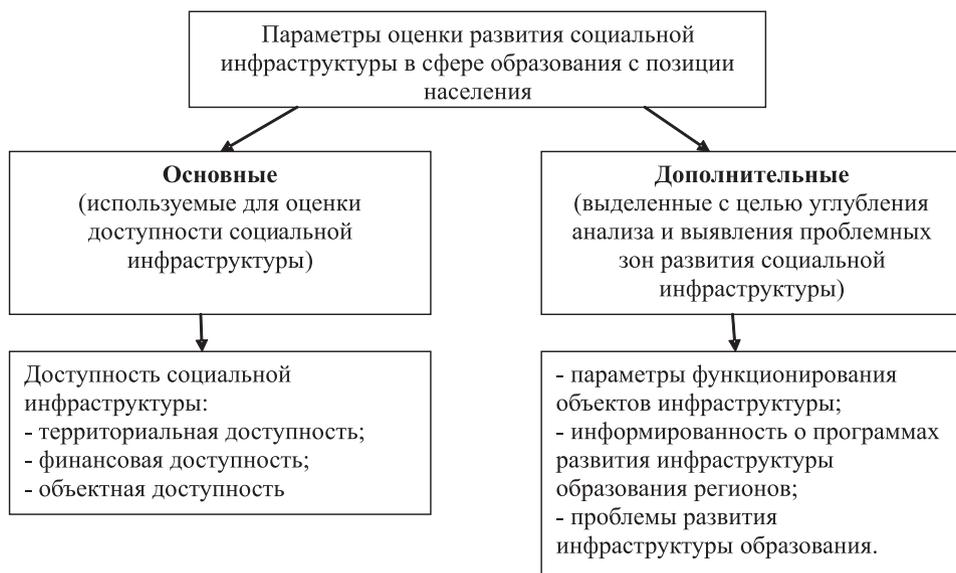

Рисунок 1. Параметры оценки развития социальной инфраструктуры в сфере образования с позиции населения

Таблица 1

Показатели, характеризующие доступность социальной инфраструктуры с позиции потребителей

Показатель	Какой аспект социальной инфраструктуры характеризует	Как определяется потребителем
1. Территориальная доступность	территориальную локализацию	удобством транспортных маршрутов, шаговой доступностью
2. Финансовая доступность	ориентацию на потребителя	стоимостью услуг и возможностью их приобретения
3. Объектная доступность	объекты социальной инфраструктуры	фактом наличия объектов на территории

параметрами оценки. В рамках анализа основных параметров развития категория «доступность» (предполагающая наличие объекта и возможность его использования) исследовалась и оценивалась посредством включения трех составляющих (таблица 1).

Для оценки территориальной доступности объектов инфраструктуры использовался вопрос об удобстве транспортных маршрутов (при этом шкала оценок задавалась в баллах, по шкале от 1 до 5, где 1 – полная неудовлетворенность респондентом, 5 – полная удовлетворенность), а при ответе на вопрос учитывались следующие объекты инфраструктуры: дошкольные, общеобразовательные учреждения, а также учреждения начального, среднего

профессионального и высшего образования (таблица 2).

В среднем оценка территориальной доступности варьируется по регионам:

– более удовлетворены уровнем территориальной доступности респонденты из Свердловской и Челябинской областей (3,65 и 3,68 балла соответственно);

– в меньшей степени – респонденты Тюменской и Курганской областей (3,05 и 3,09 балла соответственно).

Для детализации оценки был предложен вопрос относительно затрат времени на дорогу до определенного объекта инфраструктуры (таблица 3).

В качестве критерия сравнения был принят норматив транспортной доступ-

Таблица 2

Оценка территориальной доступности инфраструктуры образования населением регионов УрФО, балл

Объекты инфраструктуры образования региона	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область
Дошкольные образовательные учреждения	3,48	3,45	3	4
Общеобразовательные учреждения (школы)	3,57	3,41	3,6	3,94
Учреждения начального профессионального образования (НПО)	3	4,25	3	3,4
Учреждения среднего профессионального образования (СПО)	2,38	3,63	2,29	3,43
Учреждения высшего образования (ВО)	3,01	3,51	3,37	3,64
Средняя оценка по региону	3,09	3,65	3,05	3,68
Примечание. Данные получены авторами на основании опроса населения.				

Таблица 3

Средние затраты на дорогу от места проживания до образовательных учреждений (в минутах)

Транспортная доступность	Регионы УрФО			
	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область
До дошкольного образовательного учреждения	12	20	27	20
До общеобразовательного учреждения (школы)	16	24	20	14
До учреждения НПО	20	45	50	23
До учреждения СПО	29	67	48	30
До учреждения ВО	33	45	37	45
В среднем по городу	22	40,2	36,4	26,4

ности до объектов социальной инфраструктуры¹:

– пешеходная доступность (300–500 метров) – для дошкольных образовательных и общеобразовательных учреждений;

– транспортная доступность до 30 минут: для учреждений профессионального образования (начального, среднего, высшего).

Наиболее близки к указанным временным затратам были данные по Курганской и Челябинской областям. Что касается пешеходной доступности до садиков, то она определяется не только их местоположением по отношению к местам проживания, но и распределением детских путевок в дошкольное учреждение, которое в настоящее время не всегда учитывает место проживания ребенка. Большие затраты по

¹ Об утверждении СанПиН 2.4.1.2660-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы в дошкольных организациях: постановл. Главного государственного санитарного врача РФ от 22.07.2010 г. № 91 (ред. от 20.12.2010). – п. 2.4; Об утверждении СанПиН 2.4.2.2821-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях: постановл. Главного государственного санитарного врача РФ от 29.12.2010 г. № 189 (ред. от 29.06.2011). – п. 2.4.

времени до учреждений профессионального образования связаны не только с расположением объектов инфраструктуры по отношению к жилым домам, но и особенностями организации транспортной системы в регионе. Таким образом, данные по затратам времени на дорогу подтверждают предыдущую оценку транспортной доступности по регионам на уровне ближе к среднему.

Анализ данных в региональном разрезе показал, что при оценке образовательных учреждений различных уровней наибольшие баллы (в среднем) ставили респонденты Челябинской области, а низкие – Тюменской области.

Для оценки следующего параметра, связанного с объектной доступностью, использовался вопрос «Доступны ли Вам в Вашем городе образовательные

Таблица 4

Оценка финансовой доступности инфраструктуры образования населением регионов УрФО, балл²

Удовлетворенность стоимостью услуг инфраструктуры образования	Регионы УрФО				Среднее по параметру
	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область	
Дошкольные образовательные учреждения	3,83	3,4	2,8	3,67	3,42
Общеобразовательные учреждения (школы)	3,55	3,35	3,42	4,25	3,64
Учреждения НПО	2,83	3,13	3,19	4,02	3,29
Учреждения СПО	2,87	3,12	2,65	3,68	3,08
Учреждения ВО	2,77	3,37	2,34	2,74	2,8
Среднее по региону	3,17	3,27	2,88	3,67	3,25

Примечание – Данные получены на основании опроса населения.

Для оценки финансовой доступности был предложен вопрос об удовлетворенности стоимостью услуг, предоставляемых инфраструктурой образования (таблица 4).

Анализ мнений респондентов в целом по массиву позволил расположить объекты инфраструктуры образования в порядке возрастания финансовой доступности:

- учреждения ВО;
- учреждения СПО;
- учреждения НПО;
- дошкольные образовательные учреждения;
- общеобразовательные учреждения (школы).

Полученные данные совпадают с исследованиями Независимого института социальной политики, проводимыми ранее [6]. Проблемы доступности высшего образования глубоко исследованы в книге «Доступность высшего образования в России», где авторы подчеркивают, что различие в доходах существенно влияет на различие в доступности, особенно к качественному образованию [2].

услуги следующих учреждений?» (таблица 5).

В целом респонденты отмечают достаточно высокий уровень доступности образовательных учреждений. Наибольшей доступностью отличаются школы (81,7% удовлетворительных ответов), наименьшей – дошкольные учреждения (59,3%). Высокой стоимостью и, как следствие – проблемами с доступностью услуг характеризуются, по мнению опрошенных, учреждения высшего образования (15,5% неудовлетворительных ответов при оценке факта доступности учреждений ВО), что подтверждает предыдущие оценки по уровню финансовой доступности объектов инфраструктуры образования (где учреждения ВО указаны как наименее доступные с финансовой точки зрения).

Наиболее доступны для населения общеобразовательные учреждения, а также учреждения начального и среднего профессионального образования (училища, техникумы, колледжи). Объектная недоступность, обусловленная нехваткой объектов, харак-

² Шкала оценок от 1 до 5, где 1 – полная неудовлетворенность, 5 – полная удовлетворенность.

Таблица 5

**Оценка доступности услуг учреждений образования (по всей выборке),
% от числа респондентов**

Объекты социальной инфраструктуры региона	Да, доступны	Нет, так как их недостаточно	Нет, так как они дороги	Нет, по другим причинам	Итого
Дошкольные образовательные учреждения	59,3	19,5	7,3	14	100
Общеобразовательные учреждения (школы)	81,7	8	1,3	9	100
Учреждения начального профессионального образования (училища)	72,5	10	1,5	16	100
Учреждения среднего профессионального образования (техникумы, колледжи)	75	11,5	1,5	12	100
Учреждения высшего образования	66,8	9,5	15,5	8,3	100
В среднем	71,0	11,7	5,4	11,9	100

терна для дошкольных образовательных учреждений (что отмечают 19,5% опрошенных). В среднем 71% опрошенных заявляет о доступности им услуг объектов инфраструктуры образования в регионе проживания.

В ходе анализа доступности образовательной системы в региональном разрезе значимых различий выявлено не было, респонденты обследованных регионов проявили единодушие в своих мнениях.

На основе применения разработанной авторами методики оценки доступности социальной инфраструктуры для населения регионов и полученных в ходе опроса данных были определены частные балльные оценки и интегрированный показатель доступности по регионам УрФО (таблица 6).

В региональном разрезе уровень доступности инфраструктуры образования характеризуется следующим образом:

Таблица 6

Доступность инфраструктуры образования для населения регионов УрФО, балл

Параметры доступности	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область
Объектная доступность: Дошкольные образовательные учреждения	2,05	3,35	3,25	3,2
Общеобразовательные учреждения	4,3	4,05	4,1	3,9
Учреждения начального профессионального образования (НПО)	3,85	3,3	3,8	3,55
Учреждения среднего профессионального образования (СПО)	3,9	3,45	3,95	3,7
Учреждения высшего образования (ВО)	2,85	3,35	3,65	3,5
Финансовая доступность	3,2	3,31	2,87	3,85
Территориальная доступность	3,09	3,65	3,05	3,68
Доступность в регионе	23,24	24,46	24,67	25,38
Максимальная доступность	35	35	35	35
Уровень доступности	66,4	69,9	70,5	72,5

1) наименее доступны услуги учреждений образования для жителей Курганской области (23,24 балла, средний уровень). В рамках объектной доступности наименее доступны дошкольные образовательные учреждения (2,05 балла, ранее было показано, что это связано с нехваткой объектов инфраструктуры данного типа) и учреждения высшего образования (2,85 балла, по причине финансовой недоступности);

2) в Свердловской области уровень доступности средний (балльная оценка 24,46), при этом объектная доступность по типам учреждений демонстрирует практически равные оценки (за исключением общеобразовательных учреждений с более высокой оценкой – 4,05 балла). По оценкам финансовой и территориальной доступности регион занимает второе место в УрФО, уступая лишь Челябинской области;

3) Тюменская область с балльной оценкой 24,67 и уровнем доступности 70,5% занимает второе место в округе. Отличительной особенностью региона является

ния дали респонденты Челябинской области (25,38 балла, 72,5% – средний уровень). По оценкам финансовой и территориальной доступности регион занимает первое место среди субъектов УрФО, объектная доступность – на уровне 3–4 баллов.

Блок дополнительных параметров, исследованных в рамках опроса населения, позволил составить более полное представление об особенностях функционирования объектов инфраструктуры, информированности населения о программах ее развития в регионах, а также выявить проблемы развития с позиции потребителей.

С целью оценки параметров функционирования учреждений образования респондентам были предложены следующие характеристики: стоимость услуг, уровень профессиональной подготовки преподавателей, техническое состояние учебных помещений, оснащенность учебных аудиторий, удобство транспортных маршрутов. Результаты оценки параметров приведены в таблице 7.

Таблица 7

Оценка параметров функционирования инфраструктуры образования, балл

Объекты социальной инфраструктуры региона	Стоимость услуг	Уровень профессиональной подготовки преподавателей	Техническое состояние учебных помещений	Оснащенность учебных аудиторий	Удобство транспортных маршрутов	В среднем по учреждению
Дошкольные образовательные учреждения	3,42	3,67	3,48	3,38	3,48	3,49
Общеобразовательные учреждения (школы)	3,64	3,68	3,41	3,42	3,63	3,56
Учреждения НПО	3,29	3,17	3,49	3,33	3,41	3,34
Учреждения СПО	3,08	3,75	3,68	3,37	2,93	3,36
Учреждения ВО	2,8	4,01	3,72	3,71	3,38	3,52
В среднем по параметру	3,25	3,66	3,56	3,44	3,37	3,46

самая низкая балльная оценка финансовой доступности объектов инфраструктуры образования (при условии того, что по величине среднедушевых доходов населения регион занимает в округе первое место) и оценка территориальной доступности (3,05 балла, предпоследнее место в округе);

4) наибольшую балльную оценку доступности объектов инфраструктуры образова-

Анализ мнений респондентов в целом по массиву позволил расположить критерии работы учреждений образования в порядке от удовлетворенности в большей мере до неудовлетворенности:

- уровень профессиональной подготовки преподавателей;
- техническое состояние учебных помещений;

- оснащенность учебных аудиторий;
- удобство транспортных маршрутов;
- стоимость услуг.

Необходимо отметить достаточно высокие оценки учреждений системы образования: даже самая низкая оценка (3,25 балла) ближе к оценке «скорее удовлетворен», нежели к негативному полюсу, что свидетельствует в целом об удовлетворенности граждан параметрами функционирования образовательной системы в их регионе.

Тем не менее частные оценки параметров иллюстрируют проблемные зоны, имеющие место на уровне различных образовательных учреждений. Так, стоимость услуг в учреждениях высшего образования является фактором, затрудняющим получение услуг этих учреждений (что подтверждается ранее отмеченными мнениями респондентов, где учреждения занимают последнее место в иерархии по уровню финансовой доступности). Подобные оценки сопровождаются достаточно высокими оценками в сравнении с другими учреждениями уровня квалификации работников (4,03 балла). Существенной поляризации оценок других параметров не отмечается (помимо анализируемого выше транспортного критерия), разброс между нижним и верхним пределом составляет 0,3–0,4 балла, что не является существенным.

наиболее актуальными в регионах, были также исследованы в рамках опроса. Результаты мнений респондентов относительно информированности отражены в таблице 8.

Так, большая часть опрошенных (53%) оказалась в той или иной мере информирована об образовательных программах, реализуемых на территории региона. Слышали о реализуемых программах развития, но не знакомы с содержанием 40,5%, а каждый 8-й опрошенный демонстрировал высокую степень информированности и заявлял, что знает о существовании программ и знаком с их содержанием. Тем не менее, практически половина опрошенных (47%) отличилась низкой степенью информированности: каждый третий не осведомлен ни об одной программе развития сферы образования, каждый седьмой опрошенный затруднился с ответом. Удалось также установить территориальные различия в уровне информированности граждан (столбцы 3–6 таблицы 8).

Наиболее информированными оказались жители Челябинской области (те, кто слышал о них, вне зависимости от знакомства с содержанием самих программ – 69% респондентов), наименее информированы жители Тюменской области (слышали о программах развития образования 36%).

Таблица 8

Результаты ответа на вопрос: «Знаете ли Вы о программах развития образования, реализуемых на территории Вашего региона?»

Варианты ответа	% ответивших				
	по выборке	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область	Челябинская область
1	2	3	4	5	6
Да, слышали и знакомы с их содержанием	12,50	5,00	20,00	5,00	20,00
Да, слышали, но не знакомы с их содержанием	40,50	49,00	33,00	31,00	49,00
Нет, ни разу не слышали об этом	32,75	32,00	34,00	45,00	20,00
Трудно сказать	14,25	14,00	13,00	19,00	11,00
Итого:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Информированность населения о программах развития инфраструктуры образования и проблемы, которые с позиции респондентов являются в данной сфере

Что касается мнения населения в отношении проблемных зон развития инфраструктуры образования, то распределение мнений представлено в таблице 9.

Результаты ответа на вопрос: «С какими проблемами Вы, как потребитель образовательных услуг, сталкивались в своем регионе?»

Вариант ответа	% ответивших
1. Недостаточное финансирование	41,00
2. Невысокая заинтересованность местных властей в развитии инфраструктуры образования	31,50
3. Нехватка кадров	30,00
4. Финансовая недоступность для населения	27,00
5. Плохое техническое состояние зданий, необустроенная прилегающая территория	21,25
6. Недостаточное количество учреждений	17,00
7. Нет никаких проблем	15,50
8. Неудобство маршрутов общественного транспорта	12,00
9. Низкое качество обслуживания	11,50
10. Низкая квалификация работников	9,50
11. Другое	1,50
Итого:	217,75 ³

Наиболее значимыми проблемами развития инфраструктуры образования респонденты считают: недостаточное финансирование, невысокую заинтересованность местных властей в ее развитии, нехватку кадров. Финансовая и объектная недоступность инфраструктуры образования для населения регионов, соответственно, занимают четвертое и шестое место.

Завершая анализ результатов опроса, отметим, что проблема финансирования не всегда может быть решена за счет средств бюджета субъекта РФ (недостаточный бюджет, ограничения по статьям расходов и др.), следовательно, нужно искать другие источники и инструменты (например, использовать потенциал государственно-частного партнерства).

Надо понимать, что недооценка роли инфраструктуры образования ведет к замедлению развития человеческого потенциала населения. Сегодня необходимо переосмыслить ее роль и учитывать в целевых ориентирах программ регионального развития. Очевидно, что без кардинального улучшения ситуации с человеческим потенциалом (его качественными и количественными характеристи-

ками) трудно говорить о формировании в России новой технологической базы и о повышении ее конкурентоспособности [3,5]. Ее развитие позволит повысить уровень образования населения и привлечь молодежь из других регионов (для получения образования), которая может пополнить трудовые ресурсы региона, повышая благосостояние свое и региона [1]. Это важно, так как недостаток и деградация трудовых ресурсов может стать препятствием долгосрочного социально-экономического развития.

Проведенное исследование доказывает, что уровни доступности социальной инфраструктуры (территориальный, объектный, финансовый), несмотря на имеющиеся различия между регионами, не удовлетворяют потребности населения в достаточной степени. При этом в качестве самых актуальных проблем развития выделяются: недостаточное финансирование, невысокая заинтересованность местных властей в ее развитии.

В заключение отметим, что оценка доступности с позиции населения представляется существенным инструментом для прогнозирования и определения направлений

³ Более 100 %, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

дальнейшего развития инфраструктуры образования в регионах.

1. Дорждеева, В.А. Соотношение образования и качества жизни населения в современной России [Текст] // Вопросы экономики и права. – 2014. – №69. – С. 69–104.

2. Доступность высшего образования в России [Текст] / отв. ред. С.В. Шишкин. – М.: Поматур, 2004. – С. 14.

3. Ефимова, Л.А. Тенденции развития образования населения России [Текст] // Вестник ФГОУ ВПО Московский агроинженерный университет им. В.П. Горячкина. – 2014. – № 4. – С. 19–24.

4. Логачева, Н.М. Развитие социальной инфраструктуры регионов РФ: теоретические, методологические, прикладные аспекты: дис.. доктора экон. наук: 08.00.05 / [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т], Челябинск, 2013 – 378 с.

5. Савина, И.В., Басовский Л.Е. Качество высшего образования занятого населения современной России [Текст] // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2014. – Т. 2 – № 1 (7). – С. 44–49.

6. Социальная дифференциация высшего образования [Текст] / отв. ред. С.В. Шишкин; Независимый институт социальной политики. – М., 2005. – 384 с.

References

1. Dorzhdeeva, V.A. (2014) Sootnoshenie obrazovaniya i kachestva zhizni naseleniya v sovremennoj Rossii //Voprosy jekonomiki i prava. № 69. p. 69–104 [in Rus].

2. Dostupnost' vysshego obrazovaniya v Rossii (2004) / отв. red. S.V. Shishkin. Moscow, Pomatur, p. 14 [in Rus].

3. Efimova, L.A. (2014) Tendencii razvitija obrazovaniya naselenija Rossii // Vestnik FGOU VPO Moskovskij agroinzhenernyj universitet im. V.P. Gorjachkina. № 4. P. 19–24 [in Rus].

4. Logacheva, N.M. (2013) Razvitie social'noj infrastruktury regionov RF: teoreticheskie, metodologicheskie, prikladnye aspekty: dis.. doktora jekon. nauk: 08.00.05 / [Mesto zashhity: Juzh.-Ur. gos. un-t], Cheljabinsk, 2013. 378 p. [in Rus].

5. Savina, I.V., Basovskij L.E. (2014) Kachestvo vysshego obrazovaniya zanjatogo naselenija sovremennoj Rossii // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Jekonomika. Tom.2. № 1 (7). P. 44–49 [in Rus].

6. Social'naja differenciacija vysshego obrazovaniya (2005) / отв. red. S.V. Shishkin; Nezavisimyj institut social'noj politiki. Moscow. 384 p. [in Rus].

UDC 376: 371.6

ESTIMATING AVAILABILITY OF SOCIAL INFRASTRUCTURE IN EDUCATIONAL SPHERE IN CONSTITUENT TERRITORIES OF URALS FEDERAL DISTRICT (ON THE BASIS OF THE RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL SURVEY)

Artemova Olga Vasilyevna,

Ural Social and Economic Institute (branch) of the Academy of Labour and Social Relations,

Director,

Doctor of Economics, Professor,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail:na02@yandex.ru

Logacheva Natalya Modestovna,

South Ural Institute of Economics, Management and Law (Kurgan branch), Head of the Department Chair of Economic Disciplines,

Doctor of Economics, Associate Professor,

Kurgan, Russia.

E-mail: NMLogacheva@yandex.ru

Annotation

On the basis of the sociological survey and proprietary methodology of estimation the authors define levels of availability of infrastructure in educational for population of Urals Federal District. The article specifies functioning and problems of development of the stated infrastructure from the standpoint of consumers.

Key concepts:

social infrastructure,
region,
availability,
quality of living,
sociological survey.

УДК 631.162

ОЦЕНКА СПРАВЕДЛИВОЙ СТОИМОСТИ БИОЛОГИЧЕСКИХ АКТИВОВ МЯСНОГО СКОВОДСТВА

Шаврина Юлия Олеговна,

Оренбургский государственный аграрный университет, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита, кандидат экономических наук, г. Оренбург, Россия.
E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме формирования справедливой стоимости биологических активов в мясном скотоводстве. Автор обоснована необходимость оценки биологических активов по справедливой стоимости. Исследованы методы расчета справедливой стоимости активов. Также доказана необходимость совершенствования учетно-аналитической информации в период банкротства сельскохозяйственных организаций. Для снижения рисков банкротства предложены подходы к формированию данных бухгалтерской отчетности. Так, автор полагает, что при введении финансового оздоровления следует применить в учете принципы представления информации динамического баланса, а при введении конкурсного производства – статического баланса. Оценка биологических активов мясного скотоводства по справедливой стоимости с позиций динамического баланса предложено выполнять доходным методом, а с позиций статического баланса – затратным методом. В статье изложена авторская методика оценки справедливой стоимости животных с учетом их индивидуальных особенностей, а именно упитанности. При применении затратного метода расчет потери потребительских свойств быков мясного скотоводства предложено проводить с учетом коэффициента потери потребительских свойств мяса говядины, он отражает соотношение в мясе мышечной и жировой массы.

Ключевые понятия:
финансовое оздоровление,
биологические активы,
справедливая стоимость.

Для определения финансовой несостоятельности организации используют систему показателей, изложенную в ФЗ «О банкротстве»¹.

Массовое банкротство сельскохозяйственных организаций Оренбургской области предполагает разработку мероприятий по финансовому оздоровлению на основе учетно-аналитической информации. В этой связи особого внимания заслуживает оценка и порядок раскрытия отчетной информации о биологических активах.

Источником информации о финансовом положении и финансовых результатах деятельности организации является бухгалтерская финансовая отчетность. Она должна обеспечивать достоверность информации. Современная система нормативного регулирования бухгалтерского учета в РФ включает в себя четыре уровня: федеральные стандарты, отраслевые стандарты, рекомендации в области бухгалтерского учета, стандарты экономического субъекта². Вместе с тем международные стандарты отчетности введены на территории РФ. Согласно этому отечественным организациям предоставлено право использовать при разработке систем учета те методы МСФО, которые не закреплены в отечественных стандартах³. Следовательно, федеральные стандарты включают в себя и положения по бухгалтерскому учету, и международные стандарты финансовой отчетности. Отраслевым стандартом сельского хозяйства в Международной системе учета и отчетности является МСФО 41 «Сельское хозяйство». У данного стандарта не существует отечественных аналогов. Следовательно, при разработке системы учета биологических активов сельскохозяйственные организации должны руководствоваться нормами МСФО 41 «Сельское хозяйство». Под биологическими активами понимаются живые растения и животные, которые проходят биотрансформацию, то есть процесс роста, в результате чего происходят качественные и количественные измене-

¹ Система показателей финансовой несостоятельности включает группы показателей ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости. Затем полученные значения сравниваются с нормативными значениями.

² Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О бухгалтерском учете».

³ Приказ Минфина России от 25.11.2011 N 160н (ред. от 02.04.2013, с изм. от 21.01.2015) «О введении в действие Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности на территории Российской Федерации».

ния живого организма и получается сельскохозяйственная продукция⁴.

Применять МСФО 41 для учета сельскохозяйственной продукции можно только в момент ее получения. Также в стандарте предложена классификация биологических активов, которая может быть использована в системе их учета и оценки. Биологические активы подразделяются на потребляемые и плодоносные (продуктивные), зрелые и незрелые. Что касается мясного скотоводства, то крупный рогатый скот мясного направления – это потребляемые биологические активы, среди них выделяют зрелые и незрелые.

Зрелые биологические активы в данных текущего учета отражаются на счете 01 «Основные средства» субсчет «Рабочий и продуктивный скот», а в отчетности – в первом разделе бухгалтерского баланса «Внеоборотные активы» по строке «Основные средства». Незрелые биологические активы в бухгалтерском учете отражаются по счету 11 «Животные на выращивании и откорме», а в бухгалтерском балансе – в составе строки «Запасы». С этих же позиций биологические активы подразделяются на долгосрочные и краткосрочные. Биологические активы принято отражать по справедливой стоимости.

Справедливая стоимость – это цена, которая может быть получена при продаже актива или уплачена при передаче обязательства при проведении операции на добровольной основе между участниками рынка на дату оценки⁵.

На сегодняшний день накоплен большой опыт в исследованиях категории «справедливая стоимость биологических активов».

Проблемам учета и оценки активов по справедливой стоимости посвящены работы В.Г. Гетьмана, Э.С. Дружиловской, В.П. Трофимова. Они приводят положительные моменты в формировании показателей бухгалтерской отчетности по справедливой стоимости. В.Г. Гетьман дает

критическую оценку исторической стоимости активов. Он полагает, что отчетные данные об основных средствах и запасах, представляют собой суммарную величину разрозненных исторических стоимостей⁶. А оценка по справедливой стоимости сформирует информационную базу об активах применительно к определенному моменту времени [1; 2].

Э.С. Дружиловская и В.П. Трофимов в своих работах обосновывают, что оценка активов по справедливой стоимости будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности организации [3; 9].

О.В. Иванова в качестве отрицательных моментов реализации справедливой стоимости приводит отсутствие методик ее оценки в системе нормативного регулирования [5]. Также она выделяет, что оценка активов по справедливой стоимости – это очень трудоемкий процесс, который требует от бухгалтеров глубоких знаний и компетентности [6].

Ю.И. Сигидов и М.А. Коровина считают, что отрицательным в оценке активов по справедливой стоимости является большое количество допущений⁷ и субъективных факторов [8].

В трудах современных ученых нет единого подхода в разработке методики оценки справедливой стоимости биологических активов. Также не отражены особенности формирования отчетных данных по справедливой стоимости в условиях банкротства организации.

В Международной системе учета и отчетности предложено три способа определения справедливой стоимости: рыночный, доходный и затратный⁸. При использовании рыночного подхода предполагается, что актив или обязательство должны быть оценены по цене аналогичной текущей сделки, совершенной на свободном рынке при прочих равных условиях. Применение данного способа оценки в отечественной практике затруднено недостаточностью информации о ценах на свободном рынке. В этом случае

⁴ Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 41 «Сельское хозяйство» (ред. от 11.06.2015) (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 25.11.2011 N 160н)

⁵ Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» (ред. от 17.12.2014) (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 18.07.2012 N 106н).

⁶ Величина разрозненных исторических стоимостей активов представлена в современной модели бухгалтерского баланса [1, с. 58].

⁷ Допущения в расчете справедливой стоимости активов предполагают реализацию элементов иерархии данных для оценки справедливой стоимости. В случае отсутствия достоверных данных первого уровня используют менее достоверные данные [9, с. 3].

⁸ Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» (ред. от 17.12.2014) (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 18.07.2012 N 106н).

можно применять доходный или затратный способы оценки активов. Доходный способ предполагает оценить справедливую стоимость активов исходя из расчета чистого денежного потока, связанного с их использованием в течение последующего периода времени. Затратный способ определяет справедливую стоимость как стоимость за-

В рамках реализации данной программы был приобретен племенной скот мясного направления (таблица 1). Исследование показало, что из 42 хозяйств – участников программы «Развитие мясного скотоводства в Оренбургской области», в районах восточной зоны Оренбургской области 18 объявлены финансово несостоятельными.

Таблица 1

Развитие мясного скотоводства в сельскохозяйственных организациях восточной зоны Оренбургской области

Наименование района	Количество хозяйств	Количество мясного скота, тыс. голов	Количество коров, тыс. голов	Количество племенного скота, тыс. голов
Адамовский	13	11958	4430	423
Кваркенский	7	5914	2685	231
Новоорский	6	3698	1237	87
Светлинский	8	3768	2368	114
Ясненский	8	3592	1380	134
Итого	42	28930	12100	989

мещения или воспроизводства подобного актива в данный момент времени. В условиях процедуры банкротства, после введения стадии наблюдения, возможны два варианта: финансовое оздоровление или конкурсное производство⁹. С точки зрения теории балансоведения выделяют статический и динамический балансы. Финансовое оздоровление вводится для исследования финансового состояния в условиях получения экономических выгод от дальнейшего функционирования организации. Таким образом, методически является обоснованным формирование отчетных данных по принципам динамического баланса. Мы предлагаем в этом случае использовать доходный подход в оценке биологических активов. Конкурсное производство является завершающим этапом процедуры банкротства организации и предполагает ее последующую ликвидацию. На данном этапе активы выступают средствами расчета по обязательствам и нуждаются в текущей оценке. Мы предлагаем в этом случае выполнять оценку справедливой стоимости затратным методом.

Мясное скотоводство получило развитие на востоке Оренбургской области¹⁰.

Ни одна из исследуемых организаций не являлась участником программы финансового оздоровления сельскохозяйственных товаропроизводителей. В условиях импортозамещения необходима стабилизация и развитие как всего сельского хозяйства в целом, так и мясного скотоводства в частности. Поэтому разработка научно обоснованных направлений финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций мясного скотоводства является актуальной.

Долгосрочные биологические активы занимают около 20% в структуре основных средств, а краткосрочные – 15% в структуре запасов сельскохозяйственных организаций, занимающихся мясным скотоводством. Указанные обстоятельства влияют на величину показателей, определяющих финансовое состояние. Таким образом, совершенствование методических основ оценки биологических активов мясного скотоводства будет способствовать формированию релевантных данных для снижения рисков банкротства.

Все современные методические подходы к оценке биологических активов ба-

⁹ ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ в действующей редакции от 13.07.2015 г.

¹⁰ Программа развития мясного скотоводства в Оренбургской области на 2015–2020 г.

зируются на концепции оценки имущества сельскохозяйственных организаций¹¹, представленной П.Т. Саблук и Г.М. Пидлесницким. Данные методики не отражают влияния индивидуальных особенностей животных на величину справедливой стоимости. Мы считаем, что справедливая стоимость в мясном скотоводстве должна определяться с учетом упитанности¹² животных.

для второй – 70%, для третьей – 60%, для четвертой – 50%. Таким образом, более упитанное животное должно быть оценено дороже. По данным Министерства сельского хозяйства Оренбургской области, средняя цена за 1 кг мяса, по состоянию на 1.01.16 года, составила 217 рублей 87 копеек. Данную цену можно использовать для расчета справедливой стоимости биологических активов рыночным методом (таблица 2).

Таблица 2

Расчет справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства рыночным методом в СПК «Степное» Ясненского района

Инвентарный номер животного	Группа упитанности	Выход мяса, %	Вес животного, кг.	Цена 1 кг мяса, руб.	Справедливая стоимость, руб.	Балансовая стоимость животного, руб.	Разница между справедливой и балансовой стоимостью, руб.
18965	1	70	450	217,87	68629	12350	56279
18786	1	70	450	217,87	68629	11980	56649
18674	2	60	415	217,87	54250	10760	43490
18954	1	70	450	217,87	68629	11230	57399
18734	3	50	390	217,87	42485	11130	31355
18541	2	60	410	217,87	53569	12310	41259
Итого					356191	69760	286431

Выделяют четыре степени упитанности животных:

1) высшая – животные обладают развитой мускулатурой, более округлой формой тела, имеют чуть выступающие лопатки. Позвонки на спине и пояснице не просматриваются;

2) средняя – менее развита мускулатура, в строении тела наблюдается некоторая угловатость. Седалищные бугры и позвонки выделяются четче, однако это выделение нерезкое;

3) ниже средней – слабая мускулатура, сильно выражена угловатость, хорошо обозначены лопатки, жировые отложения не прощупываются;

4) тощие – все остальные.

В зависимости от степени упитанности определяется выход мяса. Для первой группы упитанности выход мяса составляет 80%,

В качестве примера рассчитаем справедливую стоимость по ряду краткосрочных биологических активов мясного скотоводства в СПК «Степное» Ясненского района.

Расчет справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства рыночным методом способствует увеличению их стоимости на 286431 руб.

Этапы расчета справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства рыночным методом:

1) определяется выход мяса говядины для каждой группы упитанности животного;

2) определяется выход мяса говядины для расчета справедливой стоимости умножением доли выхода мяса на массу животного;

3) рассчитывается справедливая стоимость умножением выхода мяса говядины на цену 1 кг говядины.

¹¹ Саблук П.Т. «Методические рекомендации по экспертной оценке имущества в предприятиях АПК». Институт аграрной экономики, 2000. – 340 с.

¹² Упитанность животных – это соотношение в убойной массе мягких и твердых тканей, согласно ГОСТ 5110-87 Крупный рогатый скот для убойя. Технические условия.

Согласно рыночному подходу, справедливая стоимость зависит от внешних факторов, не связанных с финансово-хозяйственной деятельностью организации. И может быть использована организациями со стабильным финансовым состоянием, которые не заинтересованы в поисках внутренних резервов его улучшения. В условиях реализации процедуры банкротства применение рыночного подхода будет необоснованным.

МСФО 16 «Оценка справедливой стоимости» при применении затратного подхода определяет справедливую стоимость как разницу между затратами на производство аналогичного объекта в текущих условиях и износ этого объекта. Применяя эту формулу расчета справедливой стоимости к биологическим активам мясного скотоводства, следует определить стоимость их замещения или воспроизводства и стоимость износа. Стоимость замещения определяется умножением себестоимости 1 центнера живой массы в мясном скотоводстве (по данным Министерства сельского хозяйства Оренбургской области) на вес животного. Нами предложена методика расчета износа биологических активов мясного скотоводства. Под износом будем понимать потерю потребительских свойств¹³ животного.

Выделяются следующие группы крупного рогатого скота для убоя:

1) телята молочные: бычки и телки от 14 дней до трех месяцев, выкормленные молоком;

2) молодняк: бычки и телки нетелившиеся до трех лет;

3) коровы-первотелки в возрасте до трех лет;

4) взрослый скот: коровы, быки, телки, нетелившиеся самки старше трех лет¹⁴.

Оптимальным для убоя является бык в возрасте 1,5 лет. В этом возрасте соотношение мышечной массы и жира составляет 1:1 в долях в общей массе. Каждый последующий год жизни происходит накопление жировой массы и уменьшение мышечной. То есть по окончании второго года жизни соотношение составит 1:1,1 и так далее. Также, учитывая группу упитанности и потерю потребительских свойств животных, предлагаем следующий алгоритм расчета их справедливой стоимости затратным методом:

1) определяется выход мяса говядины для каждой группы упитанности животного;

2) определяется стоимость замещения биологического актива. Себестоимость 1 центнера прироста живой массы составляет 17015 рублей по состоянию на 1.01.16 г. (таблица 3);

3) рассчитывается коэффициент потери потребительских свойств биологического актива согласно возрасту животного;

4) определяется величина износа биологического актива;

5) определяем справедливую стоимость биологического актива (таблица 4).

Расчет справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства затратным методом увеличивает их стоимость на 190402 руб.

Следующий метод расчета справедливой стоимости – доходный. Потоки денежных средств от мясного скотоводства будут получены от реализации мяса. Доход от биологического актива определим как разницу между выручкой от реализации мяса в отчетном периоде и его себестоимостью. Справедливая стоимость определяется делением дохода на ставку капитализации. Ставка капитализации определяется как сумма базовой доходности от деятельности и оценки величины премии за риск деятельности. Под базовой или безрисковой доходностью понимается ставка рефинансирования ЦБ РФ. В экономической литературе для оценки деятельности или активов разработаны основные группы риска: качество управления, размер организации, финансовая структура, товарная диверсификация, территориальная диверсификация, диверсифицированность рынков сбыта и уровень прибылей. Для оценки величины премии за риск, связанный с животными на выращивании и откорме, мы полагаем добавить риск болезней животных (таблица 5).

Ставка рефинансирования ЦБ РФ 8,25%. Таким образом, сложив базовую доходность и премию за риск, мы получим ставку капитализации для определения справедливой стоимости биологических активов – 19,25%.

Расчет справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства доходным методом увеличивает их стоимость на 312839 руб. (таблица 6).

Алгоритм расчета справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства доходным методом:

¹³ Потеря потребительских свойств – это потеря первоначальных характеристик животного, отражающих качество мяса говядины.

¹⁴ Данная классификация представлена в ГОСТ 5110-87 Крупный рогатый скот для убоя. Технические условия.

Таблица 3

Расчет стоимости замещения биологических активов мясного скотоводства в СПК «Степное» Ясенского района

Инвентарный номер животного	Группа упитанности	Выход мяса, %	Вес животного, кг	Выход мяса, кг.	Стоимость замещения, руб.
18965	1	70	450	315	53597
18786	1	70	450	315	53597
18674	2	60	415	270	45940
18954	1	70	450	315	53597
18734	3	50	390	195	33179
18541	2	60	410	246	41857

Таблица 4

Расчет справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства затратным методом в СПК «Степное» Ясенского района

Инвентарный номер животного	Возраст быка	Коэффициент потери потребительских свойств	Рыночная стоимость мяса, руб.	Износ, руб.	Справедливая стоимость, руб.	Балансовая стоимость, руб.	Разница между справедливой и балансовой стоимостью, руб.
18965	1,5	–	68629	–	53597	12350	41247
18786	1,5	–	68629	–	53597	11980	41617
18674	2	0,05	54250	2712,5	43227,5	10760	32467,5
18954	2	0,05	68629	3431,5	50165,5	11230	38935,5
18734	4	0,2	42485	8497	24682	11130	13552
18541	3	0,13	53569	6964	34893	12310	22583
Итого					260162	69760	190402

Таблица 5

Расчет ставки капитализации для определения справедливой стоимости доходным методом в СПК «Степное» Ясенского района

Вид риска	Премия за риск
Качество управления	5
Размер организации (средняя согласно объему выручки)	3
Финансовая структура	3
Товарная диверсификация	0
Диверсификация рынков сбыта	0
Территориальная диверсификация	0
Уровень рентабельности скотоводства	0
Риск болезней животных (проводится плановая вакцинация)	0
Итого	11

Таблица 6

Расчет справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства доходным методом в СПК «Степное» Ясненского района

Инвентарный номер животного	Выручка от продажи, руб.	Затраты, руб.	Доход от продаж, руб.	Справедливая стоимость, руб.	Балансовая стоимость, руб.	Разница между справедливой и балансовой стоимостью, руб.
18965	68629	53597	15032	78088	12350	65738
18786	68629	53597	15032	78088	11980	66108
18674	54250	45940	8310	43168	10760	32408
18954	68629	53597	15032	78088	11230	66858
18734	42485	33179	9306	50992	11130	39862
18541	53569	41857	11712	64175	12310	51865
итого				382599	69760	312839

1) определяется выручка от реализации мяса говядины умножением веса животного, скорректированного на выход мяса, на рыночную стоимость мяса;

2) определяются затраты на выращивание животного умножением веса животного, скорректированного на выход мяса, на себестоимость 1 центнера привеса живой массы;

3) определяется доход по каждому животному;

4) определяется ставка капитализации;

5) рассчитывается справедливая стоимость.

Применение справедливой стоимости биологических активов мясного скотоводства предполагает увеличение их стоимости. В условиях финансовой несостоятельности необходимы мобилизация и достоверная оценка имеющихся активов организации для своевременного и полного расчета по возникшим обязательствам. На каждом этапе процедуры банкротства дается интерпретация показателей финансового состояния. В случае введения финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций обоснован расчет справедливой стоимости биологических активов доходным методом, выявлен возможный резерв увеличения их стоимости. Данное обстоятельство следует рассматривать как способ финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций на основе данных бухгалтерской отчетности. При вве-

дении конкурсного производства необходимо минимизировать непогашенную перед кредиторами задолженность. Поэтому оценка биологических активов по справедливой стоимости затратным методом будет способствовать увеличению валюты баланса.

Таким образом, отражение краткосрочных биологических активов мясного скотоводства в бухгалтерской отчетности по справедливой стоимости – фактор увеличения стоимости запасов сельскохозяйственных организаций и, как следствие, улучшение показателей финансового состояния.

1. Гетьман, В.Г. Реформирование системы бухгалтерского учета: оценка активов по справедливой стоимости [Текст] / В.Г. Гетьман // Финансовая газета. 2001. № 24. С. 56–60.

2. Гетьман, В.Г. Назревшие вопросы совершенствования бухгалтерского учета основных средств [Текст] / В.Г. Гетьман // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 14. С. 2–13.

3. Дружиловская, Э.С. Методика оценки запасов в бухгалтерском учете [Текст] / Э.С. Дружиловская // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 7. С. 16–25.

4. Дружиловская, Э.С. Проблемы применения справедливой стоимости в российском и международном бухгалтерском учете [Текст] / Э.С. Дружиловская // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 17. С. 2–12.

5. Иванова, О.В. Справедливая стоимость в системе стоимостных измерений активов и обяза-

тельств [Текст] / О.В. Иванова // Учет и статистика. 2013. № 2. С. 15–19

6. Иванова, О.В. Исторический обзор развития концепций справедливой стоимости [Текст] / О.В. Иванова // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 43. С. 34–39.

7. Рожкова, О.В. Актуальные вопросы оценки по справедливой стоимости активов и обязательств [Текст] / О.В. Рожкова // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 43. С. 12–18.

8. Сигидов, Ю.И. Оценка краткосрочных биологических активов молочного скотоводства по справедливой стоимости [Текст] / И.Ю. Синдин, М.А. Коровина // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 36. С. 2–12.

9. Трофимов, В.П. Влияние справедливой стоимости на инвестиционную привлекательность экономического субъекта [Текст] / В.П. Трофимова // Молодой ученый. 2014. № 42. С. 152–154.

References

1. Get'man V.G. (2001) Finansovaja gazeta, no. 24, pp. 56–60 [in Rus].
2. Get'man V.G. (2013) Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet, no.14, pp. 2–13 [in Rus].
3. Druzhilovskaja Je.S. (2012) Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet, no.7, pp. 16–25 [in Rus].
4. Druzhilovskaja Je.S. (2014) Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet, no.17, pp. 2–12 [in Rus].
5. Ivanova O.V. (2013) Uchet i statistika, no. 2, pp. 15–19 [in Rus].
6. Ivanova O.V. (2012) Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet, no. 43, pp. 34–39 [in Rus].
7. Rozhkova O.V. (2012) Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet, no. 43, pp. 12–18 [in Rus].
8. Sigidov Ju.I., Korovina M.A. (2014) Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet, no. 36, pp. 26–32 [in Rus].
9. Trofimov V.P. (2014) Molodoj uchenyj, no. 42. pp. 152–154 [in Rus].

UDC 631.162

ESTIMATING FAIR VALUE OF BIOLOGICAL ASSETS IN BEEF RAISING AS A MEANS OF FINANCIAL RECOVERY ON THE BASIS OF DATA OF BOOK ACCOUNTING OF AGRICULTURAL ORGANIZATIONS

Shavrina Yulia Olegovna,

The Orenburg State Agrarian University, Associate Professor of the Department Chair of Accounting and Audit, Cand. Sc. (Economics), Orenburg, Russia.

E-mail: 11041982ivanova20091@rambler.ru

Annotation

The article deals with the problem of forming fair value of biological assets in beef raising. The author proves the necessity to estimate biological assets in fair value. The author studies methods of calculating fair value of assets. Also the author proves the necessity to perfect accounting analytical data in the period of bankruptcy of agricultural organizations. To minimize risks of bankruptcy approaches to forming data of financial accounts are suggested. The author supposes that it is necessary to apply principles of giving information of dynamic balance if we introduce financial recovery and if we introduce bankruptcy proceeding it is necessary to apply static balance. Estimating fair value of biological assets in beef raising from the standpoint of dynamic balance is suggested to perform using a discounted cash flow method and from the standpoint of static balance using a rate of return method. The article presents a proprietary methodology of estimating fair value of animals taking into account their individual peculiarities, namely their fleshing. When applying a rate of return method, calculation of losses of consumer properties of beef in beef raising is suggested to perform taking into account the factor of loss of consumer properties of beef, it reflects correlation between muscle mass and fat mass in meat.

Key concepts:
financial recovery,
biological assets,
fair value.

УДК 130.2

СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ В АСПЕКТЕ ПОП-КУЛЬТУРЫ

Мальцев Ярослав Владимирович,

Тюменский государственный университет,
соискатель кафедры философии,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается сущность понятия «субъект современности», рассматриваемого через призму популярной культуры, позволяющей обнаружить перманентность качеств субъекта: его контркультурности, либерализма, волюнтаризма, рефлексивности, высвобождения из-под влияний Большого Другого и культуротворческой деятельности, организованной посредством экзистенциального полилога.

Ключевые понятия:
современность,
перманентная современность,
субъект,
интерпассивность,
обыденность,
полилог субъектов.

1.

Термин «субъект» довольно распространён в настоящее время. Он используется в юриспруденции, политологии, социологии, психологии и, конечно, в философии. В каждой области знания дефиниция «субъект» наделяется собственными коннотациями, позволяющими отличать, скажем, субъекта экономики от субъекта права, но всегда остается привязка к этимологической сущности подлежащего: субъект — это то, что находится в основе, в основании, является фундаментом какой-либо конструкции (лингвистической, правовой, экономической и т.д.) и потому оказывается ключевым при анализе социальных явлений. При этом, если при первоначальном становлении представлений о субъекте он рассматривался как активное, творческое начало (и это можно было бы выделить как его вторую, общую для любой точки отсчета, черту), то в настоящее время речь идет о его изначальной пассивности (интерпассивность Р. Пфаллера и С. Жижека), вызванной фундаментально необходимым присутствием Другого, являющегося обязательным условием для символического порядка, в котором человек существует: этот Другой должен нести за индивида ответственность, верить за него, служить ему первичной рамкой интерпретации реальности [2, с. 6-58]. Именно в этой связи с подобной необходимостью Другого Ж. Лакан будет утверждать, что *желание субъекта — это всегда желание Другого*.

Ярким примером подобной позиции субъекта оказываются ситуационные комедии, плакальщицы или буддистские молитвенные барабаны, благодаря которым, чем бы человек ни занимался, о чем бы он ни думал в минуту обращения к ним, объективно он хорошо проводит время, скорбит об утрате или молится [2, там же]. На более глобальном уровне, уровне организации общества, этим Другим может быть, скажем, фигура Вождя, который, *предположительно верит* в социальный порядок, в будущее, в общее дело, позволяя остальным людям не задумываться над проблемностью их социального бытия и сосредоточиться на повседневных хлопотах, своих мыслях, удовольствиях (здесь трудно обойти тезис-выход И. Канта: «Размышляй, но подчиняйся!»). Этому Вождю даже необязательно реально быть, он может лишь предполагаться, являясь некоторым пустым означающим, пустотой лакановского Реального, создающего условия для существования пространства реальности. Именно таким *предположительно верящим субъектом* оказывается Отец в фильме-антиутопии «Эквилибриум» (Курт Уиммер, 2002), где главный герой (агент тайной полиции)

открывает для себя, что лицо человека, которое он видит на всех экранах, которое окружает его повсюду, является всего лишь пустой картинкой, от имени которой страной управляет уже совсем другой человек. Однако наличие этого лица («Зачем Отцу быть реальнее политической марионетки?» — спрашивает политическая марионетка, осуществляющая управление страной) структурирует всю социальную действительность Либрии: и.о. отца и Совету оно дает возможность властвовать, полиции — верить в Закон и важность своей службы, тайной полиции — совершать убийства, оппозиционному подполью — бороться и обретать собственную идентичность.

Интерпассивность, однако, не говорит о «смерти субъекта» — она лишь *смещает фокус с изначальной активности*, которая имманентно присущая субъекту, *на пассивность*: для встраивания в символический порядок субъект должен иметь Другого, который его в этот порядок введет и который будет верить в «разумность» этого порядка (вспомним здесь изначальное порочное, но существующее в обыденном языке деление: православный ребенок, католический ребенок и проч.). У З. Фрейда этим первичным Другим выступает отец [11, с. 27, 197], но в процессе жизнедеятельности индивида этот Другой может меняться: вспомним, к примеру, что для Уинстона Смита («1984», Дж. Оруэлл) таким «отцом» оказывается О'Брайен (отношения с которым полны инцестуозной энергии), настойчиво добивающийся «вхождения» Смита в область символического пространства Большого брата, только в рамках которого Уинстона можно будет наказать за мыслепреступление.

2.

Однако даже если интерпассивность не отрицает свободы субъекта (напротив, высвобождает ему пространство для личной свободы), она тем не менее ставит вопрос о том, насколько субъект оказывается зависимым от символического порядка; о том, является ли эволюция взглядов на субъективность зацикленной: от «отсутствия» представлений о субъекте в античности [4] через осмысление субъективности к «смерти субъекта»; или же она векторна: развивается от «отсутствующего» античного субъекта через осмысление субъективности посредством Бога к картезианскому «открытию» субъекта и далее до анализа бессознательных (психологических, лингвистических, экономических и проч.) факторов. В настоящее время линия раздела в размышлениях о субъекте

проходит между теми философами, которые придерживаются (пусть и со всеми возможными оговорками) картезианской позиции и для которых субъект современности выступает, собственно говоря, субъектом возрожденческим: самостоятельно себя учреждающим и создающим из своей жизни шедевр (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж.-П. Сартр, С. Жижек), — и теми, кто придерживается противоположных позиций (Р. Барт, Ю. Хабермас, В. Декомб, Л. Альтюссер). В последнем случае отрицается не только активность, но и свобода субъекта, растворяющегося в неких надындивидуальных структурах.

Субъект при подобном рассмотрении оказывается конституируемым множеством сил и подпадает под их влияние в течение жизни: язык, бессознательное, технологии внешней власти (М. Фуко), технологии внутренней власти (Дж. Батлер), необходимость Господина (А. Бадью), неузнавание (Л. Альтюссер), интерсубъективная коммуникация (Ю. Хабермас), идеология (С. Жижек). Все это приводит к потере субъектом самого себя, своих качеств, к его аннигиляции. Субъект превращается в сущность, которой нет, в некое пустое означающее, лишенное собственных основ и не имеющее шансов на освобождение. Он оказывается просто обладающей языком и пребывающей в языке (Ж. Лакан) машиной желаний (Ж. Делез, Ф. Гваттари).

С другой стороны, среди той части философов, которые не согласны со смертью субъекта, в среде которых раздаются призывы «открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке картезианской субъективности противопоставить философский манифест самой картезианской субъективности» [3, с. 24], особенно выделяется концепция Я-субъективности А.В. Павлова, в которой *субъект оказывается главной точкой отсчета феномена современности*, находящей именно в субъекте свою онтологию, имеющую в нем свою привязку [6, 7, 8, 9]. В своих работах А.В. Павлов не просто рассматривает субъекта как рефлексирующее свободное Я, как данную самой себе самость (И. Фихте), а берет его в качестве *основы современности*, организующей всю культурную матрицу человечества, *созидающей культуру в пространстве обыденности* (ее социальную, экономическую, политическую и проч. сферы; исторические, философские и проч. представления). Такая взаимозависимость современности и субъекта, непрерывность Я-субъекта и его обыденности создает условия для перманентности самой современности и «отстегивания»¹ ее от традиционно соотносимого с ней модерна.

¹ В противоположность лакановской «точке пристрастия».

В условиях такой разногласности требуется ввести необходимую категоризацию социальных аватаров человека: четко разграничить человека как индивида, человека как личность и человека как субъекта, обозначив *субъективность как высшую стадию развития личности* (наподобие стадий С. Кьеркегора), *которой каждый человек обладает как потенцией и может ее реализовать при достаточных и направленных усилиях.*

3.

«Индивид» и «личность» — понятия, часто употребляемые в обыденной речи, где зачастую выступают синонимами. В академическом вокабуляре эти дефиниции принято подразделять: в качестве индивида часто понимается единственный, неделимый человек, взятый на своем атомарном по отношению к социуму уровне, в то время как личность считается более «качественным» индивидом: индивидом, достигшим определенного уровня развития [5, Т. 2, с. 104–107, 400–404]. Удачное разграничение индивида и личности приводит А.В. Павлов [10], рассматривая личность как образованное и свободное Я, которое в состоянии понимать оказываемые на него влияния и самостоятельно формировать себя, в чем является противоположностью индивиду: не-Я, части общности Мы, с которой у человека происходит идентификация (преимущественно неосознанная) и от имени которой он получает право на действие и существование.

Такое понимание, как представляется, следовало бы несколько раздробить, осуществив переход от двоичности к сакральной троичности. Это раздробление видится верным в связи с необходимостью усложнения представлений о тех ролях, которые человек играет в обществе, и более тонкого рассмотрения процесса социализации.

В процессе социализации человек проходит несколько ступеней в своем развитии. Прежде всего, он появляется в социальном мире как индивид и в качестве такового оказывается под влиянием массы сил, действующих на него непосредственно, минуя отсутствующие критические фильтры, и конституирующих его. Так, человек сталкивается с языком, в результате чего у него формируется бессознательное; проходит через цепочки идентификаций (стадия зеркала), формирующих его собственное Я (самость, отличающую его от Другого); оказывается под воздействием микровласти (М. Фуко), служащей для него проводником включения в символический порядок социума (власть отца, обычая, школы, нации и проч.); попадает под влияние идеологии (в жижекском понимании фантазматической рамки,

объясняющей реальность и позволяющей в ней функционировать). Оказываясь под влиянием всех этих сил, человек формируется как индивид: уникальное человеческое Я, обладающее определенными чертами характера и занимающее некоторое место в социальной матрице (имеющее символический мандат, выражаясь языком Лакана). Таким образом, индивид оказывается первым социальным аватаром биологической природы человека. Человек может оставаться индивидом достаточно длительное время, если не предпримет никаких шагов по развитию критического мышления и будет не столько прислушиваться к себе, реализуя собственное бытие, сколько слушать других, идентифицироваться с массой и предпочитать конформистскую позицию.

Именно в такой мир индивидов, в образуемое ими «общество риска» (У. Бек) погружает зрителя картина «Эксперимент 2: Волна» (Д. Ганзель, 2008), основанная на реальных событиях и рассказывающая о педагогическом опыте проведения школьного курса об автократии, в котором на примере организации классных занятий была продемонстрирована неустойчивость демократии и возможность возврата авторитарных форм правления в европейском, прошедшем через ужасы нацизма обществе. Всего лишь через легкое изменение идеологической рамки (рассуждениях о единстве класса, единой воле, взаимопомощи, об уникальности и отличности от других, о взаимовыручке, поддержке и об общих достижениях) и формы социальной коммуникации учителю удается сформировать из класса небольшую фашизоидную общность. Большинство подростков оказываются рады принять растворение своего Я в Мы, в надиндивидуальном субъекте, обладающем (якобы) большей силой, волей, возможностями. Они не видят смысла в сопротивлении, рады передать ответственность за себя Большому Другому возникающего коллектива и учителю Райнеру как «субъекту, предположительно верящему» в идеологию нового движения, в само движение. Их позиция оказывается сродни той, что проявляли образованные (и не очень) немцы во время гитлеризма или студенты в эксперименте Милгрэма 1974 г., где одни должны были играть роль «учителей», а другие «учеников». «Учителя» должны были наказывать «учеников» за неправильные ответы ударами тока, мощность который возрастала на 15 вольт с каждым неправильным ответом «ученика». Результаты эксперимента показали, что 65 % «учителей» доходили до разряда в 450 вольт. При этом они знали, что «ученик» испытывал адскую боль (перед этим они на себе испытали удар

в 45 вольт, поэтому имели представление о боли), однако продолжали выполнять указания руководства. Не так ли поступали солдаты СС, которых, как теперь известно, никто не заставлял насильно участвовать в расправах над евреями? Именно к индивидам относятся рассуждения Х. Арендт о банальности зла.

Только две девушки оказываются в силах противостоять установленному режиму учителя Райнера. Они не только не присоединяются к общей массе, но и занимаются «подпольной» работой, нацеленной на подрыв идеологии и разрушение укрепляющейся автократии. Именно эти девушки представляют собой личностей: людей, обладающих независимостью мышления, критически воспринимающих происходящее вокруг них и стремящихся сохранить и собственную независимость, и независимость других.

Личность, в данном случае, оказывается образованным (в результате ли полученного образования или благодаря богатому жизненному опыту), независимым Я, стоящим на неконформистских позициях. Личность занимает ту же позицию, что и немецкий рабочий Август Ланмессер, вошедший в историю благодаря фотографии, запечатлевшей его отказ приветствовать Гитлера партийным приветствием на параде в Гамбурге в 1936 году. Личность в состоянии совершать поступки, а не принимать обстоятельства с покорностью: мы можем рассуждать о Гансе Хуберманне из фильма «Воровка книг» (Б. Персивал, 2013) как о личности из-за его явных способностей к анализу действительности и самостоятельности решений, особенно проявляющихся в моменты, когда он дает приют прячущемуся от нацистов еврею Максу, когда заступает за арестованного гестапо соседа и друга.

Разумеется, личность может оказаться и на конформистских позициях, но эти позиции должны быть заняты осознанно, при учете имеющихся альтернатив. Именно такой по-конформистски настроенной личностью оказывается подполковник Фрэнк Слэйд из фильма «Запах женщины» (М. Брест, 1992), говорящий в своей пламенной речи в престижной школе о том, что он всегда знал правильный путь, но никогда не шел по нему. Сюда же можно отнести массу европейских левых интеллектуалов, которые рассуждают о революции, не осуществляя ее сами (как вспоминал М. Хардт, однажды эквадорские товарищи сказали ему и другим левым американским интеллектуалам, симпатизирующим революционному движению Эквадора, оказывающим движению моральную поддержку и приезжающим в лагерь революционеров, что гораздо больше толку было бы от их деятельности в США: «Идите в горы и делайте революцию!» — сказали они амери-

канцам [13]) или наслаждаясь всеми благами своего привилегированного положения в верхушке среднего класса развитых стран Запада с тоской говорят о крахе социализма в Восточной Европе, население которой, по их мнению, «променяло социализм на блага потребительской цивилизации». К этой категории относятся и многочисленные высокообразованные эксперты, выпускники университетов, занимающие посты в бюрократическом аппарате, бизнесе, в науке и прочих сферах деятельности (и таким образом реализующие власть университетского дискурса, по Ж. Лакану), обладающие обширной эрудицией и развитым мышлением, но не выполняющие задач интеллектуала по критическому разбору существующего порядка, постановке и изменению задаваемых вопросов, созданию проектов будущего. Личность не выполняет миссии интеллектуалов, потому как эта миссия относится уже к сфере субъекта.

4.

Индивид и личность, таким образом, оказываются плотно встроенными в символический порядок и привязанными к нему. Они либо вовсе не осознают свою погруженность в него (индивид), либо, осознавая, принимают правила игры, не внося в них никакого структурного изменения. Субъект же является собой нечто, прямо противоположное: это человек, который осуществил и осуществляет в отношении себя то, что было проанализировано М. Фуко как практики заботы о себе [12]. Субъект оказывается не только свободным и образованным, обладающим рефлексивным мышлением Я, но и выходит за сферы воздействия влияющих на него полей силы (микровласть, бессознательное и проч.) и учреждает себя сам, самостоятельно пересматривая собственные основания и конструируя свою самость. Субъект оказывается только проживающим в символическом порядке на уровне физического тела (как человеческое животное у Ж. Лакана), но в ментальном отношении, как *cogito*, субъект находится в регистре Воображаемого: он непрерывно созидает себя и культуру. Субъект не только не растворяется в бессознательном (психоаналитики), тексте (деконструктивисты), дискурсивной интерсубъективности (хабермасовская коммуникация), классовом делении (постмарксисты), соперничающих ментальных и физиологических сил (когнитивисты), но учится понимать воздействующие на него множества и управлять ими. Субъект не пассивен по отношению к некоему внешнему Большому Другому, но сам для себя является этим Большим Другим: все его действия адресованы преимущественно ему самому, и ответственность он несет перед самим собой. Именно поэтому субъект

ективность есть качество обретаемое, и обретение его происходит в достаточно позднем возрасте. При этом каждый человек потенциально обладает субъективностью, но не у всех получается ее реализовать.

Именно эту ситуацию удалось показать А. Кешишу в фильме «Жизнь Адель», рассказывающему нам о том, как происходит обретение человеком субъективности, насколько субъект ответственен за себя; о том, в какой мере люди готовы к принятию этой ответственности: главная героиня фильма находится в перманентном кризисе собственной идентичности, в поиске (формировании) себя при полном отсутствии ориентиров (ситуация современности, по З. Бауману). При этом она пытается возложить ответственность за себя на кого-то другого (парня, с которым она спит; девушку, которая ее впервые поцеловала; Эмму), чего у нее не получается. Зритель может сделать вывод, что до тех пор, пока героиня не начнет рефлексировать о самой себе и создавать собственный образ себя, она не будет иметь успеха. Фактически пока она не станет субъектом, не начнет определять саму себя и мыслить о самой себе, она не обретет центра, баланса, говоря восточными терминами — гармонии. Только приняв свою свободу быть кем-то и ответственность за этого потенциального кого-то (здесь человек и для самого себя выступает как Другой, сам человек оказывается никогда не данным самому себе), индивид превращается в субъекта и начинает подлинно существовать, позволяет бытию говорить через себя.

В этой связи интересен другой фильм — «Общество мертвых поэтов» (П. Уир, 1989), где жесткий отец одного из героев (в полном смысле Господин Лакана) навязывает сыну свое видение его будущего (его жизни: образования, работы), не учитывая желаний и стремлений сына. В результате подросток заканчивает жизнь суицидом. Самоубийство оказывается единственным выходом между Символическим (куда его хочет поместить отец) и Воображаемым (реализацией собственного Я). Недостаточная смелость к принятию ответственности за себя, возможной маргинализации собственного статуса в символическом порядке, противоборству (реализации прометеевской модели) с социумом вытеснила самого индивида. Вместе с понятием как потенция субъективностью выбывает и ее носитель.

Если индивид вписан в символическое пространство, вынужден играть по чьим-то правилам, то субъект — тот тот, кто не вписывается в *чье-то* символическое пространство. Он абсолютно самостоятелен и играет по собственным правилам. Таким довольно

реальным субъектом в пространстве кинематографа видится Фрэнк Андервуд из сериала «Карточный домик». Фрэнк это человек, занимающий пост партийного организатора в Демократической партии и безудержно рвущийся к власти. Без оглядки на совесть он манипулирует людьми, заставляя их выполнять его желания и служить реализации его планов. Большинство окружающих его людей (если не все они) вынуждены взаимодействовать с Фрэнком на его условиях, попадают к нему в зависимость и рассматривают его скорее как сюзерена (и здесь равны друг с другом и индивиды, и личности), в то время как Фрэнк старательно и умело избегает всякой зависимости от кого бы то ни было, уклоняется от всяких обязательств. Находясь внутри символического пространства Конгресса США, Фрэнк настолько знаком со всеми образующими это пространство правилами, что в состоянии использовать их по своему усмотрению, выходя таким образом за их пределы.

Другим примером явного субъекта, но занимающего иные, не властные, не отмеченные социальной респектабельностью позиции, может послужить доктор Хаус из одноименного сериала: маргинальный врач, прекрасно знающий собственную природу и природу окружающих его людей, способный проследить истоки собственного Я, обладающий собственной волей и реализующий ее, являющийся абсолютно свободным и встраивающимся в социальную матрицу на собственных условиях (или на приемлемых компромиссах), довольно независимый от внешних давлений и способный манипулировать ими. Обоих: и Хауса, и Андервуда — в жизни интересуют только собственные желания (независимость и разгадывание медицинских головоломок, или политические игры и власть), и они не придают особенного значения внешним обстоятельствам (мнениям, требованиям, обычаям, морали и проч.).

Говоря о Хаусе, интересно обратить внимание на другого персонажа, видимо служившего прообразом Хауса, — Бенджамин Пирса, «Ястребиного глаза» из сериала «МЭШ»: обладая многими качествами субъекта (самопознание, критическое мышление), он, тем не менее, оказывается в символической структуре и вынужден подчиняться ей, выполняя ее требования. Несмотря на всю свою анархичность и иронию, Ястребиный глаз не подрывает устоявшиеся порядки и способствует их дальнейшему функционированию. Он полон цинизма, едкой иронии, но все это оказывается, как сказал бы С. Жижек, включенным в идеологию и предусмотрено

ею [1, с. 34–35]. Хаус же просто считает, что правила Символического придуманы не для него, и реализует собственную волю.

Позиция Хауса, позиция субъекта — это позиция, которую занимал бы Диоген в XXI веке. Скорее всего, из принципиально важной собственности у него были бы ноутбук (благо Wi-Fi много где бесплатный) и штиблеты. Он пользовался бы арендованными квартирами, велосипедами. Ему была бы свойственна маргинальность образа жизни, а средства на нее он получал бы от плодов «свободных искусств»: статей и книг философского характера, анализирующих поп-культуру, политическую, социальную, экономическую действительность через оптику марксизма, психоанализа, постструктурализма (etc.), благодаря которым попутно влияя на трансформацию культурного пространства. При этом он ценил бы не блага потребительской цивилизации, а полную свободу сказать любому власть предержащему все, что он думает, ибо ни в какую символическую вертикаль он не встроен и не зависит от решений начальства.

В этой связи отличие субъекта от индивида/личности становится ярко выраженным: это не встроены в чужое символическое поле маргинал, обладающий высокоразвитым критическим мышлением и способный попросить Самого Главного Начальника (допустим, повелителя ойкумены Александра Македонского) убраться из зоны видимости и не загораживать солнце. Если большинство людей предпочитает встраиваться в символический порядок общества и выполнять выданный им мандат, играя по чужим правилам, попадая в зависимость и проживая не собственную, а чужую жизнь, находя при этом замещение и удовлетворение в материальных благах, то для субъекта важным является собственная свобода, ответственность за себя, своеобразная ницшеанская «воля к власти». *И свобода начинается для субъекта с отвержения символического порядка.*

Идеальным примером безусловного и идеального субъекта, субъекта в пределе, может послужить Дамблдор в романах о Гарри Поттере, который (а) наделен полным знанием о мире, в котором ему приходится жить, и о самом себе; (б) разрабатывает план борьбы с Темным лордом, в котором все (и в какой-то степени сам Темный лорд) оказываются всего лишь шахматными фигурами «лучшего директора Хогвартса» (Хагрид); (в) имеет абсолютное признание в качестве субъекта со стороны волшебного сообщества. Многолетние целенаправленные усилия и богатейший и разноплановый жизненный опыт дали Дамблдору возможность «постичь в мысли свое время» (Гегель)

и обрести субъективность во всей ее полноте: мысль, активность, самостоятельность, творчество, либерализм. Недаром М. Фуко говорит о достижении субъективности к зрелому возрасту, а Гегель, в своем знаменитом пассаже о сове Минервы, замечает, что она вылетает в сумерки.

5.

Именно в идеализированных образах популярного кинематографа мы можем наблюдать за тем, кем является современный субъект, каким он выглядит со стороны. Отталкиваясь от кинематографа, мы можем анализировать самих себя и окружающих нас людей (из прошлого и настоящего) на субъективность. Кинематограф дает нам возможность видеть субъекта воочию, непосредственно, чувствовать его интуитивно, в то время как без кинематографа нам необходимо познавать субъективность через аналитический инструментальный, что делает путь долгим и доступным меньшему числу людей. Благодаря кинематографу мы можем самостоятельно обретать субъективность более быстрым способом, пробуя ведущие к субъективности модели на уровне первичных идентификаций в детско-юношеском возрасте.

Субъект современности, как его отражает современная поп-культура, в общем, обладает *постоянными* свойствами, прослеживаемыми от античности до наших дней: это маргинальность и девиантность относительно господствующей культуры, понятий как вера в собственные силы либерализм, рассматриваемый как реализация собственной воли (в частности, воли быть) волюнтаризм, свобода тела и независимость мышления, рефлексивность и критичность разума, сосредоточенность на *cogito* (зачастую в ущерб отношениям с внешним миром (как понимала мышление Х. Арндт), выход за рамки символического порядка и расположение в регистре Воображаемого, где, вступая в экзистенциальный полилог с другими субъектами, субъект создает себя и культуру. Для Я-субъекта современность всегда предстает как бремя обыденности, а обыденность оказывается тем материалом и той средой, из которых Я-субъект и творит современность. Все это вместе: постоянность качеств Я-субъекта и непрерывность его связи с обыденностью — позволяет говорить о перманентной современности, о необходимости отделения субъекта (как сотворяющей современность и культуру, вырвавшейся из-под оков микровласти самости) от индивида и личности, вновь утверждая онтологическую (по отношению к культуре) и активную (а не интерпассивную) его сущность.

1. Жижек, С. [Žižek S.] Возвышенный Объект Идеологии [Текст] / С. Жижек. М.: Художественный журнал, 1999. 136 с.
2. Жижек, С. [Žižek S.] Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм [Текст] / С. Жижек. СПб.: Алетея, 2005. 156 с.
3. Жижек, С. [Žižek S.] Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии [Текст] / С. Жижек. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
4. Лосев, А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре [Текст] / А.Ф. Лосев // Студенческий меридиан. 1983. № 9. С. 13–14; № 10. С. 14–16.
5. Новая философская энциклопедия: В 4 т. [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: пред. В.С. Степин, заместители пред. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010.
6. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5–14.
7. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.
8. Павлов, А.В. Полифокальная социология современности / [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.
9. Павлов, А.В. Современность и критика [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 6. С. 128–135.
10. Павлов, А.В., Современные проблемы науки: учеб. Пособие [Текст] / А.В. Павлов, Е.В. Пономаренко. Тюмень: Изд-во Тюм ГУ, 2007. 386 с.
11. Фрейд, З. [Freud S.] Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл [Текст] / З. Фрейд. М.: ООО «Фирма STD», 2006. 623 с.
12. Фуко, М. [Foucault M.] Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году [Текст] / М. Фуко. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
13. Taylor, A. Examined Life [Documentary film]. 2008.

References

1. Zhizhek S. [Žižek S.] (1999) *Vozvyshennyj Ob#ekt Ideologii*, Moscow, *Hudozhestvennyj zhurnal*, 136 p. [in Rus].
2. Zhizhek S. [Žižek S.] (2005) *Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Multikul'turalizm*, Sankt-Petersburg, *Aleteja*, 156 p. [in Rus].
3. Zhizhek S. [Žižek S.] (2014) *Shhekotlivyj sub#ekt: otsutstvujushhij centr politicheskoy ontologii*, Moscow, *Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS*, 528 p. [in Rus].
4. Losev A.F. (1983) *Studencheskij meridian*, no. 9, pp. 13–14; no. 10, pp. 14–16 [in Rus].
5. *Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t.* (2010), *In-t filosofii RAN, Nac. obshh.-nauchn. fond; Nauchno-red. sovet: pred. V.S. Stepin, zamestiteli pred. A.A. Gusejnov, G.Ju. Semigin, uch. sekr. A.P. Ogurcov*, Moscow, *Mysl'* [in Rus].
6. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1 (39), pp. 5–14 [in Rus].
7. Pavlov A.V. (2012) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 5–11 [in Rus].
8. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5–13 [in Rus].
9. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 128–135 [in Rus].
10. Pavlov A.V., Ponomarenko E.V. (2007) *Sovremennye problemy nauki: ucheb. posobie*, Tjumen', *Izd-vo TjumGU*, 386 p. [in Rus].
11. Frejd Z. [Freud S.] (2006) *Lekcii po vvedeniju v psihoanaliz i Novyj cikl*, Moscow, *OOO «Firma STD»*, 623 p. [in Rus].
12. Fuko M. [Foucault M.] (2007) *Germeventika sub#ekta: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu*, Sankt-Petersburg, *Nauka*, 677 p. [in Rus].
13. Taylor A. (2008) *Examined Life*. [in Eng].

UDC 130.2

SUBJECT OF MODERNITY IN THE ASPECT OF POP-CULTURE

Maltsev Yaroslav Vladimirovich,

Tyumen State University,
Chair of Philosophy, Degree-seeking
student,
Tyumen, Russia.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Annotation

The author defines the notion «subject of modernity» through the spectacle of popular culture which helps to find out permanence of subject qualities: its countercultural sensitivity, liberalism, voluntarism, reflexivity, getting free of influence of Great Other and cultural creative activity organized in terms of an existential polylogue.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
subject,
inter-inaction,
commonness,
polylogue of subjects.

УДК 1.211

БЕДНЯК: ПОЗИТИВНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕГАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХРИСТИАНСКОМ ДИСКУРСЕ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Логиновский Сергей Сергеевич,
Южно-Уральский государственный
университет,
доцент кафедры политологии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: 246abcd@mail.ru

Аннотация

В статье показывается, как известный христианский мыслитель св. Иоанн Златоуст переосмысляет понятие бедности. Чаще всего в обыденном сознании бедность воспринимается как отрицательное явление. Идентичность самих бедняков также обычно следует этому доминирующему дискурсу. Златоуст же считает, что бедность не есть зло. Она даже может приносить пользу и самому человеку, и обществу. По этой причине бедняк не должен чувствовать себя неполноценным человеком и окружающие его люди не должны воспринимать его таким образом.

Ключевые понятия:
патристика,
Иоанн Златоуст,
социальная философия,
идентичность,
бедность.

Бедность – неотъемлемый признак цивилизации. Чаще всего она воспринимается как отрицательное явление. Идентичность самих бедняков также, как правило, следует этому доминирующему дискурсу. Бедняки стыдятся своей бедности. У них формируется негативная идентичность, что может приводить к нежелательным последствиям как для самого бедняка, так и для его социального окружения и для общества в целом. Одним из способов решения этой проблемы (наряду с уменьшением числа бедных) является нахождение положительных сторон в этом явлении, что способствует формированию у бедняков положительной идентичности, помогает им улучшить как эмоциональное, так и материальное состояние.

Ярким примером подобного переосмысления бедности является творчество известного христианского мыслителя святого Иоанна Златоуста, жившего в IV веке, но «не оставляющего нас и по сей день» [1, с. 8], как образно выразился один из современных исследователей его жизни и творчества. Авторитет и влияние константинопольского святителя до сих пор чрезвычайно высоки не только у православных и католиков, для которых он – виднейший представитель патристики, великий отец Церкви, но и у протестантов. Это делает обращение к его наследию весьма актуальным. Целью данной статьи является установление способов изменения негативной идентичности бедных в христианском дискурсе свт. Иоанна Златоуста.

Феномен бедности занимает одно из главных мест в дискурсе Златоуста. Практически в каждом своем произведении он касается того или иного аспекта данной проблемы. Но прежде чем перейти к рассмотрению размышлений святителя о бедности, необходимо отметить один немаловажный момент: Златоуст не только с помощью проповедей менял негативную идентичность бедняков, но и в меру своих сил материально помогал им. При этом святитель не ограничивался раздачей пищи и одежды нуждающимся. Будучи епископом Константинополя, он создавал «богадельни» – специальные учреждения для бедных, в которых им оказывали всестороннюю помощь. Его милосердие к обездоленным было столь велико, что он продавал для получения средств на помощь бедным мрамор, приготовленный для строящегося храма, и даже церковные сосуды. Как отмечает А.И. Сагарда, при Златоусте «всякие выдачи на ненужные постройки, сады, фонтаны, украшения комнат были запрещены. Чтобы

ограничить ещё более издержки из церковных сумм, святитель отказался от всяких приёмов и выездов, отклонял приглашения на обеды» [12, с. 1046]. Все сэкономленные таким образом средства святитель направил на помощь нуждающимся. Таким образом, святитель не только формулировал некоторое учение, но и применял его на практике, тем самым доказывая его жизнеспособность, осуществимость.

Свое рассмотрение феномена бедности Златоуст начинает с воспроизведения господствующих в обществе его (и не только его) времени представлений. Постоянно обращаясь к носителям обыденного сознания, Златоуст и бедность рассматривает, как носители этого сознания – как недостаток либо полное отсутствие (нищета – как крайний вариант бедности) материальных благ (у святителя есть и своё собственное, христианское понимание бедности, но о нём в рамках данной статьи нет необходимости говорить).

Златоуст отмечает, что так понятая бедность воспринимается в обыденном сознании как негативное явление: «Бедность для многих кажется злом, но на самом деле она не такова» [5, с. 435], – говорит он, не только воспроизводя обыденное отношение к бедности, но и сразу вступая в полемику. В самом деле, рассуждает святитель, «если бы бедность была злом, все бедные должны бы быть злыми; если же многие из бедных достигли небес, то, следовательно, бедность – не зло» [5, с. 435]. Но, с горестью отмечает святитель, обыватели «не привыкли сострадать бедности» [10, с. 208], они равнодушны к ней или даже осуждают бедного, объясняя его состояние ленью и тому подобными причинами.

Конечно, Златоуст признает, что бедность происходит по разным причинам. Среди них есть и греховные причины, например, расточительность, лень и т. п. Златоуст, как христианский мыслитель, не одобряет подобное греховное поведение. Однако бедность, с его очки зрения, сама по себе не есть грех, даже если она возникает в результате греха. К тому же существуют бедность и по не зависящим от человека причинам, а также произвольная бедность, когда человек сам выбирает такой образ жизни (например, монашество). В любом случае, по мнению святителя, независимо от причины возникновения, бедность может приносить пользу как самому человеку, так и обществу, поэтому можно утверждать, что сама по себе бедность не есть зло, и если человек «внимателен и любобуду, она служит даже к истреблению

зла» [5, с. 435]. По этой причине бедняк не должен чувствовать себя неполноценным человеком и окружающие его люди не должны воспринимать его таким образом.

Говоря о пользе бедных для общества, Златоуст замечает: «и низшие нужны нам для поддержания нашей жизни: потребность эта такова, что хотя бы кто был богаче всех людей, однако не может чуждаться общения с другими и не нуждаться в беднейшем» [10, с. 348]. Показательно, что святитель говорит не просто о необходимости бедных, но о необходимости и «незасорности» общения с бедными. Этим он подчеркивает человеческий статус бедняка, принципиальное отличие потребности в нём от потребностей различного рода неодушевленных предметов. Даже когда бедняки удовлетворяют какие-либо бытовые или производственные потребности, не следует забывать, что они люди, а не механизмы для удовлетворения потребностей. Общение, причем общение в любви, – это основа социальной жизни, по Златоусту.

Вообще, говоря современным языком, для святителя общество есть система социальных ролей (статусов), созданная таким образом, чтобы каждый человек был необходим другим людям. Цель всего этого – связать всех людей в единое гармоничное целое. На первом – самом примитивном – уровне людей связывает необходимость, на более высоком уровне – любовь. Поэтому любая, даже самая, казалось бы, непрестижная социальная роль, полезна (если она не производит с необходимостью грех). В том числе и бедняк: как малоимущий труженик, так не способный к труду нищий.

Развивая мысль о необходимости бедняков, Златоуст считает возможным говорить о том, что богатые и бедные не просто имеют нужду друг в друге: богатые нуждаются в бедных более, нежели бедные в богатых. Для пояснения своей позиции святитель предлагает провести мысленный эксперимент – представить два «города» (полиса), т.е. создать модели двух видов общества. В одном городе (полисе/обществе) есть только бедные, в другом – только богатые. Цель эксперимента – выяснить, какой из городов «более будет в состоянии удовлетворить себе» [10, с. 348], то есть будет более самодостаточен, что является одним из важнейших признаков общества.

Рассматривая город богатых, святитель говорит, что отсутствие в нём бедняков будет означать, что в этом городе не будет строителей, плотников, сапожников, хлебопекарей, земледельцев, кузнецов и по-

добных им людей. Одним словом, в нём не будет рабочих (в широком значении этого слова), тех, кто производит необходимое для жизни любого человека, в том числе и богача. Наличие у богачей денег, подчёркивает святитель, в этой ситуации им никак не поможет. Осуществлять названные выше необходимые для жизни работы самостоятельно богатые также не захотят, а если и захотят, то их статус претерпит изменения, что будет нарушением условий эксперимента. Следовательно, заключает святитель, городу (полису/обществу) невозможно существовать без бедных. Без бедняков город погибнет, по причине чего можно называть бедняков спасителями (города/общества и живущих в нём богатых).

Город бедняков, наоборот, сможет прекрасно существовать без богатства, под которым Златоуст понимает предметы роскоши: золото, серебро, драгоценные камни, шёлковые, пурпурные, золотые одежды и т.п. (соответственно богатые – это те, кто обладает богатством и не занят какой-либо деятельностью, ничего не производит). Обитатели города бедняков – строители, сапожники, хлебопекари, земледельцы, кузнецы и т.п. – могут удовлетворить все свои потребности. Для этого беднякам нет никакой необходимости ни в богатых, ни в богатствах (в означенном выше значении этого слова). Более того, богатые и богатство опасны для города бедняков и общества как такового: с их появлением велика вероятность того, что бедные «впадут в страсть к золоту и жемчугу, предадутся праздности и роскоши» [10, с. 348] и в результате «погубят всё».

Как видим, бедняка из города бедняков – это не нищие, а люди, не имеющие излишеств, не живущие в роскоши, богатстве и праздности. Они каждый день работают, чтобы заработать на минимально необходимое для жизни, для поддержания физического существования. Для Златоуста это не просто не плохо, это – идеально, отражает его социальный идеал – новоназначенную Церковь времен апостолов как она описана в книге Деяний апостольских. Для нее была характерна общность имущества и умеренность в своих желаниях, отсутствие стремления к чему-либо, «кроме необходимого к поддержанию жизни» [11, с. 643–644]. В результате «никто не был беден, то есть от усердия дающих [свое имущество в общее пользование – Л.С.] никто не был в бедности» [9, с. 113], все были обеспечены необходимым для жизни.

По мнению Златоуста, полезны не только небогатые труженики. Полезны и крайне бедные, нищие, не могущие трудиться ка-

леки. Полезны даже те из них, кто достиг такого состояния по своей собственной вине, поддавшись той или иной греховной страсти. Но это уже польза иного рода, хотя и имеющая социальное измерение, но в сущности своей сотериологическая. Для Златоуста, как религиозного мыслителя, польза подобного рода имеет особое значение. По этой причине он рассматривает ее весьма обстоятельно, многократно повторяясь, чтобы сказанное прочно закрепилось в сознании слушателей.

По мнению святителя, в этой земной жизни бедные есть «врачи наших душ, благодетели и предстатели» [3, с. 308] перед Богом; на них необходимо смотреть «как на таких людей, которые могут доставить нам средство ко спасению» [6, с. 366]. Златоуст неоднократно подчёркивает выраженную в Евангелиях мысль о том, что в виде бедняка перед нами стоит сам Христос, и, следовательно, помогая бедному, мы оказываем услугу самому Богу и, значит, в конечном итоге самим себе. Речь идет о милостыне и, шире, о любой помощи бедным. Давая милостыню, подчёркивает святитель, «ты не столько даёшь им, сколько получаешь: даёшь серебро, а получаешь Царствие Небесное; облегчаешь бедность и примиряешь себя с Владыкою» [3, с. 308].

Последняя фраза указывает на двойное значение помощи бедным: социальное (облегчаешь бедность) и сотериологическое (примиряешь себя с Владыкою). Бог как всемогущий, замечает святитель, может и сам удовлетворить все нужды бедняка, но «Он оставляет его бедствовать в нищете для того, чтобы и он стяжал великую награду за терпение и ты милостыней приобрёл себе дерзновение» [6, с. 366]. Впрочем, данное объяснение не является универсальным. Во многих случаях Бог и сам помогает беднякам. Перефразируя псалмопевца, святитель говорит даже, что «никто другой, но Ты один – заступник сирых и бедных» [7, с. 131]. Но помощь Бога имеет целью спасение человека и поэтому не всегда сводится к устранению бедности, поскольку она может быть для него полезна. Вообще, по мнению Златоуста, существуют разные причины, как бедности, так и помощи Бога либо её отсутствия.

Сотериологическая природа милостыни максимально хорошо видна в случае ее несправедливого получения и недолжной траты, что является весьма распространенным объяснением отсутствия милостыни, ее неподаяния. Даже если бедняк по своей вине стал бедняком, даже если он неправильно использует подаяние, это не должно

служить оправданием в неподаянии милостыни. «Каждый из нас даст ответ Богу за самого себя. А чтобы нам дать такой ответ, который послужил бы к нашему оправданию, будем вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку к бедным, помня, что исполнение заповедей – вот единственное наше оправдание, а другого нет никакого» [10, с. 212-213]. Другими словами, для Златоуста, как религиозного мыслителя, любое действие имеет значение в перспективе его оценки Богом. Любое благое деяние может быть использовано во вред. Поэтому, если бы указание на это было достаточным, то вообще никакие благие деяния не нужно было бы совершать.

Кроме того, святитель подчеркивает, что милостыня не сводится к помощи деньгами. Перечисляя виды милостыни, святитель помимо подаяния денег указывает на помощь ходатайством, оказанием каких-либо услуг (например, врач может позаботиться о тех, кто болеет), советом. Последнее – совет – Златоуст считает самым важным видом помощи, поскольку «им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти» [9, с. 240]. В самом деле, восклицает святитель (еще раз демонстрируя, что он оценивает всё в перспективе спасения человека, достижения Царствия Небесного), разве «не велика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем страсти, можешь освободить от этой болезни» [9, с. 241]? Этим риторическим вопросом Златоуст вновь акцентирует внимание на том, что помощь не должна носить формальный характер, но должна быть движима подлинной любовью к людям, должна основываться на восприятии людей как имеющих безусловную ценность образа Творца.

Этот персоналистский, личностный, гуманистический характер дискурса Златоуста виден и в указании на ответные действия бедняка. В самом деле, поскольку бедняк является свободной разумной личностью, постольку он способен оказывать дополнительную помощь в деле спасения помогающего ему: он может молиться за помогающего ему и/или другим нуждающимся. С христианской точки зрения это весьма существенная помощь. Златоуст уподобляет помощь бедным уплате налогов, на которые содержится армия, защищающая жителей от варваров. Так же и бедняки, приняв помощь как своего рода налог, «умилостивляют Бога своими молитвами, а умилостивляя Бога, они разрушают наветы не варваров, а демонов, и не допускают лукавому духу усиливаться и делать

непрестанные нападения, но ослабляют его силу» [8, с. 679].

Учитывая сказанное, не удивительно, что святитель весьма высоко оценивает милостыню, считая её универсальным «средством ко спасению»: «нет греха, – подчёркивает он, – которого бы не могла очистить, которого бы не могла истребить милостыня; всякий грех ниже неё» [9, с. 240].

Есть положительные стороны в бедности и для спасения самого бедняка. Богатый человек, как правило, боится потерять своё богатство, что может приводить к опасным для него психологическим и опасным для окружающих социальным последствиям. Бедняк же имеет больше оснований для того, чтобы быть свободным от подобных страхов. При правильном восприятии бедности он «легко переносит всё, часто упражняя свои силы в борьбе с бедностью» [7, с. 125]. Он не просто свободен от страха, но и может быть подлинно счастлив. Ведь всякий, кто «приучил себя к скромному образу жизни, всегда спокоен и наслаждается удовольствием» [9, с. 159], которое он способен получать практически от всего. Он способен радоваться тому, что действительно достойно радости – красоте окружающей природы, от созерцания творения восходя к созерцанию Творца и получая двойную пользу.

Богатый человек более склонен надеяться на богатство, чем на Бога. По мнению святителя, это большая ошибка, чреватая серьезными последствиями для богатого. Бедному же проще постигать важную для христианского философа мысль о том, что всё в руках Божьих. Бедный менее подвержен главным греховным страстям – гордости («корню всех зол»), сребролюбию, тщеславию. Также бедность учит смиренности – важнейшей христианской добродетели. И во всех других вещах – житейских и духовных – бедные, по мнению святителя, имеют преимущество перед богатыми.

В итоге бедный более, нежели богатый, склонен организовывать свою жизнь в соответствии с христианским вероучением, что для Златоуста важнее всего, поскольку является единственным способом достижения спасения. «В самом деле, – восклицает святитель, – что вводит в царствие Божие богатство или бедность? Послушаем, что говорит об этом сам небесный Владыка. О богатых он говорит, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому в царствие Божие (Мф. 19, 24); а о бедных сказал, напротив: *аще хочещи совершен быти, продаждь имение твое,*

и даждь нищим, и гряди в след Мене: и имети имаши сокровище на небесах (Мф. 19, 21)» [11, с. 597].

Высшей формой подобным образом организованной жизни для Златоуста является монашество. Высшей по причине того, что в монашестве все элементы жизни (в том числе удовлетворение материальных потребностей) рационально продуманы и организованы в перспективе исключительно спасения человека. Это правильная жизнь в ее чистом виде. И бедность, как отсутствие материальных благ (ибо монах не имел своей собственности в мирском смысле этого слова), является неотъемлемым условием такой жизни. Поэтому неудивительно, что святитель произносит настоящий панегирик бедности. «Она, – говорит Златоуст, – безопасное прибежище, тихая пристань, всегдашнее спокойствие, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствие, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучие ненарушимое, источник мудрости, узда надменности, свобода от наказания, корень смирения» [5, с. 431–432].

Будучи хорошим психологом, Златоуст понимает, что бедность полезна не автоматически, а только при правильном – христианском – отношении к ней. Если же подобного правильного настроения нет, то бедность может быть опасной для человека, приносить вред ему и окружающим его людям, обществу. Так, святитель отмечает, что нередко бедные (не воспринимающие свою бедность похристиански) бывают подвержены зависти – весьма опасной греховной страсти. Существуют и другие опасности бедности. Обобщая, можно сказать, что бедные нередко «от недостатка необходимых потребностей совершают много злодеяний» [11, с. 598]. Однако все эти недостатки свойственны не только бедным. Для Златоуста очевидно, что «никто из бедных не делает столько злодеяний от бедности, сколько совершают их богатые, из желания большего богатства и из опасения, чтобы не потерять уже хранящегося у них» [11, с. 598]. Поэтому можно утверждать, что когда бедный грешит, он делает это «не от бедности, [а] от собственного безумия и малодушия» [5, с. 435]. Тот же Иов, говорит святитель, даже впав в крайнюю нищету, остался добродетельным, что подчеркивает отсутствие необходимой зависимости греховных деяний от бедности и указывает на её инструментальную сущность.

В самом деле, рассуждает святитель, «из всех предметов одни – добро, другие – зло, а третьи – нечто среднее; из них некоторые многим кажутся злом, а на самом деле не таковы» [5, с. 435]. Такого рода «средние

предметы» люди «могут употреблять их и на добро и на зло» [5, с. 436]. Поэтому бедность не только не есть зло, но не есть «прямо добро, но некоторое средство к добродетели» [5, с. 435], «смотря по настроению испытывающих это» [5, с. 437].

Если Златоуст больше говорит о положительных аспектах бедности, то только для того, чтобы изменить однозначно отрицательное восприятие этого феномена в обыденном сознании, изменить негативную идентичность самих бедняков, показать, что бывает бедность достойная уважения, и такая бедность доступна для всех бедняков и, вообще, для всех людей. Она не только доступна, но и достойна того, чтобы к ней стремились, ибо аскеза, которая может быть истолкована как вид бедности, достойный уважения, является единственным способом спасения. Указывая на слова Павла, сказавшего: *о милостыне же, яже ко святым, якоже устроиш церквам галатийским, тако и вы сотворяйте* (1 Кор. 16, 1,2), Златоуст подчеркивает, что апостол сознательно говорит о милостыне не бедным или нищим, а святым, «научая этим слушателей почитать и бедных, когда они благочестивы» [4, с. 265]. Павел внушает коринфянам, а вместе с ними и всем остальным, не думать, «будто бы они подавали (милостыню) людям низким и презренным, но твердо знать и уверять себя, что, удостаиваясь иметь общение в скорбях бедных, они получают величайшую почесть» [4, с. 265].

1. Брендле, Р. Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик [Текст] / Р. Брендле; пер. с нем. М.: Издательство ББИ, 2008. 208 с.

2. Георгий, архиепископ Александрийский. Повествование, или житие и чудеса во святых отца нашего и вселенского учителя и архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста [Текст] / архиепископ Александрийский Георгий // Древние жития святителя Иоанна Златоуста. Тексты и комментарий. М.: «Паломник»; ПСТГУ, ИМЛИ РАН, 2007. С. 247–360.

3. Иоанн Златоуст, свт. Беседа 3-я на слова: Имущие же той же дух веры (2 Кор 4, 13) [Текст] / Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в 12 тт.: Т.3. кн.1. М.: Радонеж, 1994. С. 297–309.

4. Иоанн Златоуст, свт. Беседа о милостыне, произнесенная после того, как он (св. Златоуст) в зимнее время прошел и увидел на площади бедных и нищих, лежащих без призрения [Текст] / Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в 12 тт.: Т.3. кн. 1. М.: Радонеж, 1994. С. 263–276.

5. Иоанн Златоуст, свт. Беседа, когда Сатурнин и Аврелиан были отправлены в ссылку и Гайна вышел из города, и о сребролюбии [Текст] / Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в 12 тт.: Т.3. кн.2. М.: Радонеж, 1994. С. 431–435.

6. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на книгу Бытия: в 2-х кн. [Текст] / Иоанн Златоуст. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. 906 с.

7. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Псалмы [Текст] / Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в 12 т., Т. 5, кн. 1–2. М.: Радонеж, 2005. 1005 с.

8. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея евангелиста: в 2-х тт. [Текст] / Иоанн Златоуст. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. 891 с.

9. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские [Текст] / Иоанн Златоуст. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1994. 478 с.

10. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на первое послание к Коринфянам [Текст] / Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в 12 тт.: Т. 10, кн.1. М.: Радонеж, 2004. 456 с.

11. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на второе послание к Коринфянам [Текст] / Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в 12 тт.: Т. 10, кн. 2. М.: Радонеж, 2004. С. 459–728.

12. Сагарда Н.И. Учение святого Иоанна Златоуста о Церкви / Н.И. Сагарда // Сагарда Н.И., Сагарда А.И. Полный курс лекций по патрологии. СПб.: Воскресение, 2004. С. 1067–1082.

References

1. Brendle R. (2008) Ioann Zlatoust. Propovednik, episkop, muchenik. Moscow, Izd-vo BBI, 208 p. [in Rus].

2. Georgij, arhiepiskop Aleksandrijskij (2007). Povestvovanie, ili zhitiie i chudesa vo svyatyh otca nashego i vselenskogo uchitelya i arhiepiskopa Konstantinopol'skogo Ioanna Zlatousta // Drevnie zhitiya svyatitelya Ioanna Zlatousta. Teksty i kommentarij. Moscow, Izd-vo «Palomnik»; PSTGU, IMLI RAN, 2007. pp. 247–360 [in Rus].

3. Ioann Zlatoust, svt. (1994) Beseda 3-ya na slova: Imushche zhe toj zhe duh very (2 Kor 4, 13) // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij v 12 tt.: T.3. kn.1. Moscow, Izd-vo Radonezh, pp.297–309 [in Rus].

4. Ioann Zlatoust, svt. (1994) Beseda o milostyne, proiznesennaya posle togo, kak on (sv. Zlatoust) v zimnee vremya proshel i uvidel na ploshchadi bednyh i nishchih, lezhashchih bez prizreniya // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij v 12 tt.: T.3. kn.1. Moscow, Izd-vo Radonezh, pp.263–276 [in Rus].

5. Ioann Zlatoust, svt. (1994) Beseda, kogda Saturnin i Avrelian byli otpravleny v ssylku i Gajna vyshel iz goroda, i o srebroyubii // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij v 12 tt.: T.3. kn.2. Moscow, Izd-vo Radonezh, pp.431–435 [in Rus].

6. Ioann Zlatoust, svt. (1993) Besedy na knigu Bytiya: v 2-h kn. Moscow, Izdatel'skij otdel Moskovskogo patriarhata, 906 p. [in Rus].

7. Ioann Zlatoust, svt. (2005) Besedy na Psalmy // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij v 12 t., T.5, kn.1-2. Moscow, Izd-vo Radonezh, 1005 p. [in Rus].

8. Ioann Zlatoust, svt. (1993) Tolkovanie na svyatogo Matfeya evangelista: v 2-h tt. Moscow, Izdatel'skij otdel Moskovskogo patriarhata, 891 p. [in Rus].

9. Ioann Zlatoust, svt. (1994) Besedy na Deyaniya apostol'skie. Moscow, Izdatel'skij otdel Moskovskogo patriarhata, 478 p. [in Rus].

10. Ioann Zlatoust, svt. (2004) Besedy na pervoe poslanie k Korinfyanam // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij v 12 tt.: T.10. kn.1. Moscow, Izd-vo Radonezh, 456 p. [in Rus].

11. Ioann Zlatoust, svt. (2004) Besedy na vtoroe poslanie k Korinfyanam // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij v 12 tt.: T.10, kn.2. Moscow, Izd-vo Radonezh, pp. 459–728 [in Rus].

12. Sagarda N.I. (2004) Uchenie svyatogo Ioanna Zlatousta o Cerkvii // Sagarda N.I., Sagarda A.I. Polnyj kurs lekcij po patrologii. SPb., Izd-vo Voskresenie, pp. 1067–1082 [in Rus].

UDC 1.211

A POOR MAN: POSITIVE RETHINKING OF NEGATIVE IDENTITY IN THE CHRISTIAN DISCOURSE OF JOHN CHRYSOSTOM

Loginovskiy Sergey Sergeevich,

South Ural State University,
Associate Professor of the Department
Chair of Political Science,
Cand. Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: 246abcd@mail.ru

Annotation

The article shows how the famous Christian thinker Saint John Chrysostom rethinks the notion of poverty. Most often poverty is perceived in everyday consciousness as a negative phenomenon. Identity of poor people also usually follows this dominating discourse. John Chrysostom does not consider poverty to be a mischief. It even can do good both for people and a society. For this reason a poor man does not have to feel defective and people surrounding him must not perceive him like this.

Key concepts:

patristics,
john chrysostom,
social philosophy,
identity,
poverty.

УДК 908.470.4(947.8)+9с

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЕПАРХИАЛЬНОЙ МИССИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1905–1917 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)¹

Кокарев Максим Сергеевич,

Общecerковная аспирантура
и докторантура
имени святых Кирилла и Мефодия,
аспирант, г. Самара, Россия.
E-mail: maxim.kokarev.1980@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс перестройки епархиальной миссии Православной Российской церкви после дарования вероисповедных свобод в 1905 г. Акцентируется внимание на финансировании (как центральном, так и местном) новых миссионерских институтов.

Ключевые понятия:

православная миссия,
финансы,
епархиальный съезд,
региональная церковная история,
Средне-Волжский регион.

В последние двенадцать лет перед революцией 1917 г. миссионерская деятельность Русской Церкви претерпевала серьезную реорганизацию. Указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 года, отменяя уголовную ответственность за переход из православия в инославие и иноверие, создавал совершенно иные условия для осуществления Церковью своих миссионерских задач. Если раньше об официальной «отписке» из православия нельзя было и помышлять, то теперь епархиальное начальство было вынуждено иметь дело с огромным количеством заявлений подобного рода. Первое прошение об отчислении из Православной Церкви поступило в Самарскую консисторию уже 28 апреля (через 10 дней после выхода указа) от бывшего лютеранина, желающего вернуться к вере предков [3, л. 1]. В последующие месяцы число заявлений нарастало подобно снежному кому; люди ходатайствовали об отчислении в старообрядчество разных толков, баптизм, иудейство и т.д. При этом невозможным было уже обращение к административному ресурсу светской власти, чем нередко пользовалось самарское епархиальное начальство в предыдущие годы. В такой ситуации требовался пересмотр всей структуры церковной миссии.

В мае 1908 г. Синод своим определением за № 3443 от 20 – 26 мая утвердил правила об устройстве внутренней миссии Русской Церкви. Согласно этим правилам миссия должна осуществляться на трех уровнях: народно-приходская миссия (кружки ревнителей православия), пастырско-приходская миссия (приходское духовенство) и специальная миссия. Специальная миссия должна быть учреждена в каждой епархии и состоять из уездных миссионеров, епархиальных миссионеров и миссионерского совета [2, с. 190–196].

Во исполнение данного определения Синода в том же 1908 году в Самаре был организован Самарский епархиальный миссионерский совет. Председателем совета стал тогдашний самарский преосвященный епископ Константин (Булычев). Кроме него в совет вошли: ректор семинарии архимандрит Неофит (Осипов) и два ее преподавателя, епархиальные миссионеры (противосектантский – протоиерей Михаил Алексеев и противораскольнический – Димитрий Александров) и два

¹ Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по исследовательскому проекту 14-31-01022 «Система епархиального управления Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX веков (на материалах Самарской епархии)».

члена духовной консистории (протоиерей Александр Ястребов и священник Афанасий Рождественский). У В.Н. Якунина вместо Димитрия Александрова ошибочно указан священник Сергей Пряхин, который был назначен епархиальным миссионером только в 1910 г. [12, с. 72; 4, л. 7]. Казначеем совета был назначен протоиерей Михаил Алексеев, а делопроизводителем – бессменный столоначальник вероисповедного стола консистории коллежский асессор Матвей Гребнев.

Собирался совет в здании духовной консистории несколько раз в год (в 1911 – 5, в 1914 – 10) под председательством правящего архиерея. В случае длительного отсутствия последнего заседания возглавлял епископ Уральский Тихон как викарий [11, л. 42]. В последующие годы состав совета несколько расширился, в него были введены епархиальный наблюдатель церковных школ и настоятель самарского Никольского мужского монастыря [7, л. 58]. За время своего существования советом были предложены и запроецированы многие меры по усилению миссионерской деятельности, однако не все они были воплощены в жизнь.

Важнейшей мерой совет считал подготовку кадров для миссии, так как усилий окружающих миссионеров и их сотрудников было явно недостаточно. С другой стороны, у тех священников, монашествующих и мирян, которые хотели бы потрудиться на ниве миссии, зачастую не хватало знаний. Исправить это положение должно было учреждение миссионерских курсов. Так, в 1911 году в Самарской епархии дважды проходили краткосрочные миссионерские курсы: 1) с 20 апреля по 1 мая противораскольнические курсы в Уральске для приходских священников и 2) с 24 августа по 18 сентября противосектантские курсы для монахинь Иверского женского монастыря (было еще 3 женщины со стороны) [11, л. 54 об. и 56 об.]. На курсах разбирались основные вопросы, по которым велась полемика с сектантами и раскольниками.

Другой важной мерой было предоставление желающим заняться миссионерством возможности самостоятельного ознакомления с полемической литературой. Остро стоял вопрос о снабжении миссионерских библиотек этой литературой. Однако и здесь, как и во многих других случаях, главными сложностями были финансовые; совет мог выделять на приобретение книг, журналов и брошюр и на бесплатную их раздачу во время собеседований лишь

немногим более 200 рублей в год. Этого явно не хватало. Была даже создана специальная комиссия для издания брошюр и листов, однако из-за нехватки средств и здесь дело не пошло [1, с. 9].

Для того чтобы сделать миссионерскую литературу доступнее для людей, была предпринята еще одна мера. В 1913 г. епархиальный съезд духовенства утвердил должность миссионера-книгоноши, который был должен заниматься распространением литературы (продажей и бесплатной раздачей). Поскольку должность эта была связана с постоянными разъездами и не могла исправляться «на общественных началах», книгоноше было определено приличное жалование – 400 рублей в год. Вот только денег этих в бюджете Миссионерского совета не было. Эта идея тоже могла закончиться ничем, но в данном случае деньги все же нашли; было принято решение специально для этой цели собирать с каждой церкви епархии по 50 копеек в год. Уже с конца 1913 года сборы эти стали поступать от благочинных в Миссионерский совет [10, л. 8]. В 1914 г. на эту должность был назначен крестьянин села Дубового Николаевского уезда Евстафий Оленин (приступил к исполнению только в 1915 г.) [1, с. 4].

Поскольку финансирование было одним из самых животрепещущих вопросов самарской епархиальной миссии, следует остановиться на нем подробнее. Бюджет Миссионерского совета складывался из следующих поступлений: 1) остаток от прошлого года; 2) пособие Священного Синода; 3) 3–6-рублевый сбор с храмов епархии (по 6 рублей с городских храмов и по 3 – с деревенских); 4) тарелочный сбор, проводимый в церквях епархии на Благовещение (бывший «сбор 6 декабря»); 5) проценты по капиталу миссии; 6) проценты по сберегательной кассе и 7) случайные поступления [8, л. 37]. В целом бюджет совета колебался в пределах 9–11 тысяч рублей; по смете на 1917 год совет должен был получить из всех источников 11565 рублей 60 копеек [5, л. 2].

Этих денег для выполнения всех стоящих перед миссией задач было явно недостаточно. Больше половины бюджета уходило на жалование двум епархиальным миссионерам, которые не имели других средств к существованию, посвятив себя делу миссии целиком. Из оставшихся денег более чем скромное жалование (100–300 рублей в год) получали окружающие миссионеры-священники, а также со-

трудники миссионеров из крестьян (от 30 до 420 рублей в зависимости от усердия к службе). Кроме того, 400 рублей уходило на прогоны и суточные при разъездах миссионеров и 600 рублей – на содержание канцелярии совета и епархиальной миссионерской библиотеки.

В целом бюджет Миссионерского совета имел тенденцию к постоянному увеличению расходной части. Простой пример. В 1911 году епархиальные миссионеры получили жалование 5100 рублей на двоих; священник Сергей Пряхин – 2400 рублей, а протоиерей Михаил Алексеев – 2700 (получал доплату за заведывание библиотекой) [8, л. 30]. В следующем году жалование обоим миссионерам составило 6000 рублей (по 3000 каждому), т.е. расходная часть бюджета возросла почти на тысячу рублей [8, л. 39 об.]. Неудивительно, что бюджет был чаще дефицитным, чем профицитным. Так, в 1908 году расход превысил доход на 184 р. 58 коп., в 1910 – на 641 р. 77 коп., в 1911 – на 1074 р. 58 коп. [9, л. 39].

Такая ситуация грозила полным истощением запаса наличных денег, который все же существовал благодаря редким профицитным годам (например, 1909 г.). Попытки найти дополнительные источники финансирования все же были. Так в 1912 г. казначей совета протоиерей Михаил Алексеев обратился к епархиальному съезду духовенства с просьбой восстановить прежнюю ассигновку в размере 1900 рублей из сумм свечного завода (производилась с 1902 г. по 1909 г.). Депутаты съезда, однако, разошлись во мнениях по этому вопросу и в результате голосования 24 из 38 проголосовали против [9, л. 40 об.]. В результате, постоянно уменьшаясь, на 1917 год запас наличных денег составил всего 228 руб. 35 коп. (еще в 1911 он едва не доходил до 2500 рублей) [5, л. 2 об.].

Сложная финансовая ситуация вынуждала совет сокращать расходы. Если в 1911 году жалование получали 7 окружных миссионеров и 10 сотрудников, то в 1915 только 4 миссионера (остальные 11 трудились безвозмездно) и 8 сотрудников [7, л. 105 об.]. Если окружной миссионер – приходской священник – все же имел другие средства к существованию, то для сотрудника, питающегося «от сохи», даже небольшое жалование было серьезным подспорьем. Ситуация усложнялась еще и ростом цен на товары и услуги в начале XX в., темпы которого особенно увеличились в годы Первой мировой войны. Приведем неко-

торые цифры. Накануне войны, в 1914 г. в Самарской губернии аренда квартиры стоила 10 рублей, воз дров – от 30 до 40 рублей, пуд пшеничной муки – 1 рубль 20 копеек, фунт сливочного масла – 35 копеек, десяток яиц – 1 рубль 20 копеек, фунт мяса – 15 копеек. К 1916 году цены серьезно выросли: квартира – 15 рублей, дрова – 120–160 рублей, мука – 3 рубля 60 копеек, масло – 1 рубль 80 копеек, яйца – 6 рублей, мясо – 30 копеек [6, л. 73]. Таким образом, жалование окружных миссионеров (максимум 300 рублей в год) и их сотрудников (максимум 420 рублей в год) никак не могло их полностью обеспечивать.

Те же финансовые проблемы не позволили в полной мере создать структуру, предусмотренную «Правилами» 1908 г. Такое звено епархиальной миссии, как уездные миссионеры, в Самарской епархии так и не сложилось. По подсчетам Миссионерского совета, на введение этого института понадобилось бы ежегодно 16500 рублей, т.е. в 1,5 раза больше чем весь бюджет совета [1, с. 8]. Правда в означенный период в документах консистории и миссионерского совета все же встречаются упоминания об уездных миссионерах как минимум дважды. На момент своего назначения епархиальным миссионером священник Сергей Пряхин числился уездным миссионером Самарского уезда [4, л. 7], а в отчете совета за 1915 год фигурирует еще один уездный миссионер – священник Василий Быстров (в Новоузенском уезде) [7, л. 105]. Однако нет никаких сведений о том, как эта должность оплачивалась (судя по отчету 1915 г. – никак).

Еще одной идеей, так и оставшейся невоплощенной, была постройка специального миссионерского дома-храма, который мог бы стать своеобразным духовным и учебно-информационным центром епархиальной миссии, местом проведения собраний, миссионерских курсов, местом общения миссионеров и т.д. В 1913 г. Миссионерский совет обращался к епархиальному съезду духовенства с просьбой о выделении пособия на его строительство, но получил отказ. А в следующем году стало ясно, «что на какое-либо пособие от Синода в данном деле и рассчитывать нечего» [1, с. 8].

Таким образом, мы видим, что ситуация, в которой оказалось дело миссии после 1905 г., привело к ряду серьезных изменений на епархиальном уровне. Лишенные возможности опираться на адми-

нистративно-полицейскую власть, епархиальное начальство должно было искать новые способы противостояния сектантству и расколу. С другой стороны, недостаточное финансирование не позволило реализовать все планы и полностью выстроить в Самарской епархии структуру, предложенную Синодом. Не последнюю роль сыграло здесь отношение самого приходского духовенства, которое в лице депутатов съезда неоднократно отказывало в ассигновке на миссионерские нужды, предпочитая расходовать ограниченные средства на собственные сословные нужды (образовательные, социальные и т.д.).

1. Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. Самара, 1915. 65 с.

2. Правила об устройстве внутренней миссии православной русской Церкви // Церковные ведомости. 1908. № 22. С. 190–196.

3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 3233.

4. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3256.

5. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 476.

6. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5180.

7. ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1.

8. ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3.

9. ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 5.

10. ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 15.

11. ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 16

12. Якунин, В.Н. История Самарской епархии [Текст] / В.Н. Якунин. Тольятти, 2011. 623 с.

References

1. Otchet o sostoyanii sektantstva i staroobryadchestva i deystviyakh protivosektantskoy i protivostaroobryadcheskoy missii v Samarskoy eparkhii za 1914 god (1915), Samara, 65 p. [in Rus].

2. Pravila ob ustroystve vnutrenney missii pravoslavnoy russkoy Tserkvi (1908), *Tserkovnye vedomosti*, 22, pp. 190–196 [in Rus].

3. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO), F. 32. Op. 1. D. 3233. [in Rus].

4. TsGASO. F. 32. Op. 1. D. 3256. [in Rus].

5. TsGASO. F. 32. Op. 2. D. 476. [in Rus].

6. TsGASO. F. 32. Op. 7. D. 5180. [in Rus].

7. TsGASO. F. 208. Op. 1. D. 1. [in Rus].

8. TsGASO. F. 208. Op. 1. D. 3. [in Rus].

9. TsGASO. F. 208. Op. 1. D. 5. [in Rus].

10. TsGASO. F. 208. Op. 1. D. 15. [in Rus].

11. TsGASO. F. 208. Op. 1. D. 16. [in Rus].

12. Yakunin V.N. (2011) *Istoriya Samarskoy eparkhii*, Tol'yatti, 623 p. [in Rus].

UDC 908.470.4(947.8)+9c

FINANCING DIOCESAN MISSION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1905–1917 (AS EXEMPLIFIED BY SAMARA DIOCESE)

Kokarev Maksim Sergeevich,

SS Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies,
Post-graduate Student,
Samara, Russia.

E-mail: maxim.kokarev.1980@mail.ru

Annotation

The article deals with the process of reorganization of the diocesan mission of the Russian Orthodox Church after giving confessional freedom in 1905. Special attention is put to financing (both central and local) new missionary institutions.

Key concepts:

orthodox mission,
finance,
diocesan congress,
regional church history,
central Volga region.

УДК 330.173.34

**Рецензия на книгу
Д.Ю. Миропольского,
И.А. Максимцева,
Л.С. Тарасевича
«ОСНОВЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИКИ»**

Корнейчук Борис Васильевич,
Национальный исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургский филиал,
профессор департамента экономики,
доктор экономических наук,
профессор,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: bkorneychuk@hse.ru.

Аннотация

Проведен критический анализ учебника Д.Ю. Миропольского, И.А. Максимцева, Л.С. Тарасевича «Основы теоретической экономики». Показаны внутренние противоречия и слабые места предложенной авторами концепции перехода экономики страны к плановому управлению.

Ключевые понятия:
марксизм,
теории мотивации,
плановая экономика,
бюрократия,
вождизм.

В книге изложена оригинальная концепция экономического развития, которая базируется на авторской трактовке человеческой мотивации. В отличие от авторов большинства «рыночных» учебников экономики, авторы книги следуют исторической логике изложения, широко используют положения марксизма и стремятся доказать необходимость перехода экономики страны к плановому управлению. Первая часть учебника является вводной, вторая посвящена эпохе, предшествующей разделению труда, третья – эпохе разделения труда, четвертая – эпохе положительного гуманизма, изобилия, или коммунизма, где «каждый человек, как экономический бог, по своему усмотрению творит любой продукт в любом количестве» [1, с. 181, 508]. Наступление высшей, третьей стадии развития общества описывается авторами в терминах диалектики как «конец экономики», наступивший вследствие преодоления противоречия между ограниченным производством и неограниченным потреблением.

Авторы предваряют изложение экономической теории психологическим анализом поведения человека и предлагают две оригинальные, но не связанные друг с другом трактовки мотивации. Первая из них предполагает наличие у человека двух базовых комплексов. Комплекс могущества определяется как подсознательное убеждение в полном контроле человека над своим производством и потреблением, а комплекс ничтожества – как бессознательная тяга к первобытному единству производства и потребления, к гармоничной жизни в обществе без технического прогресса. Посредством образования парных комбинаций базовых комплексов авторы определяют четыре производных комплекса: «ничтожности могущества», «могущества ничтожества», «ничтожности ничтожности» и «могущества ничтожности». Первый из них назван комплексом лидера, а последний – комплексом аутсайдера. Далее, тем же методом группировки, образованы четыре производных комплекса второго порядка: «комплекс аутсайдера как лидера», «комплекс лидера как лидера», «комплекс аутсайдера как аутсайдера» и «комплекс лидера как аутсайдера». Следует признать, что предложенные категории оказались весьма сложными для понимания: так, например, «комплекс лидера как аутсайдера» представляет собой некий конгломе-

рат «комплекса ничтожности могущества» и «комплекса могущества ничтожности». Авторы полагают, что в эпоху после разделения труда человек будет господствовать над своим продуктом, обретет двойное могущество и при этом избавится от экономических фрустраций и комплексов [1, с. 59–60].

В книге предпринята попытка синтеза теорий марксизма и маргинализма, для чего авторами рассмотрен частный случай, когда производственная функция зависит лишь от затрат труда, является линейной и совпадает с функцией тягости труда [с. 11, 91–113]. При таких «экзотических» допущениях мы действительно приходим к положениям марксистской теории: во-первых, выпуск продукта прямо пропорционален затратам труда рабочих, что согласуется с трудовой теорией стоимости, во-вторых, выпуск тождественен тягости труда, что формально примиряет теории объективной и субъективной ценности. Но лишь формально, поскольку для синтеза теорий следовало доказать прямую связь между объективной ценностью выпуска продукта и субъективной полезностью его потребленного количества (а не тягостью затраченного труда). Причем именно полезность продукта, выступающая центральной категорией маргинализма, авторами как раз и не сопоставляется с рыночной стоимостью. Вместе с тем следует признать интересным методическим приемом использование линейной производственной функции для иллюстрации теории трудовой стоимости в качестве частного случая теории предельной продуктивности. Однако для общего случая, когда предельный продукт падает, а предельная тягость растет, полученные выводы перестают быть справедливыми, что не позволяет признать ни научную значимость данного приема, ни успешность синтеза двух экономических школ. Дело здесь не в технических деталях и функциях, главное, что не была решена задача объединения в целостной теории двух противоположных концепций человека: классовой, коллективистской концепции марксистов и индивидуалистической концепции маргиналистов.

Главная теоретическая новация, составляющая основу всей теоретической конструкции учебника, заключается в противопоставлении двух видов продуктов: базовых и пионерных. Базовый продукт «устойчиво повторяется», он сохраняет человека как та-

кового, а пионерный продукт – это новый продукт, меняющий природу человека, он производится новым способом и удовлетворяет новые, не ставшие жизненно необходимыми потребности. Опираясь на свою концепцию комплексов человека, авторы приходят к выводу, что на индустриальной стадии формируется разделение общества на две группы (класса): каждый человек оказывается привязанным к производству либо базовых продуктов, либо пионерных продуктов. В первом случае он является аутсайдером, а во втором – лидером [1, с. 324]. Исходный постулат предложенной теории весьма спорен: он утверждает, что при производстве базовых продуктов стоимость результата превышает стоимость затрат, а при производстве пионерных продуктов стоимость результата ниже ее. Этот тезис обосновывается тем, что технология производства базовых продуктов отлажена, и они жизненно необходимы, в то время как пионерные – либо в силу новизны, либо в силу плохого качества «не способны восстанавливать в процессе потребления достаточное количество рабочей силы» [1, с. 119, 124]. Данный постулат не согласуется с хозяйственной практикой в развитых странах, где инновации осуществляются частными венчурными фирмами, а новые продукты часто имеют относительно низкие издержки (сберегающие технологии) или относительно высокий спрос (новый вид товара), что обеспечивает новаторам дополнительную прибыль. Позиция авторов противоречит также теории инновационного развития Й. Шумпетера, который различал предпринимателя-новатора и «просто хозяина»: первый осуществляет «новые комбинации» и вознаграждается высокой прибылью, а второй пользуется готовыми комбинациями и получает значительно меньшую прибыль. Он писал: «Мы имеем дело с предпринимательской прибылью, которая исчезает, когда новое благо внедряется в хозяйственный оборот и его цена приводится в нормальное соотношение с издержками... по сути своей предпринимательская прибыль – это результат осуществления новых комбинаций» [4, с. 165, 234].

Необходимость планового регулирования экономики авторы логически выводят из постулата о прибыльности базовых продуктов и убыточности пионерных продуктов. Поскольку пионерный сектор играет важнейшую роль в развитии общества,

но при этом, по мнению авторов, является объективно убыточным, то он должен управляться государством, при этом «рыночный и плановый способы производства организации хозяйства определяются пропорцией между базовыми и пионерными секторами» [1, с. 153]. «Излишнюю» прибыль базового (рыночного) сектора авторы рассматривают как источник ресурсов для развития пионерного сектора и считают жизненно необходимым принудительное перераспределение ресурсов между секторами в пользу пионерного сектора, предполагая, что если оно не будет осуществлено, прекратится инновационная деятельность и развитие всей хозяйственной системы. Принудительное изъятие «прибавочной стоимости» из рыночного сектора трактуется авторами как некая позитивная эксплуатация «ради прогресса», которая дает человеку абсолютную свободу, позволяя ему выйти за «пределы существующего ограниченного продукта» [1, с. 178]. Из текста учебника неясно, предлагают ли авторы осуществлять такое перераспределение посредством экспроприации, применявшейся в период «раскулачивания», либо рыночными методами, такими как льготное кредитование инновационных фирм, создание свободных экономических зон, введение налоговых каникул, либо каким-либо иным способом.

В учебнике предложена классификация современных экономических систем, в которой основной категорией выступает цивилизация – страна, или группа стран, которая производит и потребляет основную массу пионерных продуктов мирового уровня. Своеобразие изложенного подхода состоит в том, что цивилизация, по мнению авторов, не может существовать без эксплуатации ресурсной периферии, а поэтому «цивилизация – это всегда империя» [1, с. 192]. В учебнике выделены два типа империй. Рыночная империя характеризуется негативно, она в большей степени ориентирована на богатство, чем на прогресс, а предприниматель есть «уродец, жертва общественного разделения труда», который может компенсировать свою ограниченность и бессилие только богатством. Плановая империя, наоборот, нацелена не на богатство, а на прогресс, она позволяет мобилизовать ресурсы для осуществления научно-технических прорывов и поэтому выступает прогрессивной формой экономического устройства [1, с. 194].

Субъектом управления плановой империей авторы считают бюрократию, которой они приписывают прогрессивные функции. Поскольку у бюрократии больше ресурсов для осуществления инноваций, чем у отдельного бизнесмена, «она (и особенно вождь) ощущает себя более могущественной и целевой» [1, с. 193]. Отсюда делается вывод, что для бюрократии мотив личного обогащения ослабевает, а мотив прогрессивного развития усиливается. Ряд положений книги, относящихся к функционированию вертикали управления экономикой, требует более подробного изложения и обоснования. В частности из утверждения, что «аутсайдер подчиняется руководству со стороны лидера лишь в том случае, если лидер выступает как вождь всего государства» [1, с. 324], невозможно сделать определенный вывод о характере субординации между лидером-вождем и другими лидерами общества. Использование авторами категории «вождь всего государства» противоречит гуманистической философии Э. Фромма, которую авторы положили в основу своей концепции комплексов [1, с. 55]. Ученый был убежденным противником «вождизма» и определял авторитарный характер как сосуществование садистских и мазохистских наклонностей. Исследуя психологию нацизма, он писал: «мазохистский аспект нацистской идеологии и практики наиболее проявляется по отношению к массам. Постоянно им доказывают, что индивидуум как таковой ничего из себя не представляет, он – ничто, он должен признавать свое ничтожество и смириться с этим; он обязан раствориться в высшей силе и ощущать гордость от причастности к ней». Примерно так же идеологи нацизма определяют идею того, что они сами называют социализмом. «Быть социалистом, – это значит подчинить свое «я» общему «ты»; социализм – это принесение личного в жертву общему» [2, с. 284, 299].

Плановая империя характеризуется в книге позитивно, несмотря на то, что авторы считают источником ее процветания труд покоренных народов, которые лишаются статуса частного собственника, а их территории и ресурсы переходят в неделимую собственность бюрократии. В итоге местная национальная бюрократия подчиняется имперской бюрократии, которой уже не способны противостоять никакие силы. Важное преимущество плановой

империи авторы видят в создаваемой ею тенденции экономического выравнивания территорий, в то время как в рыночной системе доминирует дифференциация. В плановой экономике богатство собирается со всех территорий, а затем из общего «котла» каждый регион получает «свою» «пайку»: богатые отдадут больше, а бедные меньше, в итоге неравенство уменьшится [1, с. 194].

Доминирующая форма собственности в плановой экономике характеризуется авторами как общая частная собственность. В качестве коллективного частного собственника выступает класс бюрократов, который присваивает и распределяет весь произведенный продукт, а прочие граждане лишь выпоускаются к средствам производства для выполнения плана и заведомо подвергаются эксплуатации «в целях прогресса» [1, с. 311, 312]. Бюрократия также планирует сферу личного потребления, она поощряет и пропагандирует массовый отдых и развлечения, вступление гражданина в различные общества и организации, поскольку таким способом «проще контролировать его потребление». По убеждению авторов, в случае «отсталого» и «деструктивного» потребления людей «регламентация их потребления со стороны бюрократии – дело полезное и прогрессивное» [1, с. 339, 340]. Приведенная концепция бюрократии очевидным образом противоречит реальному положению дел в российском обществе, где коррупция достигла опасных масштабов, служит тормозом прогресса и требует контроля со стороны гражданского общества, и эту актуальную проблему следовало затронуть в учебнике.

Вторая трактовка мотивации, предложенная авторами, рассматривает человека как «планового человека». В отличие от «теории комплексов», его внутренние качества не обосновываются, а лишь постулируются. Во-первых, для него важно, чтобы «ресурсы экономилась в масштабе всего государства». Во-вторых, ему «важно, чтобы не он был лично сыт, а чтобы все были сыты». В-третьих, ему «не свойственно дрожать над лично принадлежащим ему запасом предметов потребления и никому ничего не давать» [1, с. 324]. Данную трактовку человека авторам следовало связать с предложенной ранее «теорией комплексов». Поскольку носители «комплекса лидера» были отнесены к плановому сектору, а носители «комплекс-

са аутсайдера» – к рыночному сектору, то было бы логично отождествить лидера с плановым человеком и не определять новый тип человека с особыми качествами. Но уж если понятие «плановый человек» было введено в научный оборот, следовало четко объяснить его отличие (или тождество) от «лидера» и «аутсайдера». Слабым местом концепции планового человека является ее противоречие с гуманистической теорией Фромма, которую авторы называют в качестве психологической основы своей теории. «Плодотворный человек» Фромма должен быть свободен и независим от того, кто его контролирует; его деятельность спонтанна – это не принудительная деятельность, навязанная человеку его собственным бессилием и чувством одиночества; это не бездумная деятельность автомата, а свободная деятельность личности. Он осуждает отождествление человека с чем-нибудь или с кем-нибудь внешним по отношению к самому себе, поскольку это есть бегство от свободы, попытка обрести недостающую силу, «вторичные узлы» взамен утраченных первичных [2, с. 181, 330; 3, с. 129].

Основным недостатком книги является слабая проработанность причинно-следственных связей между различными теоретическими положениями и частями книги. Так, при рассмотрении возможных путей экономического развития страны авторы заключают, что «чем инновационнее вариант модернизации, тем при прочих равных условиях меньше рынка и больше плана» [1, с. 500]. Данный вывод не согласуется с провозглашенной ранее ролью рыночного сектора как ресурсного донора пионерного сектора. Если исходить из приведенного положения, то сокращение рыночного сектора и уменьшение ресурсов для производства пионерных продуктов тормозит инновационную модернизацию, и мы приходим к логическому противоречию, которое не возникнет при постановке проблемы определения оптимальных пропорций между рыночным и плановым секторами экономики. Однако авторы не ищут «золотой середины» и занимают в этом вопросе одностороннюю позицию: «выход российской экономики из современной тупиковой ситуации возможен при внедрении плановых методов хозяйствования» [1, с. 504].

В целом учебное издание будет полезно студентам и преподавателям как альтернатива учебной литературе рыночного на-

правления, которая доминирует как в программах учебных курсов, так и на полках книжных магазинов. Кризисные явления в российской экономике отражаются в экономической науке возрастанием интереса к плановым методам хозяйствования, и данная работа позволяет заинтересованному читателю ознакомиться с теоретическими основами плановой экономики и сделать свои выводы об их обоснованности и практической ценности.

1. Миропольский, Д.Ю. Основы теоретической экономики [Текст] / Д.Ю. Миропольский, И.А. Максимцев, Л.С. Тарасевич: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2014. 512 с.
2. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. Минск: Харвест, 2003. 384 с.
3. Фромм, Э. Человек для себя [Текст] / Э. Фромм. Минск: Харвест, 2003. 362 с.
4. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й.А. Шумпетер. М.: Эксмо, 2007. 864 с.

References

1. Miropolskiy D.Y., Maksimtsev I.A., Tarasevich L.S. (2014) *Osnovy teoreticheskoy ekonomiki: Uchebnik dlya vuzov*. St.Petersburg, Piter, 512 p. [in Rus].
2. Fromm E. (2003) *Begstvo ot svobody*. Minsk, Kharvest, 384 p. [in Rus].
3. Fromm E. (2003) *Chelovek dlya sebya*. Minsk, Kharvest, 362 p. [in Rus].
4. Shumpeter I. (2007) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm, demokratiya*. Moscow, Eksmo, 864 p. [in Rus].

UDC 330.173.34

REVIEW ON THE BOOK BY MIROPOLSKIY D. YU., MAKSIMTSEV I.A., TARASEVICH L.S. «THE BASIS OF THEORETICAL ECONOMICS»

Korneychuk Boris Vasilyevich,
National Research University "Higher School
of Economics", St. Petersburg branch,
Professor of the Department of Economics,
Doctor of Economics, Professor,
St. Petersburg, Russia.
E-mail: bkorneychuk@hse.ru

Annotation

The article gives the critical analysis of the manual by D. Yu. Miropolskiy, I.A. Maksimtsev, L.S. Tarasevich "The basis of theoretical economics". The author shows strong and weak points of the suggested conception of national economy transferring to planned management.

Key concepts:

marxism,
theory of motivation,
planned economy,
bureaucracy,
autocracy.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх–шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в Интернете: siv74.ru
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIMUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3–6 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «Antiplagiat» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk,
Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30

Website: siv74.ru
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.